

Вятский государственный университет

**В Е С Т Н И К
ВЯТСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА**

Н а у ч н ы й ж у р н а л

№ 4

Киров
2017

Главный редактор

В. Н. Пугач, кандидат экономических наук, ректор ВятГУ

Заместители главного редактора:

В. Т. Юнблюд, доктор исторических наук, профессор ВятГУ;

С. Г. Литвинец, кандидат сельскохозяйственных наук, проректор по науке и инновациям ВятГУ;

Л. В. Калинина, доктор филологических наук, доцент, ВятГУ

Ответственный секретарь

О. В. Байкова, доктор филологических наук, доцент, заведующая кафедрой, ВятГУ

Состав редакционного совета:

В. В. Блажеев, кандидат юридических наук, профессор, председатель Совета УМО по юридическому образованию, ректор Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (г. Москва);

И. Р. Гафуров, доктор экономических наук, профессор, ректор Казанского (Приволжского) федерального университета (г. Казань);

Н. И. Егорова, доктор исторических наук, главный научный сотрудник, руководитель Центра по изучению холодной войны, Институт всеобщей истории РАН (г. Москва);

В. В. Лаптев, доктор педагогических наук, профессор, действительный член (академик) РАО, проректор по научной работе, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена (г. Санкт-Петербург);

А. А. Махнев, доктор физико-математических наук, профессор, член-корреспондент РАН, заведующий отделом, Институт математики и механики УрО РАН (г. Екатеринбург);

Ю. А. Петров, доктор исторических наук, директор Института российской истории РАН (г. Москва);

Е. И. Пивовар, доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАН, ректор Российского государственного гуманитарного университета (г. Москва);

Н. Д. Светозарова, доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник, Санкт-Петербургский государственный университет (г. Санкт-Петербург);

Е. Protassova, доктор педагогических наук, профессор-адъюнкт, отделение современных языков, Хельсинкский университет (г. Хельсинки, Финляндия);

H. W. Retterath, доктор филологии, Институт этнографии немцев в Восточной Европе (г. Фрайбург, Германия);

D. Stellmacher, доктор филологии, профессор, Университет имени Георга-Августа (г. Геттинген, Германия)

Состав редакционной коллегии:

Н. М. Валеев, доктор филологических наук, профессор, академик Академии наук Республики Татарстан (г. Казань);

П. И. Кононов, доктор юридических наук, профессор, ВятГУ (г. Киров);

В. М. Лавров, доктор исторических наук, главный научный сотрудник, Институт российской истории РАН (г. Москва);

А. А. Машковцев, доктор исторических наук, доцент ВятГУ (г. Киров);

М. И. Ненашев, доктор философских наук, профессор, ВятГУ (г. Киров);

Н. О. Осипова, доктор филологических наук, профессор, ВятГУ (г. Киров);

О. А. Останина, доктор философских наук, профессор, ВятГУ (г. Киров);

В. Я. Перминов, доктор философских наук, профессор, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова (г. Москва);

В. А. Поздеев, доктор филологических наук, профессор, ВятГУ (г. Киров);

О. Ю. Поляков, доктор филологических наук, профессор, ВятГУ (г. Киров);

Ю. А. Сауров, доктор педагогических наук, профессор, член-корреспондент РАО, ВятГУ (г. Киров);

Г. И. Симонова, доктор педагогических наук, профессор, заведующая кафедрой, ВятГУ (г. Киров);

Т. Н. Чугаева, доктор филологических наук, заведующая кафедрой, Пермский научный центр УрО РАН (г. Пермь)

Научный журнал «Вестник Вятского государственного гуманитарного университета»
(Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № 77-14376 от 17 января 2003 г.) переименован
в научный журнал «Вестник Вятского государственного университета»
(Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС 77-67510 от 18 октября 2016 г.)

Учредитель журнала ФГБОУ ВО «Вятский государственный университет»

Адрес издателя/редакции: 610000, г. Киров, ул. Московская, 36,
тел. (8332) 208-964 (Научное издательство ВятГУ)

Редактор **О. И. Коробкова**

Компьютерная верстка: **К. А. Ашихмина**

Дизайн обложки: **А. Ю. Чепурных**

Ответственный за выпуск **А. А. Харунжев** (кандидат педагогических наук, доцент)

Редактор выпускающий **А. Н. Петрова**

Цена свободная

*Журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций
на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук*

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

<i>Хапчаев И. А.</i> Социально-философский анализ человека с позиции голографической модели.....	5
<i>Хубиева З. А.</i> Менталитет как социально-философская проблема	11
<i>Корнышева И. Р.</i> Проблема эстетического познания смысловых акцентов религии и искусства	15
<i>Печатнов В. В.</i> Проблема зла у Августина и Боэция.....	20
<i>Каримов А. Р.</i> Об интеллектуальных добродетелях у Аристотеля.....	29
<i>Болотова Е. А., Киселева Е. С.</i> Реконструкция идей Плотина в философии С. Л. Франка.....	33

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

<i>Бородина В. В.</i> Идея конца света в понимании российского общества на рубеже XIX–XX вв.	39
<i>Степаненко Н. С.</i> Переселение в Россию адыгской знати в 30-е гг. XIX в. (на примере дворянской семьи аббатов)	43

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

<i>Попова Л. Г., Зезюля И. Н.</i> Ценностная представленность отдыха в английских и русских рекламных слоганах.....	47
<i>Червяков А. А.</i> Прокатный девиз кинофильма как прагмаязыковое явление	50
<i>Кознова О. А.</i> Когнитивная природа внутренней формы в фокусе проблем фразеосемантики.....	53
<i>Игнатов И. А.</i> Семантика и функционирование слова «особа» в русском языке.....	57
<i>Бобырева Н. Н.</i> Типология именных образований в спортивном дискурсе	64
<i>Кравченко Н. Ю.</i> Девербативы, мотивированные глаголом <i>писать</i> , и обозначение действия.....	70
<i>Новосёлова Е. А.</i> Поэтика повседневной детали в цикле Ю. В. Трифонова «Опрокинутый дом»	76
<i>Юферева Я. А.</i> Жанрово-композиционное своеобразие романа О. Волкова «Погружение во тьму».....	81
<i>Макарова Л. В.</i> Урок литературы в старших классах, посвященный изучению пейзажной лирики И. А. Бунина с опорой на фоносемантический анализ звукобуквенных и цветовых значений	87
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	92
INFORMATION ABOUT AUTHORS	94

CONTENTS

- Hapchaev I. A.* Socio-philosophical analysis of a person from the position of the holographic model
Khubieva Z. A. Mentality as a socio-philosophical problem
Kornysheva I. R. The problem of aesthetic cognition of religion and art semantic accents
Pechatnov V. V. The Problem of Evil in Augustine and Boethius
Karimov A. R. On intellectual virtues in aristotle
Bolotova E. A., Kiseleva E. S. The reconstruction of the Plotin's ideas in the S.L. Frank's philosophy
Borodina V. V. The idea of the end of the world in russian society's understanding at the turn of XIX–XX centuries
Stepanenko N. S. Relocation to Russia adygean elite in the 30-s of the XIX century (on the example of noble family abbats)
Popova L. G., Zezyulya I. N. Value representation of rest in English and Russian advertising slogans
Chervyakov A. A. Movie tagline as a pragmalinguistic phenomenon
Koznova O. A. Cognitive nature of the inner form in the focus of the phraseosemantic problems
Ignatov I. A. Semantics and Functioning of the Word «Osoba» in Russian language
Bobyreva N. N. Typology of items derived from proper names in the sport discourse
Kravchenko N. Y. Deverbatives, connected with a verb *нucáть*, and action designation
Novosyolova E. A. Poetics of everyday detail in Yu. V. Trifonov's cycle "Overturned house"
Yufereva Y. A. The composition and genre peculiarity of Oleg Volkov's novel "Sinking into Darkness"
Makarova L.V. Literature lesson in senior classes devoted to study of landscape lylics by I. A. Bunin based on phonosemantic analysis of sound-letter and color meanings

Социально-философский анализ человека с позиции голографической модели

Статья посвящена анализу малоисследованной в современной философской науке проблеме человека как голографической парадигмы. На основе анализа различных точек зрения на данную проблему обосновывается единство человека и Вселенной и то, что наша Вселенная и наше мышление работают на одном и том же голографическом принципе. Выявляется, что зашифрованная информация реальности как виртуальная действительность является своеобразной разновидностью объективного мира и существует в потенции как возможность реализации в сознании, субъективной реальности. Декодированная информационная реальность виртуальной действительности существует в субъективном виртуальном мире и носит квантово-волновой характер.

В статье исследуются различные сходства, существующие между квантовым вакуумом и сознательными процессами. На основе анализа этих сходств анализируются возможности голографической парадигмы в объяснении процессов, происходящих в природе и сознательной жизни человека, обосновывается, что в сознании человека реализуются всеобщие квантовые закономерности, которые требуют учета всеохватывающих законов субстанции.

This article analyzes the insufficiently explored philosophical problem in modern science – the problem of man as the holographic paradigm. The analysis of different points of view on this issue proves unity of a man and the universe and that the universe and our mind work on the same holographic principle. The research reveals that codified information such as a virtual reality is a kind of the objective world and exists in potency as feasibility of conscious subjective reality. The decoded information reality of virtual reality exists in the virtual world and has the quantum wave nature.

The article examines similarities between the quantum vacuum and conscious processes. Opportunities of holographic paradigm in explaining the processes occurring in nature and conscious human life are analyzed on the basis of these similarities. It is proved that universal quantum laws realized in human mind require taking into account comprehensive laws of substance.

Ключевые слова: голография, человек, Вселенная, голокинезис, закон, мозг, информация, квантовый вакуум, сознание.

Keywords: holography, man, the universe, golokinezis, law, the brain, information, quantum vacuum, consciousness.

Проблема единства Вселенной, в которой предметы в их органической взаимосвязи и взаимодействии организуют единое целое, всегда волновала философскую мысль. Особенно важное место она занимает в пантеизме, монизме и у русских философов. Так, например, В. С. Соловьев утверждает, что истина всеединства «не может быть результатом субъективной мысли, она предполагает безусловную реальность... определяется не как истинно мыслимое только, но как истинно сущее» [1]. Другой русский философ А. Флоренский пишет: «Различными путями мысль приходит все к одному и тому же признанию: идеальное средство мира и человека, их взаимообусловленности, их пронизанности друг другом, их существенной связанности между собой» [2].

В связи с этим, как справедливо отмечает А. Турсунов, современные физические и философские идеи о всеединстве исследуются в связи с устремлением привлечь к обоснованию этих поисков представление о физическом вакууме как космическом фундаменте Вселенной [3].

Смена социально-экономического строя в нашей стране привела к отказу от методологической монополии марксизма в общественных и естественных науках, и сейчас идет поиск по определению контуров новой философской парадигмы человека. Обоснование новой парадигмы идет

на фоне широкого использования достижений не только общественных, но и естественных наук, в особенности успехов современной квантовой физики. В настоящее время уже раскрыта специфика организации Вселенной, которая отражается в понятиях изотропности, самосогласованности и т. д., что свидетельствует о единстве мира. Это требует разработки новых идей, поиска новых способов мышления по проблеме человека, учитывающих реально существующее единство между человеком и Вселенной.

Представляется, что одним из современных проявлений теории единства человека и Вселенной является исследование человека как голографической парадигмы. Однако по вопросу рассмотрения человека как голографической модели существуют различные концепции.

Анализ человека с позиций голографической парадигмы первоначально проводился в нейрофизиологии как гипотеза, разъясняющая определенные механизмы деятельности мозга. Но вскоре такая трактовка человека вышла за ее границы и стала интерпретироваться как новейший неклассический образец, проявляющий новое цельное представление на мир и непривычный взгляд на характерные признаки человека.

Исследуя новый образец, нейрофизиолог К. Прибрам обосновал, что мозг использует в своей функции голографические воззрения обработки и сбережения информации. Ученый выдвинул гипотезу о том, что сенсорная информация, поступающая из периферии в мозг, перестраивается в гармонии с преобразованиями Фурье в пространственно-фазовое формирование и разделенным образом оберегается и регистрируется в коре головного мозга. К. Прибрам этот принцип именует голографическим по аналогии с голограммами Фурье, по мнению которого, по любому элементу голограммы можно возобновить все начальное отображение [4]. Согласно концепции К. Прибрама возбужденные нервные клетки мозга формируют устойчивые интерференционные паттерны, распространенные по всему мозгу сообщения в организациях восприятия и памяти. Исследователь сформулировал базовые принципы голографической парадигмы [5].

Развивая идеи К. Прибрама, американский ученый Д. Бом восстановил идею замаскированных переменных, которую раньше предполагали необоснованной даже такие видные исследователи, как Фон Нейман и Гейзенберг. Это резко изменило основные принципы и сформулированные идеи науки. Д. Бом в своей концепции представляет содержание объективной реальности и сознания как непрерывное и когерентное целое, вовлеченное в длительный процесс изменения – голодвижение. С позиции теории Д. Бома, мир – это сплошной поток, и стабильные структуры каждого предмета или явления понимаются как абстракции. При этом всякое событие или предмет, доступный изображению, возникают от еще неизвестной и неопределенной общности. Согласно Д. Бому явления, которые мы воспринимаем непосредственно нашими чувствами и при помощи научных инструментов, т. е. мир, исследуемый механической наукой, представляет лишь отрывок реальности, развернутый или эксплицитный (явный) порядок. По мнению ученого, специфическая форма, причиной порождающей матрицы которой является более важная общность наличествования, – завернутый или имплицитный (скрытый) порядок, в нем эта форма имеется и из него появляется.

Следует отметить, что в имплицитном порядке пространство и время не являются преобладающими моментами, детерминирующими взаимоотношения подчиненности или неподчиненности различных компонентов. В концепции Д. Бома многообразные элементы существования главным образом связаны с целостной системой, ибо они реализуют особые действия ради заключительной цели и не являются автономными частями.

Ученый утверждает, что жизнь нельзя понимать в терминах из неодушевленной материи или как производную от нее. Фактически между ними невозможно провести четкую и абсолютную границу. Неодушевленную природу следует рассматривать как относительно автономную подобность, в которой жизнедеятельность «имплицитована», но значимо не прошена. При этом, по мнению Д. Бома, материя и сознание – это абстракции имплицитного порядка, их всеобщего основания, в силу чего они являются несводимыми друг к другу нераздельным целым. Аналогичным образом познание внешнего мира и концептуальные знания в частности – это отвлечения единого общего потока. Согласно Д. Бому указанные знания являются не познанием реальности, а интегральным компонентом голодвижения.

В связи с этим он отмечает, что мышление обладает двумя аспектами: с одной стороны, оно, функционируя само по себе, механично заимствует свою упорядоченность из памяти, а с другой – мышление может основываться на рациональности – свободной, автономной и необусловленной стихии, появляющейся в голодвижении. Согласно концепции Д. Бома осознание и восприятие, включая и концепции, представляют собой творческую деятельность, подобную художественному процессу, а не идеальное отражение объективной реальности. Он утверждает, что разумная бессвязность мира, присущая современной механической науке, обуславливает серьез-

ные негативные последствия. В этих условиях одна из значимых ценностей голографии, согласно концепции Д. Бома, обнаруживается в том, что она способна содействовать непосредственной перцептивной интуиции в отношении единой и неделимой целостности, которая является сущностью современного мироздания. По его мнению, в настоящее время подобное мировоззрение разработано и развивается представителями квантовой механики и теории относительности.

Исходя из своей концепции о том, что мир является целостной и неделимой реальностью, Д. Бом считает отрывочными все те наличествующие концепции о мире, которые не учитывают сознание. По мнению Д. Бома, Вселенная динамична, она находится в непрестанном движении, которое он определяет как голокинезис. Согласно теории ученого голокинезис является основой двух порядков: имплицитного и эксплицитного [6]. Имплицитный порядок выступает как свернутый порядок, который уделяет особое внимание уровню реальности, на котором вещи являются не оторванными друг от друга сущностями, а работают как компоненты целостной системы, холистично. Вместе с тем аспекты имплицитного порядка могут превратиться в эксплицитные через конкретные научные гипотезы, инструменты и методы наблюдения.

На основе вышеизложенного можно заключить, что Д. Бом исследует в качестве «первоначальной реальности» изменения свертывания и развертывания [7]. Это позволило ему обосновать, что вещи, сущности и формы проявляются только в данном движении и являются производными от этого изменения. При этом каждый отдельный предмет реальности в свернутом виде заключает в себе целое и в ходе постоянного развертывания вновь возвращается к целому. Вместе с тем любое изменение в одном из сторон голограммы обуславливает вереницу изменений во всех других аспектах. В силу этого мир – огромная голограмма, каждый пункт которой заключает информацию обо всем мире. Однако, по мнению Д. Бома, данная информация зашифрована в голографических интерференционных микроструктурах.

С нашей точки зрения, в концепции Д. Бома и его последователей, наряду с ценными идеями, имеется и ряд недостатков. Так, например, недостаточно обоснованным является утверждение о том, что восприятие, включая концепции, является не идеальным отражением объективной реальности. Д. Бом в своей теории стремится отыскать всеобщую базу для «непосредственного восприятия» и «научной абстракции» и в результате этого делает вывод о том, что «в основном оба эти процесса могут рассматриваться как предельные случаи единого всеобщего вида восприятия» [8].

По мнению ученого, результатом подобного восприятия является не осведомленность, а прямое недואльное понимание. Личность как бы становится средством для ноуменального интеллекта. Однако изображение данного процесса в теории Д. Бама и его сторонников представляет огромную трудность в модели голографических концепций сознания и Вселенной. Многие ученые видят наибольшую сложность в концепции Д. Бома в интерпретации того особого механизма, на основе которого человек уподобляется трансформатору, способному преобразовывать космическую энергию и расшифровывать закодированную в голографических микроструктурах информацию на наш уровень. Представляется, что данный вопрос в теории Д. Бома и его сторонников остается без ответа.

Однако достижения современной науки проливают свет на то, что зашифрованная информация в голографических микроструктурах мира как виртуальная действительность существует везде: и в природе, и в социуме, и в схемах практики и т. д. – как своеобразная разновидность объективной реальности, которая обладает особыми средствами и возможностями воздействия на наши органы чувств.

Но, как справедливо отмечает Д. И. Дубровский, подобная закодированная информация существует в потенции как возможность реализации в сознании, т. е. в субъективной реальности [9]. Данная закодированная информация, которая воздействует на органы чувств человека и передается в мозг, при вмешательстве энергии мозгового кода внешнего объекта на квантовый вакуум, декодируется в квантово-волновую действительность, т. е. в субъективную реальность [10]. При этом декодированная информационная реальность виртуальной действительности, существующая в субъективном виртуальном мире человека, всегда воплощена в мозговом коде, ибо расшифровка кода означает «только одно: перевод неизвестного в известный» [11].

Многие современные ученые считают, что мозг человека – это квантово-макроскопический орган, включающий в преобразованном виде космическое происхождение. Говоря о космическом генезисе мозга, А. М. Мостепаненко отмечает, что существует сходство между квантовыми основаниями Вселенной и психическими процессами [12].

Исходя из генетической целостности мозга с квантовым основанием Вселенной, можно говорить о том, что органические признаки мозга имеют квантовые предпосылки. При этом своеобразие психологических процессов «скрывает» их квантовый генезис и в то же время их диалек-

тическое единство с квантовым происхождением самой Вселенной. В свете данных современной науки мозг является саморегулирующимся гетерогенным органом, в котором на нейронно-сетевой ступени реализуются всеобщие квантовые закономерности.

В связи с этим следует отметить, что в «усовершенствованной онтологии Уайтхеда-Гейзенберга» «физический мир... представляет собой выражение тенденций в мире нашего сознания» [13]. Поэтому многие ученые считают, что законы квантовой механики невозможно понять без апеллирования к явлению сознания. Вместе с тем современная наука проливает свет на то, что квантовый анализ материальных объектов и мозга и их развития имеет существенное значение как для конкретных наук, так и для философского понимания роли человека и его сознания в развитии нашей Вселенной. «Создание квантовой теории, – пишет Н. Бор, – есть нечто больше, чем открытие квантовых законов микромира: она должна привести к новому взгляду не только на физические или химические, но также на биологические и психические явления» [14]. По его мнению, квантовые законы позволяют лучше осознать мышление. При этом он утверждает, что при интерпретации сознания надо отказаться от причинной трактовки по эталону классической физики.

В этом плане сознательные и бессознательные процессы, происходящие в мозге человека, представляют собой процессы квантово-волновой природы, а не процессы классического содержания, которые реализуются в пространстве и времени системы связанных между собой нервных клеток квантового типа [15]. Поэтому сущность сознания не может быть разрешена на основе принципов механического детерминизма. Эта идея созвучна с суждением М. Арбиба о том, что функционирование психики может быть описано на языке «квантовой теории, когда она получит необходимое для этого развитие» [16].

Однако сейчас общепризнанным является идея о том, что чувственная информация, которая движется из периферии в мозг по эфферентным путям и имеет квантово-волновую природу, хранится в пространстве квантовых состояний. С этих позиций вполне допустимо сопоставлять память мозга с голографическим образом, обладающим квантово-волновой природой, по компоненту которого возрождается целое. В свете современной науки в информации памяти, которая рассредоточена по всему объему мозга, каждая часть содержит все целое.

Представляется, что память является особым средством долговременного хранения идеальных образов в макроскопических и знаковых формах их бытия. Вместе с тем мозг хранит в себе и квантовые закономерности изменения нашей Вселенной, воссоздавая их в своей структуре. При этом прерывистый характер идеальных образов, возможно, обусловлен квантовым взаимоотношением неопределенностей. Исходя из этого многие ученые считают невозможным объяснить сущностно-психическую функцию, опираясь лишь на анализ макроскопической организации мозга. Поэтому В. В. Чавчавадзе утверждает, что воссоздание и кодировка внешнего мира в психике «носит принципиально квантовый характер и подчиняется квантово-волновой информационно-логике» [17].

Вместе с тем, с нашей точки зрения, квантово-волновой подход к деятельности мозга проливает свет на то, что сознание нельзя трактовать и как только квантовое состояние его материального субстрата. Это связано с тем, что сознание возникает и существует в системе детерминант, в которой наиболее важную детерминирующую роль играет зашифрованная информация в голографических структурах социума. Однако стоит отметить, что принцип единства человека и мира требуют при объяснении генезиса сознания, его взаимосвязи с мозгом и объективной реальностью, основываться не только на связи образа и отражаемого объекта, а также на социальных, биологических и т. д. детерминантах, но и на всеохватывающих законах субстанции, которые являются всеобщей основой совершающихся в Космосе процессов, в том числе и в сфере сознания.

Обосновывая указанные взаимосвязи на базе интегральных понятий, возникающих на основе современного синтеза психологии, физики, космологии, социологии, А. М. Мостепаненко отмечает, что факт появления мышления и сознания в мире «в определенную космологическую эпоху имеет вместе с тем космическое значение, уходящее своими корнями в фундаментальные свойства и структуру Вселенной» [18].

При этом, по его мнению, зарождение сознания обусловлено «не только с физико-энергетическими и информационными процессами обычного типа, но и с какими-то реальными феноменами очень общего характера, служащими основой для отображения и моделирования огромного многообразия явлений» [19].

Современная наука проливает свет на то, что указанным разносторонним типом действительности является квантовый вакуум, ибо именно он детерминирует как наличие, так и отсутствие са-

мих базовых взаимодействий материальных предметов, так и все разнообразие качественно многообразных феноменов.

Представляется, что в этом отношении для осмысления специфики сознания важное значение имеет исследование его генетической взаимосвязи с базовыми закономерностями квантового вакуума. По нашему мнению, это позволит понять разносторонние возможности мыслящего мозга, закономерно появившегося на основе квантового происхождения Вселенной и ее последующего развития.

Идея о том, что квантовая база Вселенной способна стать разносторонним способом деятельности процесса мышления как последствия его эволюции, требует рассмотрения тех неформальных сходств, которые наличествуют между признаками квантового вакуума и сознательными процессами. В этом отношении вакуум, аналогично психике, служит особым «потенциальным бытием». Подобно тому как «чистое сознание» прячется под видимой пустотой безграничный мир бессознательного и возможных отражательных актов, вакуум вмещает совокупность виртуальных процессов и феноменов. Как справедливо отмечает А. М. Мостепаненко, вакуум «не имея никакой явной фактуальной информации, вместе с тем вмещает в себе потенциально бесконечную информацию о мире» [20].

Представляется, что другим сходством между вакуумом и сознательными процессами является наличествование связи субъективных образов с энергетическим процессом. При этом объем энергетических издержек на увеличение урегулированности образа в отношении объекта определяется конкретными обстоятельствами перцептогенеза. Наибольшие издержки энергии обуславливаются или высоким уровнем полноты воссоздания структуры внешнего предмета в идеальном образе, или немалой величиной работы по интегрированию многообразных образов. Всякая сознательная деятельность мозга требует соразмерных энергетических издержек. В связи с этим, как справедливо отмечает Л. М. Веккер, для интерпретации энергетических признаков закономерностей сложных видов сознания психологами разрабатывается гипотеза, согласно которой перестройка немалых массивов информации допускает не только расходование, но и производство энергии головным мозгом этих перестроек [21]. По мнению Л. М. Веккера, «большое полушарие не только потребляют, но и воспроизводят энергию, во всяком случае, часть ее, необходимую для рефлекторной аналитико-синтетической работы» [22]. Из вышесказанного следует, что одной из важных черт деятельности мозга является такая закономерность, как его способность к автономному энергетическому самоснабжению. Поэтому мозговая деятельность базируется не только на информационной, но и на энергетической автономности, которая препятствует силам вырождения.

Современная наука проливает свет на то, что данное качество мозга субъекта следует разъяснять, основываясь на мировоззрении о генетической целостности субъекта со всеобщими законами эволюции Мироздания и его квантового основания. Представляется, что превращение в собственную сущность индивидов универсальной возможности субстанционального отношения вакуума – это значит, помимо всего прочего, воспроизводить в структуре их интеллекта информационно-энергетические возможности одного из его полюсов, т. е. квантового вакуума. Данная закономерность определяет квантовый способ наличествования всех сознательных процессов и образов. Из этого факта вытекает, что мозг индивида применяет энергетические признаки вакуума в качестве способа реализации и самого хода мышления.

По нашему мнению, психические образы извлекают энергию для своего существования в виде квантовых флуктуации вакуума, производя тем самым небольшие изменения. Все это требует связывать деятельность мозга с осуществлением возможностей вакуума, причем не только энергетических, но и информационных. Отсюда следует вывод: мыслить – следовательно, реализовывать интеграцию указанных возможностей с собственным содержанием человека. В таком случае мышление как процесс трансформации информационно-энергетических возможностей вакуума в структуру интеллекта преобразует квантовое состояние самого вакуума. Поскольку индивид мыслит, используя квантовые возможности вакуума, постольку он с неизбежностью оказывает на него влияние. При этом стоит отметить, что квантовые функции мышления наличествуют самостоятельно от того, осознает их индивид или нет.

На основе вышеизложенного можно заключить, что трансформируя информационно-энергетические возможности вакуума в способы деятельности мозга, индивид преобразует квантовые состояния самого вакуума. В результате этого в ходе мышления осуществляется преобразование квантовых возможностей вакуума, в отрыве от закономерной связи с которыми оно нереализуемо, ибо интеллект мыслит, лишь осуществляя их. Следовательно, мыслить значит наличествовать в генетической целостности с возможностями того квантового основания, из которого возникает все конкретно-телесное.

На наш взгляд, анализ человека с позиции голографической парадигмы имеет важное значение не только для гармонизации взаимоотношений человека и мира, а также для философского понимания роли человека и его сознания в развитии нашей Вселенной, но и для разработки голографических методик с целью практического применения. В этом отношении в настоящее время разработаны и уже успешно применяются такие варианты голографических методик, как электронная голография, рентгеновская голография и т. д. Голография сейчас также широко используется в технике, в физике, для создания объемного телевидения, кино и т. д.

Таким образом, можно сделать вывод, что анализ человека в свете голографической парадигмы переводит мышление человека не только на новый уровень и позволяет под новым углом зрения взглянуть на единство человека и мира, но имеет важное практическое значение для развития общества.

Примечания

1. Соловьев В. С. Соч. М.: Мысль, 1988. Т. 1. С. 268.
2. Флоренский П. Микрокосм и макрокосм // Богословские труды. Сборник 24. М., 1983. С. 230–241.
3. См.: Турсунов А. Мироздания тугие узлы: новейшая космология в философской перспективе // Вопросы философии. 1988. № 2. С. 69–84.
4. См.: Pribram K. Behaviorism. Phenomenology and Holism in psychology Metaphors of consioususs. 1981. № 3. С. 141–151.
5. См.: Прибрам К. Языки мозга. М.: Прогресс, 1975. С. 239.
6. Bohm D. Welwood J. Issues in physics psychology and metaphysics: a couversstion // J. of Transpez 80 nal Psychology, 1980. С. 28.
7. См.: Бом Д. Развертывающееся значение. Три дня диалогов с Дэвидом Бомом. Дэвид Бом / пер. с англ. М. Немцова. URL: http://www.samomudr.ru/d/Bom%20D_Razvertiya-jusheesja%20znachenie.pdf
8. Бом Д. Специальная теория относительности / пер. с англ. Н. В. Мицкевича; под ред. А. З. Петрова. М.: Мир, 1967. С. 283.
9. Дубровский Д. И. Проблема идеального. Субъективная реальность. М., 2002. С. 244–245.
10. См.: Ланцев И. А. Предпосылки создания ноосферно-ориентированной вакуумной научной картины мира // Философия и космология. 2012. Вып. № 1 (10). С. 92–110.
11. Дубровский Д. И. Информация, сознание, мозг. М., 1980. С. 235.
12. См.: Мостепаненко А. М. Проблема существования в физике и космологии. Л., 1987. С. 4.
13. Stapp H. P. S. – Matrix interpretation of Quantum Theory // Physical RevD. (Maschis). 1971. С. 375.
14. Бор Н. Избранные научные труды: в 2 т. М.: Наука, 1971. Т. 2. С. 284.
15. Чавчавадзе В. В. К квантово-волновой теории когерентной модели мозга. Структура когерентного мозга // Биология. Киев, 1979. Вып. 7. С. 140.
16. Арбиб М. Метафизический мозг. М., 1976. С. 259–267.
17. Чавчавадзе В. В. К квантово-волновой теории когерентной модели мозга. Структура когерентного мозга... С. 103.
18. Мостепаненко А. М. Указ. соч. С. 139.
19. Там же. С. 139.
20. Там же. С. 143.
21. Веккер Л. М. Психические процессы. Т. 2. Л., 1976. С. 337–338.
22. Там же. С. 274.

Notes

1. Solovyov V. S. Soch. [Works]. M. Mysl. 1988. Vol. 1. P. 268.
2. Florensky P. Mikrokosm i makrokosm [Microcosm and macrocosm] // Bogoslovskie trudy – Theological works. Collection 24. M. 1983. Pp. 230–241.
3. See: Tursunov A. Mirozdan'ya tugie uzly: novejshaya kosmologiya v filosofskoj perspektive [Tight knots of the Universe: the latest in cosmology and philosophy] // Voprosy filosofii – Questions of philosophy. 1988, No. 2, pp. 69–84.
4. See: Pribram K. Behaviorism. Phenomenology and Holism in psychology Metaphors of consioususs. 1981. № 3. Pp. 141–151.
5. See: Pribram K. Yazyki mozga [Languages of the brain]. M. Progress. 1975. P. 239.
6. Bohm D. Welwood J. Issues in physics psychology and metaphysics: a couversstion // J. of Transpez 80 nal Psychology, 1980. P. 28.
7. See: Bohm D. Razvertiyayushcheesya znachenie. Tri dnya dialogov s Dehvidom Bomom. Dehvid Bom [Unfolding meaning. Three days of dialogue with David Bohm. David BOM] / transl. from English. M. Nemtsov. Available at: http://www.samomudr.ru/d/Bom%20D_Razvertiya-jusheesja%20znachenie.pdf
8. Bohm D. Special'naya teoriya otnositel'nosti [Special theory of relativity] / translated from English. N. V. Mitskevich; ed. by A. Z. Petrov. M. Mir. 1967. P. 283.
9. Dubrovski D. I. Problema ideal'nogo. Sub'ektivnaya real'nost' [Problem of the ideal. Subjective reality]. M. 2002. Pp. 244–245.

10. See: Lantsev I. A. *Predposylki sozdaniya noosferno-orientirovannoj vakuumnoj nauchnoj kartiny mira* [Background of the creation of the noosphere-oriented vacuum scientific picture of the world] // *Filosofiya i kosmologiya* – Philosophy and cosmology. 2012, is. No. 1 (10), pp. 92-110.
11. Dubrovskiy D. I. *Informaciya, soznanie, mozg* [Information, consciousness, brain]. M. 1980. P.235.
12. See: Mostepanenko A. M. *Problema sushchestvovaniya v fizike i kosmologii* [Problem of existence in physics and cosmology]. L. 1987. P. 4.
13. Stapp H. P. S. – Matrix interpretation of Quantum Theory // *Physical RevD*. (Maschis). 1971. P. 375.
14. Bohr N. *Izbrannye nauchnye trudy: v 2 t.* [Selected scientific works: in 2 vol.] M. Nauka. 1971. Vol. 2. P. 284.
15. Chavchavadze V. V. *K kvantovo-volnovoj teorii kogerentnoj modeli mozga. Struktura kogerentnogo mozga* [To the quantum-wave theory of coherent model of the brain. The coherent structure of the brain] // *Biologiya* – Biology. Kiev. 1979, is. 7, p. 140.
16. Arbib M. *Metafizicheskij mozg* [Metaphysical brain]. M. 1976. Pp. 259-267.
17. Chavchavadze V. V. *K kvantovo-volnovoj teorii kogerentnoj modeli mozga. Struktura kogerentnogo mozga...* [To the quantum-wave theory of coherent model of the brain. The coherent structure of the brain...] P. 103.
18. Mostepanenko A. M. Op. cit. P. 139.
19. Ibid. P. 139.
20. Ibid. P. 143.
21. Vekker L. M. *Psihicheskie processy* [Psychological processes]. Vol. 2. L. 1976. Pp. 337-338.
22. Ibid. P. 274.

УДК 13

З. А. Хубиева

Менталитет как социально-философская проблема

В предлагаемой статье с позиции системного подхода дается анализ недостаточно исследованной в современной социальной философии проблеме менталитета. На основе рассмотрения различных точек зрения на проблему менталитета обосновывается, что менталитет личности, будучи устойчивой основой его существа, выступает активным фактором человеческой жизнедеятельности, и дается авторское определение феномену менталитета. В работе выявляется, что природа менталитета – двуединая, включающая и духовно-психологический, и социальные компоненты. Такая трактовка понятия «менталитет» позволила автору выделить наиболее существенные аспекты структуры менталитета: духовное бытие, общественное и индивидуальное сознание, традиции, материальную и духовную культуру, идентичность, архетип.

Выявляется, что духовность как элемент менталитета характеризует качественное состояние ментальности как оценочный эталон. В этом плане раскрывается, что указанный оценочный эталон можно использовать для оценки ментальности с помощью понятий, что она «духовна», «малодуховна», «бездуховна» и т. д.

This article analyses the insufficiently explored problem of mentality in modern social philosophy. A thorough analysis of the subject from different points of view proves that mentality of a person, as a stable foundation of his being, is an active factor of human life and this fact helps the author of the article to give his own interpretation of the phenomenon of mentality.

The paper reveals a two-pronged nature of mentality which includes spiritual, psychological and social components. Such interpretation of the concept of "mentality" allows the author to highlight the most significant aspects of the structure of mentality: a spiritual being, social and individual consciousness, traditions, material and spiritual culture, identity, archetype.

It is revealed that spirituality as an element of mentality characterizes qualitative state of the latter as an evaluation standard. And in this regard this evaluation standard can be used as criteria to the mentality by using concepts «spiritual», «less spiritual», «unspiritual», et.

Ключевые слова: менталитет, духовность, целостность, ценности, культура, человек.

Keywords: mentality, spirituality, integrity, values, culture, people.

В условиях обновления всех сторон жизни российского общества анализ проблемы менталитета как качества человека является весьма актуальной проблемой. Это обусловлено тем, что для успешного развития каждое общество должно формировать молодое поколение сообразно культуре народа своей страны и его менталитета.

Однако в современной социально-психологической и философской литературе существуют самые разные определения менталитета. Это создает определенные трудности рассматриваемого понятия. Так, например, В. А. Шкуратов отмечает, что менталитет личности характеризуется

разнообразием и богатством своих составляющих [1]. По мнению автора, он включает: факторы общественно-культурологические, уходящие корнями в социальную жизнь и ее структуры, и факторы природные, захватывающие как природную сферу обитания человека, так и его собственную природу; факторы сознательные, вполне осознаваемые и оцениваемые человеком, и факторы бессознательные, подсознательные, которые не осмысливаются самим человеком; факторы рациональные (наука, философия, политическая идеология и т. д.) и факторы эмоционально-психологические (установки, аффекты и т. д.); факторы общественные, идущие от социума, социальности, и факторы индивидуальные, корни которых в интимных глубинах личности. На наш взгляд, значимость данной концепции менталитета заключается в том, что она опирается на широкий круг факторов общественного бытия, не замыкаясь ни в одном из этих факторов и принципиально не отвергая никакой из них.

Другой исследователь А. Я. Гуревич пишет: «Понятие "менталитет" отличается неопределенностью, но, по мнению Ле Гоффа, эта неопределенность плодотворна... Я бы добавил к этому, что, по-видимому, известная размытость понятия обусловлена самой природой феномена: ментальность вездесуща, она пронизывает всю человеческую жизнь, присутствуя на всех уровнях сознания и поведения людей, а потому так трудно ее определить, ввести в какие-то рамки» [2].

Несколько иной точки зрения придерживается М. Рожанский. Он отмечает: «Понятие *mentalité* утвердилось в интеллектуальной жизни Запада как поправка XX в. к просветительскому отождествлению сознания с разумом. *Mentalité* означает нечто общее, лежащее в основе сознательного и бессознательного, логического и эмоционального, т. е. глубинный и потому трудно фиксируемый источник мышления, идеологии и веры, чувства и эмоций. *Mentalité* связано с самими основаниями социальной жизни и в то же время своеобразно исторически и социально, имеет свою историю» [3].

В двух последних определениях рассматриваемого понятия акцент делается на то, что менталитет – это трудно рефлекслируемый сознанием феномен. Можно было бы привести и другие определения менталитета, но в данной статье мы не можем привести все его дефиниции, ибо это требует специального и самостоятельного исследования. Отметим лишь то, что все эти определения, безусловно, содержат в себе ценные идеи. Однако во многом они носят ориентировочный характер.

С нашей точки зрения менталитет – это сформировавшийся на основе общественного и духовного опыта устойчивый комплекс прошлых лет, устойчивая система основополагающих понятий и выражений субъектов общества, ориентирующее и во многом обуславливающее общественное и индивидуальное сознание и поведение. Он выступает как система компонентов духовной жизни человека или общественной группы и включает в себя метод мышления, мировоззренческие цели, предрасположенность к восприятию, умонастроениям. Представляется, что данный комплекс предопределяет стереотипы поведения, деятельности, образ жизни общности, индивидов. Природа менталитета – двуединая, включающая и духовно-психологический, и социальный компоненты. Такая трактовка понятия «менталитет» позволяет выделить наиболее существенные аспекты структуры менталитета: духовное бытие, общественное и индивидуальное сознание, традиции, материальную и духовную культуру, идентичность, архетип.

Социальная роль менталитета распространяется на макро- и микросреду и создает конкретную направленность жизнедеятельности. Это процесс создания условий для творческого приспособления личности к социальной среде и в то же время – средство формирования существенных сил социума.

Менталитет человека характеризуется целостностью, существованием конкретного качественного стержня. Заметим, что не все факторы, составляющие менталитет, существуют не в своей разнородной разности, не в своей внешней связанности и сопряженности, ибо вливаются в некий сплав. Менталитет как целостная система обуславливает предрасположенность человека мыслить, чувствовать и воспринимать мир конкретным образом, определенным образом действовать, предпочитать (или отвергать) определенные ценности, культурные коды и т. д.

Представляется, что ценность идеи менталитета заключается в том, что в качественном ядре личности представлены, переплавлены все факторы его жизнедеятельности. Вместе с тем стоит отметить, что здесь нет жесткой редукции, которая бы отсекала от стержня человеческого существования по тем или иным мотивам какие-то факторы человеческой жизнедеятельности (например, область бессознательного).

Следует отметить, что менталитет человека формируется длительным путем. Безусловно, в первую очередь, на человека воздействуют внешние обстоятельства его жизни, непосредственно им воспринимаемые и требующие от него всей ответной реакции. Однако на человека еще влияют история общества, в котором живет человек, традиции, коды культуры, стандарты поведения,

стиль мышления — все это складывается веками. Указанные факторы, зачастую не осознанными человеком путями, а если и осознаваемыми, то не вполне им оцененными, влияют на человека, так сказать, оседают в нем, превращаются в черты его менталитета. Подобным же образом и природная эволюция человека, его генетический код выплескиваются в ядро его бытия и отпечатываются в нем.

При этом менталитет человека носит глубинно-устойчивый характер. Личность, находясь в динамичных, многообразных положениях жизни, реагирует на них, приспосабливается – и часто меняет ценностные ориентиры своего поведения. Заметим, что без подобной динамичной адаптивности он просто не смог бы выжить вообще. Однако следует подчеркнуть, что менталитет человека характеризует не эту бесконечную вариативность человеческого поведения, а более глубинную сущность. Он выступает как устойчивая основа человеческого существа, которая как раз и позволяет ему бесконечно видоизменять свое поведение, сохраняя при этом свою устойчивость.

Представляется, что менталитет личности, будучи устойчивой основой его существа, выступает активным фактором человеческой жизнедеятельности, он эффективно детерминирует всю линию жизненного поведения человека, выступая системой его ценностных ориентаций.

Ценности, составляющие единую основу менталитета, образуют целостную систему, которой характерны общие закономерности и тенденции. Следует отметить, что существенной идеей теории менталитета является представление об особых законах его функционирования. Это проявляется в том, что, хотя на формирование менталитета влияет целый ряд факторов, менталитет, тем не менее, не выступает как их простое следствие, простая проекция в личностно-индивидуальную форму бытия этих факторов. В силу этого менталитет личности имеет свое качественное своеобразие, и он существует, развивается, функционирует именно по законам собственной качественной природы. Поэтому между законами развития социума в целом или его структур и законами менталитета человека имеется принципиальное различие по содержанию, характеру и т. д. Вследствие этого в принципе возможна не только гармония, но и противоречие развития общества и ментальности человека. В этом плане менталитет, с одной стороны, побуждает человека принятие определенных действий, следование определенным ценностям, с другой – он же является базой отталкивания субъектом всего того, что ему чуждо, выступает как желание воспринять одно, но закрытость, безразличие к другому, ибо это «другое» вносит дисгармонию в духовный строй бытия и чуждо духовной настроенности на мир. Как явление чужеродное это «другое» может вызвать лишь смятение души, в лучшем случае – неприятие и непонимание, в худшем – нарушение «предустановленной гармонии» смыслов, ценностей и идеалов культуры, выработанных народом на протяжении его духовной истории как культурно-психологический компонент менталитета.

В связи с этим П. Штопка, говоря о постсоветском реформировании российского общества, отмечает, что оно не было бы столь острым, если бы учитывались исторические и социокультурные особенности российского социума [4].

Представляется, что менталитет в этом отношении является критериальной основой личностного самосознания, выступает как явление, в основе которого лежит сознание, отражает потенциальную предрасположенность к тому или иному мировосприятию или мировоззрению, характеризует поступки, поведение людей в обществе.

При этом менталитет народа – это процесс. В силу этого духовный диалог необходим для существования и развития менталитета народа. Как справедливо отмечает Д. С. Лихачев, именно в живом диалоге с иными культурами и развивалась древнерусская духовность [5].

Представляется, что диалог, уходящий своими корнями в историю народов, и в совершенствующейся живой духовной культуре настоящего не может прерываться. Говоря о необходимости диалога духовных культур, М. М. Бахтин отмечает, что духовно живой «народ должен иметь его в виду и в безграничном будущем» [6].

В связи с этим следует отметить, что более значимым становится соотнесение феномена, рефлекслируемого в понятии «менталитет», с общественной психологией в целом и с каждым из ее уровней в частности. В этом плане, говоря о менталитете, следует выделить три уровня общественной психологии:

общественная психология первого (низшего) уровня как элементарное отражение фундаментальных условий жизни социума и отдельных индивидов в нем: технико-технологических, природных (в том числе демографических), конкретно-исторических (в том числе этнических);

общественная психология второго уровня как отражение уже не только указанных выше фундаментальных факторов, но и сложившихся не без помощи первого уровня общественной психики экономических отношений;

общественная психология третьего уровня, содержание которой определяется в значительной степени обратным активным воздействием на нее со стороны политической и духовной надстройки.

Представляется, что переход с одного уровня общественной психологии на другой носит кумулятивный характер: происходит не смена основного содержания, а его удержание и соответствующее наращивание за счет подключения новых объективных факторов, находящихся свое отражение в общественной психике. В силу этого, если говорить о третьем уровне, то здесь мы имеем дело уже с общественной психологией, в значительной мере политизированной и «одухотворенной». Последнее понятие мы берем в кавычки, поскольку воздействие надстроечного этажа социума (политики, искусства, философии) на психологию далеко не однозначно – оно, это воздействие, может в одних случаях возвышать чувства, привычки, настроения, гуманизировать их, а в других – делать их более низменными, эгоцентристскими и даже человеконенавистническими.

Заметим, что менталитет нельзя свести ни к одному из этих уровней, ибо в противном случае теряет смысл само введение в канву теоретического анализа понятия «менталитет». При этом данное понятие перестает нести самостоятельную эвристическую нагрузку, превращаясь, например, в дублера «общественной психологии». Если данное понятие будет дублировать другое понятие, то оно не только лишается самостоятельного содержания, но и загромождает научный аппарат. С нашей точки зрения менталитет как духовно-психологический облик общества объемлет собой два «нижних» уровня общественной психологии. Вместе с тем на третьем уровне необходимо учитывать специфические закономерности обратного воздействия на психологию надстроечных факторов.

В связи с этим следует отметить, что гражданские и отечественные войны, классовые революции и т. д. оказывают влияние на менталитет, т. е. на образ мышления, всеобщую духовную настроенность личности, группы, страны в целом. Именно в эти периоды в полную силу проявляется духовность людей, их ориентация на такие высшие смысловые ценности, как свобода, справедливость, равенство и т. д.

С этих позиций духовность можно рассматривать как входящий по содержанию элемент в структуру ментальности, соединив их в единое поле значений. Это возможно и необходимо, так как функции их совпадают. Оба понятия обслуживают процесс истолкования субъектом жизненных реальностей, обеспечивают процесс нарастающей самоидентификации человека в условиях современных коммуникационных процессов и расширяющегося жизненного опыта личности.

Следовательно, духовность входит в поле значений менталитета. Но практика гораздо богаче развивающейся науки: если существует понятие «духовность», то существует и его жизненная функция. Метод структурно-функционального анализа дает нам возможность установить, что духовность характеризует качественное состояние ментальности как оценочный эталон.

В связи с этим Т. В. Холостова отмечает, что в широком смысле духовность есть выражение качества личности, точнее – ориентации сознания личности, реализующее изнутри мотивированное включение в общественную жизнь.

Тем самым духовность позволяет измерить рост человека в каждом из людей [7].

Поэтому здесь вполне можно использовать духовность для оценки ментальности субъекта жизни «баллами»: то есть что она «духовна», «малодуховна», «бездуховна» и т. д. Эталоны подобных оценок находятся в культуре. При этом все структурные элементы менталитета субъекта оказываются так или иначе сориентированными в идеальном случае на систему смысловых ценностей и тем самым на изменение его мировоззрения.

Здесь следует отметить, что изменения в мировоззрении человека связаны с накоплением его знаний, отражающих постоянно меняющийся реальный мир. Появление новых реальностей ведет к переосмыслению взглядов, возникновению иного мировосприятия, формированию элементов нового для индивида мировоззрения. При этом мера связанности идейности человека с его духовностью определяет степень напряженности борьбы его интеллекта с усвоенными смысловыми ценностями. Человеку при этом кажется, что происходит нечто трагически – необратимое, приводящее к отчаянию, к ощущению бессмысленности своего дальнейшего существования. В России, находящейся в переходном этапе от социализма к капитализму, такое состояние испытывали многие. При этом чем больше личных усилий вложил человек в творение общественных достижений, тем болезненнее он переживает процесс ломки своих мировоззренческих представлений, побуждавших ранее его к такой социальной активности.

Таким образом, ценностно-нормативный мир человека, развиваясь в потоках объективной и субъективной реальностей, обретает качественное состояние в силу воздействия на него системы смысловых ценностей. Этим достигается устойчивость внутреннего мира человека при его жизни в изменчивом реальном мире.

Примечания

1. См.: Шкуратов В. А. Историческая психология. М., 1997. С. 84.
2. Гуревич А. Я. Исторический синтез и «Школа анналов». М., 1993. С. 195.
3. Рожанский М. Ментальность // 50/50: Опыт словаря нового мышления. М., 1989. С. 459.
4. См.: Штомпка П. Культурная травма в посткоммунистическом обществе // Социологические исследования. 2001. № 2. С. 5.
5. См.: Лихачев Д. С. Нельзя уйти от самих себя // Новый мир. 1994. № 6. С. 117.
6. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М., 1986. С. 393.
7. См.: Холостова Т. В. Проблема духовности человека // Методологические проблемы изучения человека в марксистской философии. Киев, 1981. 320 с.

Notes

1. See: SHkuratov V. A. *Istoricheskaya psihologiya* [Historical psychology]. M. 1997. P. 84.
2. Gurevich A. YA. *Istoricheskij sintez i «SHkola annalov»* [Historical synthesis "School of the annals"]. M. 1993. P. 195.
3. Rozhanskij M. *Mental'nost'* [Mentality] // 50/50: *Opyt slovary novogo myshleniya* – 50/50: Experience of the dictionary of a new thinker. M. 1989. P. 459.
4. See: SHtompka P. *Kul'turnaya travma v postkommunisticheskom obshchestve*. [Cultural trauma in post-Communist society] // *Sociologicheskie issledovaniya* – Sociological researches. 2001, No. 2, p.5.
5. See: Lihachev D. S. *Nel'zya uiti ot samih sebya* [There is no escape from ourselves] // *Novyj mir* – New world. 1994, No. 6, p. 117.
6. Bahtin M. M. *EHstetika slovesnogo tvorchestva* [Aesthetics of verbal creativity]. M. 1986. P. 393.
7. See: Holostova T. V. *Problema duhovnosti cheloveka* [Problem of spirituality of the person] // *Metodologicheskie problemy izucheniya cheloveka v marksistskoj filosofii* – Methodological problems of the study of man in Marxist philosophy. Kiev. 1981. 320 p.

УДК 7.01+101.1

И. Р. Корнышева

Проблема эстетического познания смысловых акцентов религии и искусства

Проблема религиозной сущности искусства, функционирования религии в системе искусств выступает в качестве основополагающего элемента проявления теургического смысла искусства его эстетических и духовных оснований.

Особым местом интеграции искусства и религии в нашем понимании является храм, где искусство получает религиозно-аксиологический контекст и выражает онтологические и гносеологические принципы сущности веры.

Вопрос взаимоотношения христианской религии и искусства в разные периоды представал как противоречие между свободой творчества и ограничивался рамками религиозного понимания творчества, поэтому понимание подлинного творчества также претерпевало различное толкование.

Важным аспектом формирования религиозного сознания выступает эстетическое выражение искусства, призванного выражать глубокий аналогический смысл художественных произведений. Эстетическое чувство может выступать необходимым условием восприятия христианского мировоззрения, отражающих сущность действительности.

The problem of art religious nature, the functioning of religion in the system of art acts as a fundamental element of theurgic meaning of art manifestation, its aesthetic and spiritual grounds. A special place integration of art and religion in our understanding is the temple, where art gets religious and axiological context and expresses the ontological and gnoseological principles of faith. The question of the interrelation of Christian religion and art in different periods appeared as a contradiction between freedom of creativity and a religious concept of creation, so true creativity comprehension also underwent different interpretations. An important aspect of religious consciousness formation is that of aesthetic expression of art, meant to show deep anagogical meaning of art works. The aesthetic sense may be an indispensable condition of Christian outlook perception, reflecting the essence of reality.

Ключевые слова: искусство, религия, эстетика, творчество, аксиология.

Keywords: art, religion, aesthetics, creativity, axiology.

Идея религиозной сущности искусства, проблема взаимодействия религии и искусства раскрывалась в работах многих отечественных историков, культурологов, философов и является одной из перманентно обсуждаемых тем. Однако вопросы эмоционально-психологического аспекта искусства, форм проявления в храмовом синтезе, теургического смысла искусства недостаточно проанализированы с точки зрения эстетических и духовных оснований познания религии, чем определена актуальность данной статьи.

Анализ богатого фактического материала показывает, что религия действительно проникает в искусство и играет важную роль в творческих поисках художника, проявлениях свободы и выражения «теургического» смысла созданных произведений. В свою очередь искусство во все исторические эпохи вступало в конфликт с религией, искало собственные пути реализации творческих замыслов, применения методов и собственного креативного видения современности.

Особым местом интеграции искусства и религии является храм. Именно в храме искусство получает религиозно-аксиологический контекст и выражает онтологические и гносеологические принципы сущности веры. В храмовом синтезе все средства искусства, все средства эстетического воздействия взаимодействуют с религией. Уже сама архитектура храма с его высокими, теряющими свои очертания сводами, с его полумраком призвана определенным образом воздействовать на человека, создавать в нем необходимое «молитвенное» настроение. Этой же цели служит и красочная роспись стен, мерцание свечей, блеск золота и серебра многочисленных лампад, икон, алтаря. Сильное влияние на верующих оказывает пение церковного хора.

Ретроспективный анализ истории искусства показывает, что на протяжении длительной эпохи все виды искусств были чрезвычайно тесно связаны с религией. Многие эстетики актуализируют необходимость религии для прогресса искусства как духовного стимула для художественного творчества. Для такого отождествления религии и искусства, разумеется, нет никаких оснований. Дело в том, что религия представляет собой не только идеологию, не только систему догматов, она охватывает собой и сферу эмоций верующих людей, и сферу их обрядов, религиозного культа. Эмоциональные переживания религиозных людей особенно усиливаются и возбуждаются в процессе их участия в массовом культовом действии, каким является богослужение. А искусство, как известно, представляет собой необычайно сильное средство эмоционального выражения. Подлинные произведения искусства всегда достигают не только до ума людей, но и до их сердца, они пробуждают в них радость, веселье, гнев, отчаяние, ужас, восхищение и т. п. Вся гамма человеческих чувств и переживаний может пробудиться у людей под влиянием искусства. Разумеется, что церковь стремилась привлечь все средства эстетического воздействия для специфически религиозных целей.

Взаимоотношения христианской религии и искусства на протяжении истории претерпевали определенные изменения. На заре возникновения христианства, когда оно вело острую борьбу против так называемых языческих культов античного мира, среди христианских апологетов преобладает резко отрицательное отношение к искусству вообще, и в особенности к искусству античному, где доминировали сугубо земные, чувственные мотивы и образы.

Тертуллиан (к. II – нач. III в.) резко протестует против языческого искусства и при этом, по существу, оспаривает необходимость существования искусства вообще. Так как искусство имеет дело с образами, формами, он считает его «орудием идолопоклонства», причем эту характеристику распространяет на все виды искусства. «Бог равно запрещает, – заявляет Тертуллиан, – и делать идолов и поклоняться им» [1].

Подобные заявления не были случайными. Они опирались на некоторые стороны христианского вероучения. Ведь согласно христианским догматам искусство призвано «служить Богу». Но сам Бог, утверждают апологеты христианства, есть нечто трансцендентное, потустороннее, лишенное каких-либо земных, чувственных качеств, свойств и проявлений. И поэтому многие христианские богословы отрицали допустимость изображения Бога в наглядных, чувственно-воспринимаемых образах. Наиболее яркое выражение эта позиция нашла в Византии, в движении иконоборцев (VIII–IX вв.).

Но данная трактовка иконоборцев потерпела поражение. Полное и безоговорочное осуждение всякого искусства означало отказ от любых попыток поставить его себе на службу и сужало возможности воздействия на верующих. Поэтому в христианстве преобладала другая тенденция, более «умеренная». Христианская церковь попыталась ассимилировать искусство, а в различные эпохи даже подчинить себе, ограничив узкими рамками религиозного культа. Искусство отныне призвано было служить религиозной вере, пробуждать в людях лишь те мысли, чувства и настроения, которые соответствовали христианскому вероучению.

В эпоху Средневековья христианская религия целиком господствовала в сфере общественного сознания. Все другие формы сознания, в том числе и искусство, могли существовать лишь

под покровительством и духовным надзором церкви. Искусство обязано было черпать свои сюжеты, свои образы из библейских мифов, обеспечивать практические потребности церкви, служить делу возвеличивания и прославления Бога. Духовное давление религии, тяготевшее над искусством, не могло не приводить к определенным противоречиям между свободой творчества и рамками религиозного понимания творчества.

Талант художника выявляется и реализуется только в том случае, если он направлен на обнаружение через художественное произведение тенденций социальной и духовной жизни общества своего времени. Таким образом, каждая эпоха формирует свой культурный пласт, способствующий духовному развитию человека. По Бердяеву, подлинное творчество называется теургией – искусством, созданным совместно с Богом, творчеством, являющим иной мир, иную красоту, свободным от навязчивых норм этого мира. Николай Бердяев определяет место искусства в теургии. «Теургия соответствует религиозной эпохе творчества. Теургия – имманентно-религиозное искусство» [2].

Определенное воздействие на искусство оказали идеи христианского аскетизма. Христианский идеал добродетельного, достойного подражания человека предполагает умерщвление как плоти, так и мятежного духа. «Идеал христианина» в этом смысле прямо противоположен эстетическому идеалу, утверждающему физические и духовные потенции человека, прославляющему его силы и могущество. Аскетизм в сфере искусства теоретически «обосновывался» в трудах христианских богословов. Августин (354–430 гг.) в одном из писем спрашивал: «Что такое телесная красота? Соответствие частей вместе с некоей приятностью цвета. Эта форма лучше там, где она истинная, или там, где она ложная? Кто будет сомневаться, что она лучше там, где она истинная. Итак, где же она истинная? В духе. Следовательно, дух нужно любить больше, чем тело... Что делать, если чувственные предметы доставляют слишком много наслаждения? Нужно, чтобы они не доставляли его. Как это достигается? Привычкой к отсутствию их и привычкой стремиться к лучшему. Что, если умрет дух? Тогда умрет истина» [3].

Христианство не предусматривало передачу всего богатства человеческих чувств, способностей, характеров и многообразие человеческих отношений в искусстве. Вместо полнокровного, яркого изображения человека, свойственного античному искусству в пору его расцвета, в христианском искусстве средневековья преобладают анемичные, аскетически-уродливые изображения человеческого тела. Здоровые, естественные проявления человеческой натуры, вся реальная земная жизнь человека рассматриваются как нечто низменное и греховное, недостойное отображения в искусстве. В продолжение более тысячи лет своего развития искусство христианских художников по сравнению с искусством античным представляло собой в общем безотрадный период скупости искусства по формам, по технике, по отношению к свободе творчества и т. д.

Догматика христианства, его критическое отношение к земному, чувственно воспринимаемому миру как к миру греха приводили к тому, что искусство блекло, теряло свои жизненные краски, превращалось в набор застывших штампов и форм. Задачей религиозного искусства было не отражение действительности, а возбуждение соответствующих религиозных представлений и настроений у людей. Приемы художественного мастерства сковывались религиозной традицией, ограничивались копированием тех образцов, которые получили одобрение церкви. История дает огромный материал, иллюстрирующий эти положения.

В Византии, а впоследствии и в Древней Руси христианская церковь запретила какое-либо светское живописное искусство. Задачей живописцев было лишь создание икон и миниатюр в рукописях религиозно-церковного содержания. Но и сама иконопись строжайшим образом регламентировалась церковниками. В одном из постановлений Седьмого вселенского собора (VIII в.) говорилось, что иконы создают «не изобретением живописца, но в силу ненарушимого закона и предания вселенской церкви», что «сочинять и предписывать есть дело не живописца, но святых отцов: этим последним принадлежит право композиции икон, а живописцу одно только их исполнение» [4].

На этой основе в Византии постепенно возникает так называемый «иконописный подлинник», т. е. совокупность церковных канонов и правил, строго регламентировавших написание икон и роспись церквей.

Иконопись превращалась в набор строго ограниченных и разработанных до тонкостей живописных сюжетов и образцов религиозного содержания. Известное число излюбленных сюжетов было принято для изображения библейских событий, ряд готовых, строго канонизированных живописных типов служил для изображения Христа, апостолов и святых. Русский историк церковного искусства А. П. Голубцов анализирует особенности византийской иконописи: «...Лик ангельский в произведениях византийского искусства отличается всегда кудрявыми, вьющимися по плечам волосами, церемониальной одеждой с принадлежностями царедворцев-телохраните-

лей; святители изображаются с короткими, по большей части, седыми волосами на голове, с хорошо развитою бородою, в фелони, из-под которой одна рука благословляет, а другая – держит евангелие; все благочестивые жены походят на св. Анну, а молодые женщины – на Богоматерь; тип Иосифа служит образцом для представления благочестивых мужей...» [5]

Русская православная церковь строго следила за тем, чтобы искусство не вышло из границ дозволенных ему сюжетов и образов. Стоглавый собор XVI в. специально принял несколько постановлений, категорически запрещавших живописцам употреблять их кисть для изображения обычных предметов, не связанных с религией и церковью. «Не подобает ему (живописцу), – говорилось в одном из позднейших церковных рукописных руководств к живописи, – кроме святых воображений ничтоже начертывать, рекше вообразати, еже есть на глумление человеком: ни зверска образа, ни змиева, ниже ино что, кроме прилучшихся деяний, якоже есть удобно и подобно» [6].

В среде русских иконописцев нередко встречались таланты, которые, по существу, не считались с установившимися канонами и выступали за приближение иконописных изображений к творческому воплощению образов материального мира. В XVII в. широкую известность приобрела школа иконописца Симона Ушакова. Ушаков и его последователи делали попытки, не порывая целиком с церковной традицией, преодолеть аскетичное воздействие церковных иконографических канонов. Один из последователей Ушакова писал: «Где таково указание изобрели, несмысленные любопрители, чтобы писать лица святых одною формою, смугло и темновидно? Весь ли род человеческий во едино обличье создан? Все ли святые смуглы и тощи были?...» [7]

Важным аспектом выступает эстетическое выражение религиозного искусства. Произведения религиозного искусства – это высокохудожественные творения, творческий процесс созидания эстетического объекта, выражение его внутреннего духовного содержания. Более того, произведения религиозного искусства возвышенны и благородны, содержат аксиологический контекст, творчески представленный в художественных образах. Это и готические соборы, и иконы Андрея Рублева, и многие другие действительно прекрасные произведения искусства, которые связаны с религией, с церковью. Антропологическое начало трактовалось в религиозной форме, чье содержание прослеживается через традиционные сюжеты, через церковные каноны и установления. Сверхъестественное, религиозное выступает в такого рода произведениях искусства лишь как своеобразный способ изобразить нечто вполне реальное и земное.

Итак, достоинство произведений искусства, так или иначе связанных с религией, состоит не только в их религиозной форме, сюжете, содержании и в том, что они предназначены для религиозных целей, а в том, что, несмотря на их связь с религией, они сумели воплотить в себе нечто человеческое, земное, отразить какие-то существенные стороны или черты человеческой жизни.

Аналогический смысл искусства, художественных произведений искусства, связанных с религией, ее культом, есть связующий элемент пробуждения и укрепления религиозных представлений и настроений в верующих.

Эстетическое чувство стало необходимым условием восприятия христианского мировоззрения. Нельзя отрицать, что богослужение в христианских церквях и молельных домах (в особенности это относится к церквям православным и католическим) неразрывно связано с пробуждением определенных эстетических эмоций у молящихся. Эстетическое воздействие оказывает как сама архитектура, так и все те виды искусств, которые синтезируют в ходе богослужения. Здесь и художественная роспись стен церкви, и своеобразные цветные витражи на окнах, и золотой блеск алтаря, и сияние многочисленных свечей и лампад. Эффект от звуков органа, пения хора, яркие и пышные одежды священнослужителей даже на равнодушного к религии человека производят сильное впечатление. Не случайно для верующего человека участие в богослужении – это событие, сопряженное для него с самыми сильными и яркими переживаниями. Вот что говорит по этому поводу бывший католический ксендз И. Рагаускас: «Религия стремится подчинить себе в первую очередь чувства верующих. Она добивается эмоционального воздействия на человека. Различные религии выработали целую систему разжигания религиозных страстей. Большая роль при этом отводится искусству... Если лишить костелы музыки, органа и хорового пения, если заставить ксендзов творить молитвы не вслух, а про себя, молча совершать обряды, – какими мрачными и скучными станут службы, насколько меньше будет посетителей в храмах!» [8]. Эстетическая сторона богослужения для священнослужителей не самоцель. Она средство для приобщения человека к религии, для поддержания в нем «молитвенного духа». Это хорошо понимают сами священнослужители. Искусство всегда играло огромную роль в жизни церкви, являясь ее языком наравне со словом, как в смысле догматическом, так и в смысле воспитательном и молитвенном. Это искусство наглядно исповедует, «содержит в себе духовное наставление и составляет неотъемлемую часть богослужения» [9].

Многие защитники православия особо озабочены тем, чтобы средства эстетического воздействия в церкви были использованы в нужном направлении. «И иконография, и чтение, и пение, и самое внешнее и внутреннее устройство храма, – все должно служить одной цели: возбуждению и поддержанию молитвенного духа, назиданию и укреплению в вере», – подчеркивает один из представителей православной церкви.

В отличие от православия, которое в вопросах использования искусства в богослужебных целях проявляет большой консерватизм и избегает каких-либо новшеств, западные христианские церкви весьма активно приспосабливаются к обстановке и ставят себе на службу модернистское искусство. Стремясь «идти в ногу с веком», некоторые «святые отцы» доказывают, что абстракционизм может с успехом служить религиозным целям. Один из польских католических богословов, например, заявлял, что «духовным целям может служить не только натуралистическое или антропоморфное искусство, но и искусство, удаленное от природы и символическое» [10]. «Нужно помнить, – убеждает он, – что среди верующих имеется большое число людей, особенно молодых, искренне приверженных к новым художественным формам. Не следует их отталкивать и провоцировать мнение, будто бы церковь а priori является противником новых достижений художественной мысли» [11].

Использование священнослужителями модного модернистского искусства во второй половине XX в. приняло в Западной Европе и США довольно широкий размах. Строились многочисленные храмы, внешний облик которых очень далек от традиционных форм, но зато соответствует модернистской моде. В соответствующем стиле оформляются и многие традиционные в христианском культе изображения внутри церквей. Так, в павильоне Ватикана на Брюссельской всемирной выставке 1958 г. внимание многих посетителей привлекло «распятие», которое было решено целиком в абстрактно-модернистском стиле и лишь весьма смутно напоминало контуры распятой человеческой фигуры.

С другой стороны, в искусстве XX в. усиливаются направления, идейной основой которых являются крайний иррационализм и мистицизм. Одно из таких направлений – сюрреализм. «Теоретики» сюрреализма провозглашают необходимость преодолеть «ограниченные» пределы чувственного реального мира и творить произведения искусства, целиком руководствуясь «мистической интуицией». Некоторые искусствоведы охотно при этом признают, что «символическое» искусство ближе к религии, чем реалистическое.

Так происходит процесс взаимного сближения религии и направлений современного искусства.

Любые произведения искусства, где бы они ни находились, могут играть совершенно разную роль, они воспринимаются зрителями или слушателями в их чисто эстетическом, художественном содержании, вызывают у людей естественные, здоровые эмоции, связаны они с религией или нет. Но по своей сущности чувства, переживания и настроения, которые в той или иной степени свойственны всем людям, как верующим, так и неверующим, восприятие церковной музыки, живописи и скульптуры выступают как важный элемент самого богослужения, и совсем иное дело, когда эта живопись или скульптура воспринимается людьми в их чисто эстетическом значении. Искусство всегда добивалось выявления подлинного и глубокого содержания религиозного искусства, акцента на его исторических, социальных, политических аспектах, отражающих сущность действительности.

Примечания

1. Голубцов А. П. Из чтений по церковной археологии и литургике (Репринт). М.: Директ-Медиа, 2014. Ч. 1. С. 92. URL: <http://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=240729>. Дата обращения 22.01.2017.
2. Бердяев Н. А. Смысл творчества. М.: АСТ, 2011. С. 57.
3. Бычков В. В. Эстетика отцов церкви. М.: Ладомир, 1995. С. 276.
4. Голубцов А. П. Указ. соч. С. 133.
5. Там же. С. 270.
6. Успенский Б. А. Семиотика искусства. М.: Школа «Языки русской культуры», 1995. С. 228.
7. Голубцов А. П. Указ. соч. С. 300.
8. Рагаускас И. Ступайте, месса окончена! М.: Госполитиздат, 1961. С. 76.
9. Остапов А., свящ. Преподобный Андрей Рублев (к 600-летию со дня рождения) // Журнал Московской патриархии. 1960. № 11. С. 25.
10. Styczeń T. Zwyczajne wspomnienia // Zeszyty Naukowe Katolickiego Uniwersytetu Lubelskiego. Lublin, 1961. № 1. С. 71.
11. Там же. С. 74.

Notes

1. Golubtsov A. P. Iz chtenij po Cerkovnoj Arheologii i Liturgike [From readings on Church Archaeology and Liturgics] M. Direct-Media. 2014. Part 1. P. 92. [Electronic resource]. – Available at: <http://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=240729>. Access date 22.01.2017.
2. Berdjajev N. A. Smysl tvorčestva [Essence of art]. M. AST. 2011. P. 57.
3. Bychkov V. V. Jestetika Otcov Cerkvi [Church Fathers aesthetics]. M. Lodomir. 1995. P. 276.
4. Golubtsov A. P. Op. cit. P. 133.
5. Ibid. P. 270.
6. Uspenskij B. A. Semiotika iskusstva [Semiotics of art]. M. School "Languages of Russian culture". 1995. P. 228.
7. Golubtsov A. P. Op. cit. P. 300.
8. Ragauskas I. Stupajte, messa okončena! [Go ahead, the mass is over!]. M. Gospolitizdat. 1961. P. 76.
9. Ostapov A., priest. Prepodobnyj Andrej Rublev (k 600-letiju so dnja roždenija). [Reverend Andrej Rublev (to 600th anniversary of birth)] // The Journal of Moscow patriarchy. 1960, № 11, p. 25.
10. Stichen T. Zwyczajne wspomnienia. [Ordinary memories] // The Journal of John Paul II Catholic University of Lublin. Lublin. 1961. № 1. P. 71.
11. Ibid. P. 74.

УДК 2. 27-9

В. В. Печатнов

Проблема зла у Августина и Боэция

В статье на основе первоисточников детально рассмотрены взгляды Аврелия Августина и Северина Боэция на проблему зла, а затем, впервые в отечественной историографии, проведено сравнение их позиций. Выявлены сходства в теистическом мировоззрении обоих авторов, опоре на достижения античной философии, прежде всего неоплатонизма, и в основных контурах решения проблемы зла. Затем систематически представлены различия в задачах и проблемном охвате исследования, в методах и стилистике аргументации, а также в акцентировке и степени разрешенности противоречия между Провидением и человеческой свободной волей. Сделан вывод о том, что Боэций, хотя и сузил охват проблемы, пошел дальше Августина в ее наиболее головоломном аспекте – в обосновании реальности человеческой свободы, сосуществующей с Божественным Провидением.

The article, on the basis of primary sources, examines the views of Aurelius Augustine and Severinus Boethius on the problem of evil, and then, for the first time in Russian historiography, compares them. Similarities in the theistic worldview of both authors, in their use of the achievements of Late Antique philosophy, particularly Neoplatonism, and in the main contours of their solution of the problem of evil are singled out. This is followed by a systematic presentation of the differences in the overall goals and scope of discourses, in tools and style of argumentation, and in emphases and degree of resolution of the contradiction between Providence and free will are. The author comes to the conclusion that Boethius, while limiting the scope of the problem investigation, went further than Augustine in the most mind-boggling aspect of the problem, namely in the justification of the reality of human freedom that coexists with the Divine Providence.

Ключевые слова: Августин, Боэций, проблема зла, зло, свобода воли, провидение, грех, благодать, предопределение.

Keywords: Augustine, Boethius, problem of evil, evil, free will, Providence, sin, grace, predestination.

Одним из наиболее трудных теологических вопросов в христианской апологетике поздней античности была проблема существования зла. Апологетическая задача состояла в том, чтобы объяснить существование зла, одновременно отстаивая как монотеизм, так и благость и всемогущество Бога. Среди мыслителей, которые бились над этим вопросом и в какой-то степени решили проблему зла, были Августин, епископ Гиппонский (354–430) – самый влиятельный теолог всех времен [1], и Северин Боэций (480–524/5) – христианский гуманист и последний из крупных римских христианских философов. Их интеллектуальному наследию посвящено большое количество работ зарубежных и российских исследователей [2]. В настоящей статье рассматривается лишь один аспект этого богатейшего наследия – взгляды обоих мыслителей на проблему зла. Сопоставление этих взглядов показывает, что Боэций сумел развить концепцию Августина, хотя и сузил охват проблемы.

Августин о зле

Проблема зла волновала Августина на протяжении всей его долгой жизни как в личном, так и в теоретическом плане. Еще до своего окончательного обращения в христианство в 386 г. н. э. Августин (тогда еще остававшийся сторонником манихейства) пришел к убеждению, которое противоречило манихейскому учению, а именно – что зла как независимого начала не существует, оно не субстанционально, но есть лишь отсутствие добра [3]. Однако такое неоплатоническое понимание не могло устроить его полностью, поскольку он ощущал присутствие зла в самом себе, и это мешало ему в поисках истины [4]. Обращение Августина в христианство не привело мыслителя к игнорированию зла. Его тайное действие и власть над миром приводили Августина в смятение и замешательство. Уже в одной из своих первых христианских работ – «О порядке» (386) – он задается вопросом о месте зла в мире. Августин разделяет классический взгляд на Вселенную как подчиняющуюся порядку, и развивает его в соответствии с Библией и неоплатонической теорией о видах природы. Порядок, установленный Богом, благ и всеобъемлющ. Поскольку порядок этот управляет всем, то даже зло не «выпадает» из него; Божественное правосудие привело его к порядку [5]. Бог превратил зло в благо второго порядка. Зло даже необходимо, ибо составляет часть мировой гармонии: «... все это – принадлежность великого порядка и божественного распоряжения, которое, поскольку охраняет единство всего в самой противоположности, приводит к тому, что и самое зло является необходимым. Через это, как бы некоторым образом из антитезы (что нам приятно бывает и в речи), т. е. из противопоставлений, образуется красота всех вместе взятых вещей» [6].

Поэтому естественные проявления зла (как, например, боль, смерть, природные бедствия) для Августина по сути не являются злом: подобно стойкам он считает, что человеку следует рассматривать эти проявления в более широком контексте, чтобы научиться постигать их назначение. Прежде всего его беспокоит моральное зло, которое проявляется в злонамеренных поступках людей.

В августиновском «О порядке» зло «усмирено», приведено Богом к порядку. Его происхождение пока остается неясным и дилемма, сформулированная Августином в самом начале этой работы, еще не разрешена. Она заключается в том, что-либо «божественное провидение не простирается до этого дальнего и дальнего (то есть не является всемогущим. – В. П.), или что все это зло в действительности совершается волею Божьей» [7]. Хотя Августин верит во всеблагость Бога, ему пока непонятно, кто еще может нести ответственность за присутствие зла в мире.

Несколько лет спустя в своей работе «О свободе воли» Августин смог с уверенностью заявить, что проблема заключается в человеке. И в самом деле, это единственно возможное заключение, если Бог не может порождать зло, а оно само не является независимым началом. Тот факт, что зло следует привести к порядку, подразумевает, что оно является отклонением от этого порядка. И такое отклонение может быть вызвано только человеком, ибо только он обладает разумом, подсказывающим ему образ действия. Человек может нарушать дисциплину, налагаемую порядком, и потому творить зло [8]. Под влиянием Библии и взглядов неоплатоников Августин утверждает, что источник зла – в свободной воле человека. Но тогда зачем Бог вообще создал свободную волю и не несет ли Он тем самым ответственность за существование зла? Августин разбирает эти вопросы во второй и третьей книгах труда «О свободе воли», написанных несколькими годами позже книги первой. Как часть божественного творения, свободная воля сама по себе есть благо. Если бы человек был её лишен, Божья справедливость утратила бы всякий смысл, поскольку и наказание, и награда лишились бы своего обоснования. Когда человек совершает зло, он злоупотребляет свободой воли, но без нее он не способен к праведной жизни [9]. Даже всемогущий Бог не лишает человека свободы воли, хотя Он и предвидит, когда и как она будет им использована. Поскольку Бог не отнимает у нас свободу и способность к волеию, Он не принуждает нас творить зло.

В конце своей работы «О свободе воли» Августин затрагивает космологический и метафизический аспекты проблемы зла – темы происхождения зла и сатаны, отмечая их связь с современным состоянием человека [10]. Зло вошло в мир через первородный грех Адама и Евы, которым они заразили все человечество, обременив его желанием греха. Тем не менее у человека все равно сохранилась возможность свободного выбора добра.

Вопросы о том, почему Адам согрешил, почему сатана стал злым и до какой степени он может на нас влиять, подробно рассматриваются Августином в двух его крупных трудах – «О книге Бытия буквально» (401–414) и «О граде Божием» (413–427).

В первой из них он отмечает, что в самом начале творения сатана согрешил, возгордясь и позавидовав Адаму, которого он считал более благодетельствованным, чем себя. Таким образом, именно сатана породил грех. Августин стремится опровергнуть позицию манихейства, счи-

тая своим долгом осудить его заблуждения; он подчеркивает, что сатана был создан добрым и не может быть «отнесен к (злumu) началу» [11]. Дьявол искусил Еву, и первые люди согрешили, пользуясь своей свободой воли, чтобы послушаться Господа, который запретил им касаться древа познания. Вследствие этого они стали смертными [12]. Падшие ангелы или демоны – последователи сатаны – обладают теми же качествами, что и грешные люди – себялюбием, гордыней, жадностью, суетливостью и т. д., но они приобрели их раньше людей. Подобно неоплатоникам, Августин делает демонов и ангелов посредниками между земным и небесным мирами. Они заложили основы двух градов – «града праведных» и «града нечестивых» [13].

Наибольшее внимание проблеме зла в человеке Августин уделяет в своем величайшем труде – «О граде Божием». В нем Августину пришлось объяснять причины действительно великого зла – падения христианского Рима, захваченного остготами в 410 г. Анализ развития его концепции двух градов и всех аспектов проблемы зла выходит за рамки этой статьи, поэтому целесообразнее остановиться на толковании Августином вопроса о том, как зло действует в человеке. Испорченность человеческой природы первородным грехом сделала людей способными к совершению зла, и это обстоятельство используется демонами, которые стремятся подчинить людей себе и заставить их следовать их злым путям. Демоны могут склонить людей ко злу, сбивая их с толку и выдавая заведомо ложное за истинное [14].

Августин убежден, что люди грешат только тогда, когда считают свою ложь правдой, ибо никто, на его взгляд, не желает творить зло ради его самого, а делают это во имя добра, которое в нем якобы заключается. Христиане должны быть начеку, чтобы демоны не ввели их в заблуждение, но они способны устоять перед дьявольскими соблазнами не только благодаря Божьей помощи, но и потому, что все демоны управляются Богом в рамках Его благого порядка. Бог не позволит демонам лишить людей свободы. Августин даже усматривает благой промысел Божий в том, почему падшим ангелам позволено действовать в умах людей: прославление тех, кто устоял перед их искушениями до конца [15].

В 411 г. взгляды одного из последователей Пелагия вызвали церковную смуту в Карфагене. Это положило начало длительной дискуссии Августина с пелагианами, в ходе которой он значительно развил свое учение о зле в человеке, установив новые связи между человеческой свободой воли и божественным предвидением, предопределением и благодатью. Пелагиане считали, что свобода воли человека, как дар Божий, настолько совершенна, что не может быть испорчена первородным грехом. Поэтому в человеческой природе нет никакого врожденного изъясна. Используя свою волю по назначению, человек может последовательно выбирать добро и тем самым достигать совершенства своими собственными усилиями. Для Августина такой взгляд был неприемлем, поскольку, во-первых, он подразумевал, что дар Божий состоит лишь в том, что человеку дана добрая природа, Закон Моисея и прощение грехов с тем, чтобы тот мог вновь стремиться к совершенству без бремени прошлого. Во-вторых, такой взгляд отрицал воздействие на человечество первородного греха. Августин начинает с того, что грех Адама передается не просто подражанием, как полагали пелагиане, а по наследству из поколения в поколение. Таким образом, человек не может избавиться от наследственной склонности к греху кроме как по благодати Божьей, которая «воссоздает человека через Христа» [16]. Этот тезис очень радикален, поскольку утверждает, что без божественного вмешательства человек не может пользоваться свободой воли исключительно во благо. Пелагиане не замедлили усмотреть в этом противоречие с позицией Августина в его более раннем труде «О свободе воли», где он утверждал, что человек в силах преодолеть свой наследственный удел путем правильного использования свободы воли. В ответ Августин заявил, что те неверно истолковали его позицию, и решил прояснить её. «Свобода воли в падшем человеке... не исчезает, – объяснял он, – но свобода обрести полную праведность и бессмертие исчезла, когда согрешил Адам» [17]. За этим следует поразительный вывод о том, что люди полностью свободны только в творении зла: «Воля, которая свободна творить зло... не свободна в делании добра... Человек не способен желать добра, если ему не помогает Тот, кто не может желать зла... Никто поэтому не может иметь праведной воли, если без всяких предшествующих заслуг не получил благодать свыше» [18]. Перед нами, несомненно, развитие взгляда, изложенного в «О свободе воли», причем развитие в сторону ограничения свободы воли.

На позднем этапе полемики с пелагианами Августину, отвечая на их построения, пришлось взяться за вопросы о возможности безгрешной жизни и совместимости благодати со свободой воли. В трактате «О предопределении святых» (428–429 гг.) Августин объясняет, почему одни из тех, кому проповедовали Евангелие, верят в него, а другие – нет. Он приходит к выводу о том, что те, кто верят (конечно, по благодати, поскольку уверовать – дело благое [19]) предопределены к этому [20]. Они – избранные Божьи, и из них Он выбирает святых. Предопределение есть подготовка к благодати, которая сама есть следствие предопределения. Божественное предвидение охватывает

как то, чему Господь предопределил произойти, так и то, что Он не творит, например – грехи человеческие [21]. Таким образом, предвидение может существовать без предопределения, и Бог не толкает человека ко греху, оставляя ему возможность для проявления свободы воли. Что же касается свободы воли избранных, то Августин сохраняет ее, поскольку, при всем своем акцентировании благодати в последние годы жизни, он не хочет жертвовать свободой воли. Когда Божья благодать снисходит на человека и делает его способным на добро, она неотразима, но не воспринимается негативно как принуждение. Человек воспринимает благодать с радостью, а не подчиняется ей с ворчанием. По сути, воля получивших благодать более свободна, чем у не возрожденных ей, поскольку первые наделены способностью делать добро, а не только зло [22]. Исследователи пытались объяснить парадоксальное сочетание благодати и свободы воли у Августина обстоятельствами его личной жизни, особенно – опыта обращения [23]. Накануне своего обращения Августин, конечно, хотел принять христианство, но не мог сделать этого до тех пор, пока воля его внезапно не окрепла. Это явление он мог объяснить только Божьей благодатью.

Последнее из рассуждений Августина о проблеме зла хорошо объясняет существование тех, кто так никогда и не обратился к Богу, но при этом является, пожалуй, самым мрачным из его взглядов. Это его теория двойного предопределения. В трактате «Энхиридион» (421–423 гг.) говорится: «Когда ангелы и люди согрешили, то есть совершили не то, что Он хотел, но что хотели сами, Он и через эту волю тварей, которой было сделано нежеланное Создателем, исполнил то, что захотел, во благо пользуясь и злом, как высочайшим благом, для осуждения справедливо предопределенных к наказанию и для спасения милостиво предопределенных к благодати» [24].

Тем не менее Августин подчеркивал, что это предопределение есть непостижимая тайна, не познаваемая ни для кого. К тому же идея двойного предопределения у Августина не может рассматриваться отдельно от того факта, что, согласно ему, предопределение не устраняет свободы воли.

Таково было последнее слово Августина по проблеме зла. Пелагианский кризис вынудил его всемерно акцентировать необходимость Божьей благодати для освобождения человека от зла. Это привело к эволюции его взглядов на свободу человеческой воли. В итоге свободу воли уже нельзя было отстоять чисто рационально. Вместе с тем всепобеждающая сила благодати, которую Августин пережил на собственном опыте, подавляла зло. Благодать, нисходящая свыше, чтобы защитить верующего от зла, успокоила душу этого великого мыслителя и святого. Он не создал единого синтетического труда, который бы охватывал и разрешал все аспекты проблемы зла, но до конца своих дней продолжал размышлять над ней. В течение своей интеллектуальной одиссеи длиною в жизнь он обозначил проблему во всей ее сложности, предоставив последующим мыслителям возможность использовать его идеи в попытке создания такого синтеза.

Боэций о проблеме зла

Уже одного перевода работ Аристотеля по логике и изобретения схоластического метода анализа богословских проблем было бы достаточно, чтобы сделать Северина Боэция очень влиятельной фигурой, одним из мостов между античной цивилизацией и культурой Средневековья. Но по-настоящему увековечил имя Боэция в истории европейской мысли его небольшой по объему шедевр «Утешение философией» (524–525 гг.). Боэций написал его в тюрьме, ожидая казни по несправедливому приговору, с тем чтобы доискаться до причины своих безвинных страданий. Не удивительно поэтому, что одной из его главных задач стало разрешение проблемы зла, хотя в работе затрагиваются и много других вопросов, складывающихся в целостную мировоззренческую концепцию [25]. В этом ему помогла его воображаемая спутница и «нежный врачеватель» – Госпожа Философия, персонифицированная в женском образе. Она напоминает ему, что «Вселенная совершает свой круговорот в соответствии с гармоничным порядком вещей», который управляется высшим разумом – всеблагим и всемогущим Богом. В неоплатонической манере этот порядок описывается как иерархия больших и малых «благ», которые все без исключения принимают правление Бога и повинуются Ему [26]. Поэтому зло – это ничто, лишение блага [27]. Более того, Божественное Провидение не допускает случайности во вселенском порядке и использует даже явное зло для благих целей. Поэтому человеку следует, в духе стоиков, не позволять любому несчастью затемнять его видение истины, а извлекать из него моральную пользу [28].

Боэций скорбит, что, несмотря на доброту и всемогущество Провидения, добродетель не вознаграждается и зло не наказывается, но Философия доказывает ему, что это не так. Все люди стремятся к счастью, говорит она, и это хорошо, поскольку своими добрыми делами люди приближают счастье, которое служит им конечной наградой [29]. Наказание состоит в лишении добра, которое есть необходимое условие счастья. Порочные люди тоже стремятся к счастью, но пытаются достичь его дурными деяниями, которые неестественны и не могут привести к счастью.

Те из них, кто получает наказание, получают и некое благо – не только потому, что оно может их исправить, но и потому, что наказание справедливо, а справедливость сама по себе есть благо. Но те, кто как будто избегают наказания, на самом деле наказываются гораздо сильнее, ибо они лишены даже блага справедливости [30].

Таким образом, всё происходящее происходит во благо и в соответствии с волей Провидения. Но этот вывод не может дать Божество ни интеллектуального, ни морального удовлетворения. Еще до своего заключения он занимался проблемой совместимости Божественного предвидения и человеческой свободы [31], но теперь она приобрела для него как нельзя более насущное личное значение. Если Божий промысел определяет конечный результат всего происходящего, тогда не может быть справедливости, поскольку «и праведники, и грешники руководятся не своей волей, а принуждаются неизбежным предопределением». Если всё, чего желает человек, предопределено, то нет смысла ни в молитве, ни в надежде, ибо «Зачем надеяться на что-либо, или молиться, если все происходящее связано несокрушимой цепью? Исчезнет, таким образом, единственное общение между Богом и людьми, то есть упование на его милость и молитва...» [32].

Однако Философия убеждает его в том, что люди должны обладать свободой воли благодаря разуму, который позволяет им отличать желательное от отвратного, и что свобода воли при ее правильном использовании делает людей лучше, и наоборот, и потому в ней и состоит причина зла [33]. Затем она примиряет Провидение со свободой воли человека. Ее доводы разрешают для Божества проблему наличия зла в Божьем мире и утешают его, даруя твердость перед лицом несчастья. Прежде всего, Философия учит различать человеческое и божественное знание. Неразумно считать, что если Бог всеведущ и знает наперед все, что должно произойти, то, следовательно, Он и вызывает эти явления. Бог живет вне времени, Он вечен, а вечность исключает понятия прошлого и будущего. Он пребывает в вечном настоящем, и Его знание охватывает события прошлого и будущего так, как если бы они происходили сейчас. Он как бы взирает на Свое творение, и этот взгляд не приносит необходимости в вещи, в природе которых этой необходимости нет. В природе свободной воли нет необходимости, и Бог не заставляет ее действовать так или иначе, а только видит результаты этого действия. «Божественное предзнание не изменяет природы и свойств вещей, оно только в своем настоящем видит все таким, каким то станет в будущем, и не выносит о вещах неясных суждений, но одним взором своего разума распознает, что произойдет в будущем – будь то по необходимости или нет» [34].

Философия предвидит ответный довод Божества о том, что если Бог предвидит развитие событий, то, значит, они непременно должны произойти, а, следовательно, вызываются необходимостью. Она отмечает, что необходимость приобретает свое конкретное значение только в отношении к определенным вещам. Некоторые события, порожденные свободой воли, являются необходимыми только по отношению к Божьему знанию о них, но не обусловленными сами по себе. Другие события – такие, как смерть человека или восход солнца, являются необходимыми и по Божьему знанию, и по своей сущности. В первом случае необходимость условная, во втором – простая [35]. Простая необходимость определяет восход солнца еще до него самого, ибо он не может не произойти. В качестве иллюстрации условной необходимости Философия приводит пример шагающего человека. В той мере, в какой это явление ведомо (как Богу, так и простым его очевидцам), оно происходит необходимо. Но в остальном движение человека является добровольным, ибо никто не заставляет его шагать. «Таким образом, если Провидение видит что-нибудь существующим, бытие этого является необходимым, хотя бы в природе его не содержалось никакой необходимости. Бог на то будущее, что зависит от свободы воли, смотрит как на существующее, но оно только относительно божественного видения является необходимым по условию природы, не теряя своей неограниченной свободы. Без сомнения, будет существовать все, что Бог предзнает как будущее, но кое-что из этого зависит от свободы воли» [36]. Подобное явление – одно из тех, которые происходят «по воле того, кто их совершает»; они необходимы только с высоты Божественного знания, но сами по себе они свободны от уз необходимости.

Но у бедного узника остается еще одно, последнее, сомнение. Он спрашивает: разве нельзя уклониться от власти Провидения, изменив свои желания, и неужели все эти изменения желаний человека также чередуются и в божественном предзнании? «Ты можешь изменить свои намерения, – отвечает ему Философия, – но поскольку то, что ты можешь сделать это и как именно, Провидение видит как нечто истинное и существующее, то нельзя уклониться от божественного предзнания; точно так же, как ты не можешь избежать устремленного на тебя взора, хотя ты и волен изменять свои действия по своему желанию...Божественное знание предвосхищает все грядущее и призывает к его осуществлению. Оно не отделяет, как ты думаешь, одного от другого, но все-таки предзнает и то, и другое, одним взглядом охватывая изменчивые твои желания, предвидя и держа их в совокупности» [37].

В итоге неизбежная необходимость, заключенная в божественном знании, и свобода воли человека отнюдь не исключают друг друга, поскольку они обитают на разных уровнях мироздания: первая – в божественном разуме, а вторая – в человеческой жизни.

Тем самым «свобода человеческой воли остается нерушимой», дурные люди действуют по своей воле и будут справедливо наказаны Богом. Хороших же людей ждет справедливое вознаграждение, и потому добрые дела никогда не бывают напрасными. «Поэтому, – заключает Философия, – отвернитесь от пороков, заботьтесь о добродетели, устремите свой дух к праведным надеждам, вознесите к небу смиренные молитвы». Это подтверждение сохраняющейся свободы и обоснованности надежды успокаивает узника. Такое решение проблемы Провидения и свободы воли, возможно, не является неоспоримым, но этот синтез представляет, пожалуй, самый оригинальный и ценный вклад Боэция в религиозную философию своего времени.

Сравнение позиций Августина и Боэция

При всех различиях во взглядах двух выдающихся мыслителей их объединяет общая вера во всемогущего и вездесущего Бога, которая лежит в основе их рассуждений. Но их взгляды схожи и в других отношениях. Оба они образованы в лучших традициях древнего Рима и опираются на сходный запас знаний. Их труды созданы под сильным влиянием греческой и римской философии, в первую очередь – неоплатонизма. Не удивительно поэтому, что исходный подход к проблеме зла у Августина и Боэция один и тот же. Оба разделяют концепцию вселенского порядка, организованного, согласно неоплатонизму, как иерархия больших и малых благ и подвластного Божественному Провидению. Оба философа начинают с неоплатонической посылки о том, что в этом гармоничном порядке зло присутствует не как независимая субстанция или принцип, а как лишение добра. Оба, однако, не могут удовлетвориться этим взглядом, поскольку лично ощущают присутствие зла в мире. Хотя они и отдают должное стоическому отношению к злосчастиям, Августин и Боэций ощущали необходимость найти источник зла в мире, и нашли его в свободной воле. Наконец, и Августин, и Боэций взялись за проблему совместимости Провидения и свободной воли, начиная со ссылки на Цицерона (Августин – в «О граде Божием» [38], Боэций – в «Утешении философией» [39]), а закончили ее рассмотрение утверждением как Божественного предвидения, так и человеческой свободной воли.

Вместе с тем различия в их трактовке этой проблемы более многочисленны, чем сходства. Больше всего они проявляются в задачах и масштабе исследования, в методах и стилистике аргументации, а также в акцентировке и степени разрешенности противоречия между Провидением и свободой волей.

Хотя Августин ощущал проблему зла и на своем опыте, для него, как для ведущего западного богослова своего времени, главной задачей была защита православной веры от ересей, прежде всего – манихейства и пелагианства. Поэтому он не только проследил происхождение и действие зла на всем протяжении истории, начиная с сотворения мира, но и много писал о самых разных аспектах этой проблемы: первородном грехе, человеческой природе и благодати, проявлении зла в самом человеке и др. Перед Боэцием, напротив, стояла более узкая и конкретная задача: утешить безвинно осужденного узника. В результате масштаб его размышлений о проблеме зла гораздо меньше, чем у Августина. Он концентрируется в основном на самой острой части проблемы – отношении между Провидением и свободой воли. Это различие во многом определило и разницу в методах и стилистике аргументации.

За исключением начальных диалогов, приближающихся к стилистике Боэция, Августин использует строго теологический, «приглушенный» стиль изложения, который он считал наиболее подходящим для обучения и углубленных размышлений [40]. Бывший учитель риторики, он отказался от ее приемов во имя ясности и целомудрия, соответствующих предмету своих рассуждений. Августин опирается на Священное Писание, черпая из него свои аргументы. Во всех его работах о проблеме зла (кроме труда «О порядке») есть множество библейских ссылок. В этом отражается убеждение Августина об отношении между верой и разумом. Он не рассматривает их просто как «параллельные и совместимые пути постижения истины», но признает, что вера должна помогать разуму и сдерживать его, как это воплощено в Писании. Слова из Псалма 115.1 «Я веровал, и потому говорил», цитируемые в его «Исповеди» (I, 5), лучше всего отражают это убеждение Августина.

Для Боэция утешение заключалось не только в рациональном оправдании безвинных страданий, но и в возможности для отдохновения и подкрепления душевных сил, что можно было найти в изящных и благородных классических литературных формах. Соответственно, «Утешение философией» представляет собой философский диалог в духе Платона и Цицерона, некое «смешение стихов и прозы, причем стихотворные части сами являются сплавом классических

форм» [41]. Что же касается инструментов аргументации Боэция, то их в основном составляет разум, который ссылается на античных философов и создает свои собственные конструкции. По своему призванию и темпераменту Боэций был мастером логики, и, возможно, именно это обстоятельство побудило его искать утешения не в вере, а исключительно на основании «чистого разума». В его работе нет ни цитат из Библии, ни упоминания имени Христа, ни единого понятия христианской теологии, и, тем не менее, ничто в ней не противоречит вере. Эта особенность становится понятней, если согласиться с мнением авторитетного британского исследователя Г. Чадвика о том, что для Боэция вера и разум были более отдалены друг от друга, чем для Августина [42].

По утверждению другого известного специалиста по Боэцию – Р. Грина, «почти все идеи, выдвигаемые Боэцием, имели свои прецеденты в трудах Августина» [43], да и сам Боэций называл себя его учеником в богословских вопросах. Действительно, его представления о благом порядке, управляемом Провидением и состоящим из иерархии больших и меньших благ, о зле как несубстанциональном и порождаемом злоупотреблением свободой воли, о совместимости Божьего помысла и свободы воли разделялись Августином (исключение составляет понятие судьбы. Став христианином, Августин просто исключил его из своего мировоззрения, полагая, очевидно, что для христианина нет судьбы, а есть лишь Божественный Промысл. Боэций же не отказывается от понятия судьбы, но подчиняет судьбу Божьему Промыслу). Однако все они были характерны для определенного этапа интеллектуального и духовного развития Августина – этапа острой борьбы с манихеями и создания книги «О свободе воли».

Далее пути Августина и Боэция расходятся. Первый погрузился в размышления о первородном грехе и перенес акцент в своей трактовке проблемы зла на пагубные последствия грехопадения Адама и на роль благодати в избавлении человека от зла. Второй, в соответствии с задачей своей работы, сосредоточился на свободе человеческой воли и способности человека к добродетельным делам безотносительно греха или благодати. Поэтому, хотя «Утешение», по словам Г. Чадвика, было «написано в незримом присутствии Августина, стоявшего за спиной автора» [44], Боэций пошел другим путем, отталкиваясь от идей раннего Августина. Оба они бились над проблемой соотношения Провидения и свободной воли. Августин начинал с утверждения реальности и того и другого, но затем, по мере все большего акцентирования благодати и предопределения, столкнулся с растущим противоречием между Божественным предвидением и свободой воли, объяснить которое становилось всё труднее. Хотя и в конце жизни Августин не переставал утверждать сосуществование этих двух начал, это утверждение представлялось гораздо менее убедительным, чем в контексте его исходной позиции. Боэций как логик, понимал, что такой взгляд на проблему невозможно обосновать рационально. В пятой книге «Утешения», проводя различие между человеческим и Божьим знанием, а затем между простой и условной необходимостью, он приходит к тому же утверждению о сосуществовании Божьего Предвидения и свободной воли, но уже на логической основе. В этом он пошел дальше Августина, предложив логическое обоснование реальности человеческой свободы.

В своих работах о человеческой воле Августин утверждал, что ей необходимо быть свободной, объяснил причины этой необходимости и показал, в какой степени она может быть свободной или несвободной. Боэций попытался объяснить логически, почему воля свободна. И хотя попытка эта не снимает всех возражений, она представляет развитие позиции Августина по этой проблеме и дает дополнительное обоснование человеческой свободе [45].

Как мы видим, и Августин, и Боэций внесли большой вклад в развитие христианского понимания проблемы зла: Августин – поставив проблему во всех её аспектах и предложив авторитетные решения, Боэций – сосредоточившись на самой головоломной её части и найдя решение на новом уровне тонкого логического анализа. На уровне же человеческой личности труды Августина и Боэция были и остаются большим подспорьем для всех, стремящихся к добродетельной жизни.

Примечания

1. Пеликан Я. Христианская традиция: история развития вероучения. Т. 1: Возникновение католической традиции (100–600) / пер. с англ.; под ред. А. Кырлежева. М., 2007. С. 279.

2. Из работ, вышедших за последние 40–45 лет, следует отметить: Майоров Г. Г. Формирование средневековой философии. Латинская патристика. М., 1979; Марру А. И. Августин и августинизм. М., 1998; Столяров А. А. Августин // Новая философская энциклопедия. 2-е изд. М., 2010; Эриксен Т. Б. Августин. Беспокойное сердце. М., 2003; Evans G. R. Augustine on Evil. Cambridge, 1982; TeSelle E. Augustine the Theologian. L., 1970. Основная литература по Боэцию проанализирована в статье В. И. Уколовой: Человек, время, судьба в трактате Боэция «Об утешении философией» // Средние века. М., 1973. Вып. 37. Из более поздних работ следует назвать: Лосев А. Ф. Творчество Боэция как переходный антично-средневековый феномен: (Некоторые уточнения) // Западноевропейская средневековая словесность. М., 1985; Уколова В. И. Боэций и хри-

стианство // Религии мира. М., 1982; она же: «Последний римлянин» Боэций / отв. ред. З. В. Удальцова. Изд. 2-е. М., 2011; *Chadwick H. Boethius: The Consolations of Music, Logic, Theology and Philosophy*. Oxford, 1981.

3. Исповедь. VII, 12–13.
4. Там же. II, 4, 1.
5. О порядке. II, 7; I, 10; II, 7.
6. Там же. I, 7.
7. Там же. I, 1.
8. О свободе воли. I. ii, 3.
9. Там же. II. xviii, 49.
10. Там же. III. ix, 28, III. xviii, 52, III. xx, 55–56, III. xxii, 64.
11. См. О книге Бытия буквально. V, 13.
12. О книге Бытия буквально. VII, 13.
13. Там же. XI, 15.
14. См. О граде Божиим. IV, 32.
15. О граде Божиим. X, 21.
16. О заслугах и отпущении грехов, и о крещении младенцев. I, 9.
17. Против двух писем пелагиан. I, 2.
18. Там же. I, 3.
19. См. Ин 6. 29.
20. См. О предопределении святых. XVI, 32.
21. О предопределении святых. X, 19.
22. *Evans G. R. Augustine on Evil*. Cambridge, 1982. P. 133.
23. *Oates W. J. Introduction // Augustine. Basic Writings of St. Augustine*. Ed., introd. by W. J. Oates. 2 vols. N. Y., 1948. V. 1. P. XXXI.
24. Энхиридион Лаврентию о вере, надежде и любви 100.
25. Подробный анализ этой концепции содержится в уже упомянутой работе В. И. Уколовой «"Последний римлянин" Боэций» (с. 97–135).
26. Утешение философией II, 8v, III, 9v, III, 3, III, 10.
27. Там же. III, 12.
28. Там же. IV, 5, II, 8.
29. Там же. III, 10, IV, 3.
30. Там же. IV, 4.
31. Там же. V, 4.
32. Там же. V, 3.
33. Там же. V, 5.
34. Утешение философией V, 6. Пер. В. И. Уколовой и М. Н. Цейтлина: Там же. С. 287.
35. Там же. V, 6.
36. Утешение философией V, 6. Пер. В. И. Уколовой и М. Н. Цейтлина: Там же. С. 288.
37. Там же. С. 290.
38. О граде Божиим. V, 9.
39. Утешение философией. V, 4.
40. О христианском учении. Кн. 4, XVII, 34.
41. *Green R. Introduction // Boethius. The Consolation of Philosophy* / trans. with introd. by R. Green. N. Y., 1962. P. XX.
42. *Chadwick H. Boethius: The Consolations of Music, Logic, Theology and Philosophy*. N. Y., 1981. P. 251.
43. *Green R. Op. cit.* P. XV.
44. *Chadwick H. Op. cit.* P. 249.
45. Знаток творчества Боэция В. И. Уколова заключает, что в данном случае *рациональные* поиски Боэция привели к большим результатам, чем труд Августина, стоявшего на богословских принципах и соединявшего догму и мистические озарения (Уколова В. И. «Последний римлянин» Боэций. С. 109). Однако нужно учитывать, что данная проблема находится на стыке богословия и философии (в обычном смысле этого слова), а в богословии логика – ненадежная опора, ибо Бог неподвластен законам человеческого мышления, а Откровение шире границ разума (ср. Ис. 55. 8–9).

Notes

1. Pelikan YA. *Hristianskaya tradiciya: istoriya razvitiya veroucheniya. T. 1: Vozniknovenie kafolicheskoy tradicii (100–600)* [Christian tradition: a history of the development of doctrine. Vol. 1: the Emergence of the Catholic tradition (100–600)] / transl. from English; under the editorship of A. Kyrlezhev. M. 2007. S. 279.
2. Of the works issued during the last 40–45 years, should be noted: *Majorov G. G. Formirovanie srednevekovoy filosofii. Latinskaya patristika* [Formation of medieval philosophy. Latin Church fathers]. M. 1979; *Marru A. I. Avgustin i avgustinizm* [Augustine and augustinism]. M. 1998; *Stolyarov A. A. Avgustin* [Agustin] // *Novaya filosofskaya ehnciklopediya* – New philosophical encyclopedia. 2d publ. M. 2010; *EHriksen T. B. Avgustin. Besspokojnoe serdce* [Augustine. Restless heart]. M. 2003; *Evans G. R. Augustine on Evil*. Cambridge, 1982; *TeSelle E. Augustine the Theologian*. L. 1970. The main literature on the Boethius is analyzed in the article by V. I. Ukolova: *CHelovek, vremya, sud'ba v traktate Boehciya «Ob uteshenii filosofije»* [People, time, fate is in the treatise of Boethius "On the consolation of philosophy"]

// *Srednie veka* – Middle ages. M. 1973. Is. 37. Of the later works should be noted: Losev A. F. *Tvorchestvo Boehciya kak perekhodnyj antichno-srednevekovyj fenomen: (Nekotorye utochneniya)* [Works of Boethius as a transitional antique-medieval phenomenon: (Some clarification)] // *Zapadnoevropejskaya srednevekovaya slovesnost'* – Western European medieval literature. M. 1985; Ukolova V. I. *Boehcij i hristianstvo* [Boethius and Christianity] // *Religii mira* – Religions of the world. M. 1982; Also she: «*Poslednij rimlyanin*» *Boehcij* ["The last Roman" Boethius] / resp. ed. Z. V. Udal'tsova. Ed. 2nd. M. 2011; Chadwick H. *Boethius: The Consolations of Music, Logic, Theology and Philosophy*. Oxford, 1981.

3. *Ispoved'* – Confession. VII, 12-13.
4. *Ibid.* II, 4, 1.
5. *O poryadke* – About the order. II, 7; I, 10; II, 7.
6. *Ibid.* I, 7.
7. *Ibid.* I, 1.
8. *O svobode voli* – On the freedom of the will. I. ii, 3.
9. *Ibid.* II. xviii, 49.
10. *Ibid.* III. ix 28, III. xviii, 52, III. xx, 55-56, III. xxii, 64.
11. See: *O knige Bytiya bukval'no* – About the book of Genesis literally. V, 13.
12. *O knige Bytiya bukval'no* – About the book of Genesis literally. VII, 13.
13. *Ibid.* XI, 15.
14. See: *O grade Bozhiem* – The city of God. IV, 32.
15. *O grade Bozhiem* – The city of God. X, 21.
16. *O zaslugah i otpushchenii grekhov, i o kreshchenii mladencev* – About the merits and remission of sins and on infant baptism. I, 9.
17. *Protiv dvuh pisem pelagian* – Against two letters of Pelagians. I, 2.
18. *Ibid.* I, 3.
19. See: John 6. 29.
20. See: *O predopredelenii svyatyh* – On the predestination of the saints. XVI, 32.
21. *O predopredelenii svyatyh* – On the predestination of the saints. X, 19.
22. Evans G. R. *Augustine on Evil*. Cambridge, 1982. P. 133.
23. Oates W. J. Introduction // *Augustine*. Basic Writings of St. Augustine. Ed., introd. by W. J. Oates. 2 vols. N. Y., 1948. V. 1. P. XXXI.
24. *EHnhriridion Lavrentiyu o vere, nadezhde i lyubvi 100* – Enchiridion to Lawrence about faith, hope and love 100.
25. A detailed analysis of this concept is contained in the already mentioned work of V. I. Ukolova «*Poslednij rimlyanin*» *Boehcij* ["The last Roman" Boethius"] (pp. 97-135).
26. *Uteshenie filosofiej* – The consolation by philosophy II, 8v, III, 9v, III, 3, III, 10.
27. *Ibid.* III, 12.
28. *Ibid.* IV, 5, II, 8.
29. *Ibid.* III, 10, IV, 3.
30. *Ibid.* IV, 4.
31. *Ibid.* V, 4.
32. *Ibid.* V, 3.
33. *Ibid.* V, 5.
34. *Uteshenie filosofiej* – The consolation by philosophy V, 6. transl. Ukolova V. I. and M. N. Zeitlin: *ibid.* p. 287.
35. *Ibid.* V, 6.
36. *Uteshenie filosofiej* – The consolation by philosophy V, 6. transl. Ukolova V. I. and M. N. Zeitlin: *ibid.* p. 288.
37. *Ibid.* S. 290.
38. *O grade Bozhiem* – About the city of God. V, 9.
39. *Uteshenie filosofiej* – The consolation by philosophy. V, 4.
40. *O hristianskom uchenii* – About Christian doctrine. Book 4, XVII, 34.
41. Green R. Introduction // *Boethius*. The Consolation of Philosophy / trans. with introd. by R. Green. N. Y., 1962. P. XX.
42. Chadwick H. *Boethius: The Consolations of Music, Logic, Theology and Philosophy*. N. Y., 1981. P. 251.
43. Green R. Op. cit. P. XV.
44. Chadwick H. Op. cit. P. 249.
45. Connoisseur of Boethius V. I. Ukolova concludes that in this case, *rational* researches of Boethius have led to greater results than the work of Augustine, who stood on theological principles and connected dogma and mystical insight (V. I. Ukolova Ukolova V. I. «*Poslednij rimlyanin*» *Boehcij* ["The last Roman" Boethius]. P. 109). However, we must note that this problem is at the intersection of theology and philosophy (in the usual sense of the word), and in theology, logic is an unreliable prop, for God is beyond the laws of human thought and Revelation beyond the boundaries of reason (cf. Is. 55. 8-9).

Об интеллектуальных добродетелях у Аристотеля

В статье рассматриваются интеллектуальные (дианоэтические) добродетели в контексте этического учения Аристотеля. Показано, что аретическая теория добродетелей Аристотеля позволяет говорить об интеллектуальных добродетелях как об отдельном подвиде класса добродетелей. Подчёркивается, что добродетель является деятельным качеством, выражается в деятельности соответствующей добродетели. Отмечается, что структура интеллектуальных добродетелей у Аристотеля связана с его учением о строении души. Выделяется моральная ответственность за совершение интеллектуальной ошибки. Исследуется содержание основных интеллектуальных добродетелей у Аристотеля: мудрость, рассудительность, сообразительность, совесть (верное суждение). При этом сравниваются различные переводы и значения оригинальных древнегреческих терминов. Констатируется взаимозависимость интеллектуальных и моральных добродетелей и их необходимость для достижения эвдаймонии. Делается вывод о том, что исследование интеллектуальных добродетелей у Аристотеля необходимо для обоснования более поздних учений об интеллектуальных добродетелях.

The article considers intellectual (dianoethical) virtues in the context of the ethical teaching of Aristotle. It is shown that the aretaic theory of virtues in Aristotle enables to speak about intellectual virtues as a separate subclass of virtues. It is underlined that virtue is an active quality? it is expressed in the activity of the corresponding virtue. It is noted that the structure of intellectual virtues in Aristotle is connected with his notion of the composition of the soul. The moral responsibility for committing intellectual mistakes is outlined. The structure of intellectual virtues, such as philosophical wisdom, practical wisdom, understanding, judgment is examined. Different translations and meanings of the original Greek terms are compared. It is asserted that intellectual and moral virtues are mutually dependent and both necessary for attaining eudaimonia. It is concluded that the research about intellectual virtues in Aristotle is necessary for posterior teaching about intellectual virtues.

Ключевые слова: интеллектуальные добродетели, Аристотель, этика, эпистемология.

Keywords: intellectual virtues, Aristotle, ethics, epistemology.

Этика Аристотеля достаточно хорошо проанализирована в критической литературе. Есть литература об эвдаймонии, или счастье, о знаменитом принципе меры, или середины между крайностями. Достаточно хорошо изучены этико-политические аспекты учения Аристотеля. Однако интеллектуальные добродетели у Аристотеля, как правило, не являются предметом отдельного изучения. В крайнем случае, они кратко рассматриваются в контексте его нравственного учения, в их инструментальной роли. В данной статье предпринята попытка специального анализа интеллектуальных добродетелей Аристотеля, их состава и содержания. Данное исследование является актуальным в контексте возрождения эпистемологической теории добродетелей в современной философии, в которой интеллектуальным добродетелям отдаётся центральная роль в познании [1].

Прежде чем перейти к обсуждению интеллектуальной добродетели, необходимо сказать несколько слов об общем контексте, в котором Аристотель вводит это понятие. Свой главный этический трактат Аристотель начинает с того, что даёт определение предмету и задачам этики как науки. Этика – это учение о цели человеческой жизни. Поскольку целей много, то этика должна изучать конечную цель, т. е. последнее, самое высшее благо. Таковым Аристотель считает эвдаймонию – благодать души, или счастье. Но для того чтобы достичь эвдаймонии, человек должен воспитать в себе определённые качества характера. По греч. *этос* означает «нрав», «характер». Отсюда и название науки – этика. В душе человека Аристотель различает способности, страсти и устои (склады души). Те склады души, которые заслуживают похвалы, Аристотель называет добродетелями» [2].

Отметим, что слово *аретή* (*arete*), которое в тексте «Никомаховой этики» переводится как добродетель, имело в древнегреческом языке несколько значений: 1) доблесть, храбрость, мужество; 2) превосходные качества, отличные свойства, сила, мощь; 3) крепость, бодрость; сила, острота; 4) плодородие или пригодность; 5) красота, великолепие; благородство, величие; 6) славные деяния, подвиги; 7) высокое мастерство, умение, искусство; 8) слава, честь; 9) заслуга; 10) нравственное совершенство, добродетель [3]. Из перечня видно, что древнегреческое *арете* означало любые превосходные качества человека, да и не только человека. Как видим, это доста-

точно широкий спектр смыслов, который не может быть передан русским эквивалентом, в котором отчётливо слышится моральная коннотация.

По Аристотелю, добродетель является не просто пассивным качеством, которое присуще душе, как например, ум. Добродетель является деятельным качеством, выражается в деятельности соответствующей добродетели. Как пишет Аристотель, «добродетели как раз присуща деятельность сообразно добродетели» [4]. Он спрашивает, что является благом: обладание добродетелью или применение добродетели, т. е. склад души или деятельность? Ведь определённое состояние души может и не проявляться в какой-либо деятельности, как, например, сон. Деятельность предполагает: 1) действие и 2) успех. Аристотель пишет: «Подобно тому как на олимпийских играх состязательные венки получают не самые красивые и сильные, а те, кто участвуют в состязании (ибо победители бывают из их числа), так и в жизни прекрасного и благого достигают те, кто совершает правильные поступки» [5].

Говоря об *арете* человека, Аристотель выделяет два типа: моральные (этические) похвальные качества и интеллектуальные (дианоэтические) похвальные качества. Аретическая теория добродетелей Аристотеля позволяет говорить об интеллектуальных добродетелях как о самостоятельном подвиде добродетелей, независимо от моральных добродетелей. Первый раз разделение моральной и интеллектуальной добродетели появляется в конце первой – начале второй книги «Никомаховой этики» Аристотеля в связи с идеей разделения души на рациональную и чувствующую. «Учитывая это различие, подразделяют и добродетели, ибо одни добродетели мы называем мыслительными, а другие – нравственными» [6]. И тут же перечисляет их примеры: «мудрость (*σοφία*), сообразительность (*νοῦς*) и рассудительность (*φρόνησις*) – это мыслительные добродетели, а щедрость и благоразумие – нравственные, ибо рассуждая о нраве, мы не говорим, что человек мудр и сообразителен, но говорим, что он ровен и благоразумен» [7]. В английском переводе Росса, соответственно: философская мудрость, понимание и практическая мудрость [8]. Таким образом, интеллектуальные, или дианоэтические, добродетели явным образом выделяются в отдельную категорию, так как их назначение в том, чтобы способствовать *познанию* истины, тогда как моральные добродетели касаются *поступков*. Следует различать знание как условие моральной добродетели и интеллектуальные добродетели. В первом случае речь идёт об инструментальной роли знания для нравственности. Во втором случае интеллектуальные совершенства могут рассматриваться сами по себе, без их участия для нравственной жизни. Тем не менее Аристотеля интересуют интеллектуальные добродетели именно постольку, поскольку они влияют на моральное поведение.

Как известно, по Аристотелю, добродетель – это обладание серединой между двумя пороками, одни из которых состоит в избытке, а другой – в недостатке. Мужество – это середина между страхом и отвагой, щедрость – середина между мотовством и скупостью, благоразумие – середина между бесчувственностью и распушенностью. Однако, подчёркивает Аристотель, трудное дело – найти середину в каждом отдельном случае: «...точно так и гневаться для всякого доступно, а вот тратить на то, что нужно, столько, сколько нужно, когда, ради того и как следует, способен не всякий, и это не просто» [9].

Аристотель поднимает особо вопрос об ответственности за необладание добродетелями. Аристотель чётко заявляет, что добродетельность, так же как и порочность, зависит от нас [10]. Это обосновывается тем, что совершать или не совершать поступки зависит от нас. А если в нашей власти совершать прекрасные и постыдные поступки, то от нас зависит быть добродетельными или порочными. Блаженным, говорит Аристотель, никто не бывает против воли. То же самое касается интеллектуальных добродетелей и пороков. Так, например, говоря о вине за незнание закона, Аристотель отмечает важность качества внимательности. «Законодатели карают даже за само неведение, когда считают, что человек повинен в неведении... И за неведение в законах чего-то такого, что знать положено и нетрудно, наказывают, точно так и в других случаях, когда считают, что неведение обусловлено невниманием, так как тут неведение зависит от самих людей, ведь *быть внимательным – это в их власти* (выделено нами. – А. К.)... Но может быть, человек таков, что не способен проявить внимания. Однако люди сами виноваты, что стали такими от вялой жизни, так же как сами бывают виноватыми, когда делаются неправосудными или распушенными» [11].

В VI книге «Никомаховой этики» Аристотель обращается собственно к исследованию интеллектуальной добродетели. Но прежде он вводит ещё одно различие. Ранее он уже разделил душу на разумную и неразумную («наделённую суждением и лишённую его»). Теперь же разумная часть души, в свою очередь, делится им на рассудительную и умозрительную, которые Аристотель называет рассчитывающей и научной. Умозрительная (научная) – та, с помощью которой «мы созерцаем такие сущности, чьи начала не могут быть иными [т. е. меняться]; другая – та, с

помощью которой [понимаем] те, [чьи начала] могут [быть такими, и иными]» [12]. У каждой из них есть своя собственная добродетель: у научной – мудрость, у рассчитывающей – рассудительность, но обе эти части души имеют дело с истиной.

Истину мы постигаем благодаря пяти вещам. Тут Аристотель расширяет первоначальный список. К мудрости, рассудительности и уму (сообразительности) он добавляет ещё две – искусство (*техне*) и науку (*эпистеме*). Кратко охарактеризовав науку и искусство, Аристотель переходит к рассмотрению главных интеллектуальных добродетелей, среди которых рассудительность, мудрость и сообразительность (ум). Рассудительность (в переводе Росса «практическая мудрость»), по определению Аристотеля, есть способность принимать верные решения в связи с благом и пользой, но не в частностях, а в целом. Как отмечает Чанышев, рассудочная часть разумной души имеет предметом те принципы сущего, которые могут изменяться, быть всякий раз иными, ибо она имеет дело с человеком и его деятельностью, с жизнью, которая изменчива и непостоянна. Рассудочная часть разумной души – это практический разум и практическая истина, относящиеся к людским делам и тем самым к частному, а потому тесно связанные с опытом [13]. То есть тот, кто способен принимать разумные решения, касающиеся блага и зла для человека, тот рассудителен. «Рассудительностью необходимо является [душевный] склад, причастный суждению, истинный и предполагающий поступки, касающиеся человеческих благ» [14]. В качестве примера Аристотель приводит Перикла и людей, подобных ему, так как они знают, что является благом для них самих и что благо для всех. Как отмечает Гуссейнов, чтобы определить середину между крайностями, необходимо верное суждение, а для этого нужна рассудительность. Однако аристотелевское понятие рассудительности, в трактовке Гуссейнова, есть не просто расчёт различных вариантов в контексте их истинности или ложности, оно тесно связано с нравственными целями: «И если мы сегодня ещё встречаемся с сугубо рассудочным, "компьютерным" подходом к морали, с подходом, который настолько верит в счётные, бухгалтерские способности разума, что готов вынести на его суд все вопросы, в том числе вопрос о том, поддерживать ли жизнь безнадежно больного человека, когда на эти средства можно помочь десяткам других излечимых больных, если некоторые специалисты в умении рассчитывать видят рычаг решения нравственных проблем и создают своего рода "этическую инженерию", то эти ошибочные суждения, помимо всего прочего, порождены невнимательным отношением к великому наследию Аристотеля» [15].

Выше рассудительности Аристотель ставит мудрость (*софию*). Только *софия* имеет дело с неизменными сущностями, тогда как *фронесис* относится к изменчивым человеческим делам (хотя Платон не различал эти понятия, у него с неизменными сущностями имеет дело и *фронесис*). Мудрец – тот, кто знает первопринципы и следствия этих первопринципов. В переводе Росса, *софия* есть интуитивный разум, соединённый с научным знанием [16].

Также к интеллектуальным добродетелям Аристотель относит сообразительность (*нус, синесис*). В других значениях – понимание или понятливость. Сообразительность относится к тому, о чем можно задать вопрос и принять решение. Но она не тождественна рассудительности, поскольку, по Аристотелю, рассудительность предписывает, ведь её цель – указать, что следует делать и чего не следует, а соображение способно только судить. «Соображать в применении к научному знанию означает усваивать... ибо часто вместо "соображать" мы говорим "усваивать"» [17].

В конце книги VI Аристотель задаётся вопросом о полезности интеллектуальных добродетелей. Философская мудрость хороша, но она не рассуждает о том, что делает нас счастливыми, а рассудительность, хоть и показывает нам то, что является для нас благом, сама по себе ещё недостаточна для того, чтобы действовать в соответствии с этим знанием. Для Аристотеля ответ состоит в том, что интеллектуальные добродетели не имеют пользы для тех, кто не обладает вдобавок и моральными добродетелями. Лишь в совокупности они ведут к эвдаймонии, или счастьем. Только добрый может быть рассудительным. Так же как для того, чтобы быть добрым (морально добродетельным), необходима рассудительность. Из этой взаимной обусловленности добродетелей вытекает то, что обладание одной из них (моральной или интеллектуальной) влечет остальные.

Интеллектуальные добродетели у Аристотеля занимают особое место в структуре добродетелей. Неправильно было бы считать, что дианоэтические добродетели являются подвидом этических добродетелей. Конечно, в этическом трактате Аристотель делает акцент на взаимосвязи интеллектуальных добродетелей с моральными. Отсюда его повышенное внимание к добродетели рассудительности, тогда как остальные добродетели (мудрость, сообразительность, искусство, науку) он определяет очень кратко и поверхностно, с отсылкой к другим трактатам. Тем не менее выделение интеллектуальных добродетелей в отдельный класс и их рассмотрение имеет большое значение для истории философии и современной теории познания, которая в поисках своих новых путей обращается к классическому философскому наследию. В этом смысле

обращение к учению об интеллектуальных добродетелях Аристотеля помогает лучше понять наследие последующих философов, которые специально обращались к исследованию интеллектуальных добродетелей, прежде всего Св. Фомы («Трактат о добрых навыках» в «Сумме теологии») и Дж. Локка («О пользовании разумом»), а также современных теоретиков интеллектуальной добродетели (Л. Загзебски, Дж. Байер, Р. Робертс).

Примечания

1. Каримов А. Р., Казакова В. А. Теория интеллектуальных добродетелей и современное образование // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2014. № 5(1). С. 155–162.
2. Аристотель. Никомахова этика. Сочинения: в 4 т. Т. 4 / ред. тома и авт. вступ. ст. А. И. Доватур, Ф. Х. Кессиди; прим. В. В. Бибикина, Н. В. Брагинской, М. Л. Гаспарова, А. И. Доватура; пер. с древнегреч. И. В. Брагинской. М.: Изд-во «Мысль», 1983. С. 77.
3. Древнегреческо-русский словарь Дворецкого. URL: <http://www.classes.ru/all-greek/dictionary-greek-russian-old-term-9410.htm>. Дата обращения: 26.06.2016.
4. Аристотель. Указ. соч. С. 68.
5. Там же. С. 67.
6. Там же. С. 76.
7. Там же. С. 77.
8. Aristotle Nicomachean Ethics / translated by W. D. Ross. Batoche Books Kitchener, 1999. P. 20.
9. Аристотель. Указ. соч. С. 93.
10. Там же. С. 105.
11. Там же. С. 105–106. Ср.: «...это хуже, чем преступление, это ошибка».
12. Там же. С. 173.
13. Чанышев А. Н. Аристотель. М.: Мысль, 1987. С. 162.
14. Аристотель. Указ. соч. С. 177.
15. Гуссейнов А. А. Античная этика. М.: Либроком, 2011. С. 178.
16. Aristotle. Op. cit. P. 78.
17. Аристотель. Указ. соч. С. 180.

Notes

1. Karimov A. R., Kazakova V. A. *Teoriya intellektual'nyh dobrodetelej i sovremennoe obrazovanie* [Theory of intellectual virtues, and modern education] // *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo* – Herald of Nizhny Novgorod University n.a. N. Lobachevsky. 2014, No. 5(1), pp. 155-162.
2. Aristotle. *Nikomahova ehtika. Sochineniya: v 4 t. T. 4* [Nicomachean ethics. Works: in 4 vol. Vol. 4] / ed. of volume and introd. article A. I. Dovatur, F. H. Cassidy; **Notes** Vladimir Bibihin, N. V. Braginskaya, M. L. Gasparov, A. I. Dovatur; translated from ancient Greek by I. V. Braginskaya. M. Publishing house "Mysl". 1983. P. 77.
3. *Drevnegrechesko-russkij slovar' Dvoreckogo* – Ancient Greek-Russian dictionary by Dvoretzkiy. Available at: <http://www.classes.ru/all-greek/dictionary-greek-russian-old-term-9410.htm>. Date of access: 26.06.2016.
4. Aristotle. Op. cit. P. 68.
5. Ibid. P. 67.
6. Ibid. P. 76.
7. Ibid. P. 77.
8. Aristotle Nicomachean Ethics / translated by W. D. Ross. Batoche Books Kitchener, 1999. P. 20.
9. Aristotle. Op. cit. P. 93.
10. Ibid. P. 105.
11. Ibid. P. 105-106. Comp.: "...it's worse than a crime, it is a mistake."
12. Ibid. P. 173.
13. Chanyshchev A. N. *Aristotel' [Aristotle]*. M. Mysl'. 1987. P.162.
14. Aristotle. Op. cit. P. 177.
15. Gusseyinov A. A. *Antichnaya ehtika* [Ancient ethics]. M. Librokom. 2011. P. 178.
16. Aristotle. Op. cit. P. 78.
17. Aristotle. Op. cit. P. 180.

Реконструкция идей Плотина в философии С. Л. Франка

В статье рассматривается преемственность философии Плотина в философской системе русского мыслителя С. Л. Франка. Обращение к философским идеям Плотина было характерно не только для западноевропейской философской традиции, но и для русской религиозной философии XX в. Автор статьи проводит анализ позиции С. Л. Франка в отношении идеи субстанции, творения и познания первоосновы бытия через сопоставление с философскими идеями неоплатонизма (в лице Плотина). С. Л. Франк очень скрупулезно относится к идее первоначала и идее творения. Ему весьма интересна и импонирует древнегреческая традиция, которая пересекается с раннехристианскими идеями о принципах мироздания. Русский мыслитель пытается согласовать для себя и в своем учении эти две позиции и приходит к созданию проработанной и аргументированной философской системы.

In the article «The reconstruction of Plotin's ideas in Frank's philosophy» we consider the continuity of Plotin's philosophy in philosophical system of Russian thinker S. L. Frank. Appeal to Plotin's philosophical ideas was typical not only for western European philosophical tradition but also for the Russian religious philosophy of the XX century. The author of this article analyses Frank's positions with regard to the idea of substance, creation and cognition of fundamental principles of existence through a comparison with philosophical ideas of neoplatonism (as the example Plotin). S. L. Frank concerns very carefully about the idea of first principles and the idea of creation. He is very interested in ancient Greek tradition which crosses with early Christian ideas about principles of the universe. Russian thinker attempts to reconcile for himself and in his learning these two positions and creates of researched and argumentative philosophical system.

Ключевые слова: неоплатонизм, философия Плотина, Единое, абсолютное начало, бытие, эманация, идея творения, христианская философия, русская философия.

Keywords: Neoplatonism, the philosophy of Plotin, Common, absolute beginning, being, emanation, the ideas of creation, Christian philosophy, Russian philosophy.

Обращение к философским идеям Плотина было характерно не только для греко-сирийской и арабо-еврейской философии, для восточной ветви христианства, а позже и для западноевропейской, но и для русской метафизики XIX–XX вв. Один из лучших исследователей отечественной философии – В. В. Зеньковский – отмечает, что некоторые идеи неоплатонизма были переработаны и развиты в концепциях Вл. Соловьева, о. П. Флоренского, о. С. Булгакова, С. Л. Франка [1]. Собственно, о трансформации и интегрированности основных идей Плотина в философской системе Франка у нас и пойдет речь.

Философия Плотина, как утверждает П. П. Блонский, является последним значительным словом античной философии, возможно, окончательным и решающим ответом на ее вопросы. Вместе с тем она была подвергнута забвению на многие столетия [2]. Такая непопулярность неоплатонизма, по мнению русского антиковеда А. Ф. Лосева, привела к поверхностным и часто в корне неверным суждениям о великой философско-эстетической школе [3], просуществовавшей не менее четырех столетий в самой античности и охватившей Средние века, отразившейся в философских изысканиях Августина, Псевдо-Дионисия, Эриугены и других представителей христианской мысли. Как известно, идеи неоплатонизма получили активное развитие и оригинальную трактовку в философских концепциях эпохи Возрождения, особенно это касается творчества Николая Кузанского, которому удалось переработать многие идеи неоплатоников и представить их в новом ключе. Это тем более интересно, что Франк считал своим основным учителем именно Николая Кузанского.

В предисловии к «Непостижимому» С. Л. Франк пишет следующие строки: «Основа всей моей мысли есть та *philosophia perennis*, которую я усматриваю в платонизме, в особенности в той форме, в которой он в лице новолатонизма и христианского платонизма проходит через всю историю европейской философии, начиная с Плотина, Псевдо-Дионисия Ареопагита и Августина вплоть до Баадера и Владимира Соловьева. Философия здесь в принципе совпадает с умозрительной мистикой» [4]. Франк сознательно причисляет себя к европейской философской традиции. Во всех своих произведениях он показывает, насколько хорошо знает ее от античности до современности (Платон, Плотин, Августин, Николай Кузанский, немецкие мистики, А. Бергсон, Э. Гуссерль, М. Хайдеггер и многие другие), вдохновляясь отдельными мыслителями и философскими

направлениями, а порой находя существенные поводы для критики. Это, разумеется, не означает, что мысль Франка была скудна и не обладала новизной. Напротив, ему всегда было что сказать, его ум отличался, как отмечает В. В. Зеньковский, оригинальностью и философской силой [5].

В концепции Плотина имеется определенная структурная иерархия: все категории – Единое, Ум, Мировая Душа, Материя, Космос – расположены в определенной последовательности и взаимосвязаны между собой, они представлены как неразрывное единство и целостность. «Мир истинно-сущего представляет собою как бы длинную цепь жизни, в которой каждая предыдущая форма производит последующую, каждая последующая производится предыдущей, но так, что предыдущая не истощается в последующей и ее не поглощает» [6]. Таким образом, мир возникает как строгое гармоничное целое, в котором каждый элемент занимает свое место.

Исходная философская теория Плотина базируется на учении о трех основных субстанциях – Едином, Уме и Мировой Душе: «Первоединый есть все, но, будучи всем, Он не является ни одним из существ. Начало всего не может быть совокупностью всех существ. Начало есть все лишь в том смысле, что все к нему сводится и из него исходит; строго говоря, в нем все не уже есть, а еще только будет» [7]. Все, что есть в мире, эманурует (проистекает) именно из этого первого начала, потому что оно не какое-либо отдельно взятое существо, оно обладает совершенно иной природой, которая позволяет ему быть началом сущего. Но это не означает, что все, чему Единое дает жизнь, устраняется от него, напротив, происшедшее от Первоединого устремляется к нему, наполняется им, получает всю полноту бытия: «Таким образом происхождение существующего, начинаясь от Первого, идет все ниже и ниже, причем каждое звено в этом процессе занимает место, сообразное с его природой. Каждое вновь произведенное бытие менее совершенно по сравнению с тем бытием, от которого произошло, однако при этом сохраняет подобие его в той степени, в какой сохраняет с ним связь и подчиняется ему» [8].

Читая произведения Франка, мы не находим ни подобной иерархии, ни подобной понятийной структуры. Оно и понятно, поскольку мысль русского философа развивалась совершенно в иной традиции, которая позволила ему создать собственную систему. Разумеется, у него есть и своя структура, и свой категориальный аппарат, необходимый для раскрытия основных смысловых интенций, заложенных в его философии. Конечно, в этом пункте Плотин и Франк имеют существенные расхождения, но есть то, что их объединяет уже на этом этапе, – это стремление показать целостность бытия, взаимосвязь всех элементов мира и найти то единое, единственное начало, которое давало бы начало всему и объединяло бы собой все. Безусловно, это говорит о той традиции, которая сформировалась в античной философии и продолжателями которой являлись многие мыслители, в том числе Плотин и Франк.

Косвенным образом можно говорить о том, что в философии Франка весьма четко прослеживаются три уровня бытия: объективное (предметный мир), субъективное (непосредственное самобытие) и абсолютное бытие (Бог). На каждом из этих уровней Франк усматривает проявление непостижимого как основной характеристики бытия. Чтобы связать эти ступени, Франк выдвигает принцип «металогического единства» – одно из важнейших положений, которое позволяет видеть его систему как целое. «Если взять бытие как таковое, в отличие от всего, что в нем содержится, – то оно есть безусловно неразложимое первичное простейшее единство. В качестве такого неразложимого, лишённого всяких признаков единства оно может быть именно только *пережито*...» [9] Но вместе с тем это единство, говорит Франк, есть, с одной стороны, единство всего: оно не только объемлет и содержит в себе все, но и насквозь все пронизывает; с другой – бытие в этом смысле есть единство всего вообще.

Представляется весьма интересным соотнести идею эманации у Плотина и вопрос о творении у С. Л. Франка. Без идеи эманации невозможно себе представить ни концепцию неоплатонизма в целом, ни философию Плотина в частности. Процесс эманации показывает нисхождение бытия от высшей ступени Единого до низшей материи. Наивысшей ступенью всего бытия является Единое, которое дает начало и жизнь всему, что есть, и все с неизбежностью стремится к нему. Оно выше всего, ему невозможно приписать какие-либо положительные предикаты, его полноту невозможно выразить в человеческом слове, оно ни в чем не нуждается и ничего не требует для себя, оно извечно пребывает в себе самом.

Неоплатонизм еще не знает христианского учения о творении, вместо него выступает учение об эманации Единого и об истечении из него всего сущего. Как отмечает А. Ф. Лосев, Плотин отвергает идею сознательного творения по заранее имеющемуся плану. Да и сам Франк упрекает сознание античности в том, что в нем «отсутствует идея человека как твари» [10]. В христианстве Бог является причиной всего существующего, Он по собственной воле творит все вокруг. «Все через Него начало быть, и без Него ничто не начало быть, что начало быть» [Ин. 1:3].

У Франка отношение к процессу эманации достаточно сложное. С одной стороны, он хотел бы сохранить его и найти ему достойное применение, но это у него не получается. За это совершенно справедливо его критикует В. В. Зеньковский: «Франк не нашел настоящего слова для выражения своей мысли и сам говорит, что его учение о соотношении “всеобъемлющего единства и мирового бытия” стоит как бы посередине между эманацией и творением”. Заметим тут, однако, что понятия эманации и творения друг друга исключают; что же может быть “посередине” между ними?» [11].

С другой – Франк критикует христианскую идею творения мира «из ничего», но отстаивает тот факт, что Бог творит этот мир по собственной воле. Несостоятельность такой догматической формулировки заключается, согласно Франку, в том, что «сотворение мыслится в нем как возникновение, т. е. предполагает наличие времени; время же есть уже атрибут и форма тварного бытия» [12]. Такая позиция приводит Франка к мысли о том, что возникновение всегда предполагает возникновение одного из другого, что невольно отсылает нас к процессу эманации. Идея сотворения мира «из ничего», как полагает Франк, таит в себе существенную опасность, а именно, всемогущество Бога является бесконечным и безграничным, что приводит к принципиальной неразрешимости проблемы теодицеи.

Отказываясь от традиционной христианской концепции и от дуалистического представления о сотворении мира, Франк предлагает мыслить процесс творения как формирование материала, который Бог полагает сам: «Творение мира есть формирование, расчленение и согласование этого материала, внедрение в него актуальности и завершенности Бога» [13]. По существу такая формулировка в большей степени соответствует неоплатоническому пониманию, пантеистической, а не христианской традиции. Идея творения, как отмечал В. В. Зеньковский, весьма слабо разработана в философии Франка, хотя он и старается уделять ей достаточно внимания («Непостижимое», «Реальность и человек», «С нами Бог»), всегда что-то ускользает от его взора, возможно потому, что он, все же, был ближе к традиции европейской философии, чем к догматическому богословию.

Таким образом, необходимо отметить, что у Плотина концепция эманации выглядит гораздо более проработанной и необходимой, чем идея творения у Франка, который не смог более четко сформулировать свою мысль в этом вопросе: либо принимать позицию, где высшее начало «изливает» себя в этот мир, либо полностью следовать христианской идее создания мира. Его системе, как отмечает В. В. Зеньковский, не хватает «ясности в различениях Абсолюта и мира, которая нужна для системы основных понятий» [14], он не замечает, что идея творения нужна философии не меньше, чем богословию. Но Франк старается найти промежуточное решение этой проблемы, что приводит к весьма интересному синтезу двух традиций: неоплатонической и христианской, а исследователям позволяет усматривать недостатки в его философской системе и выступать с критикой.

«Единое» у Плотина и «Бог» у Франка остаются принципиально трансцендентными миру, что накладывает определенные сложности при попытке их познания и понимания. Плотин предлагает, как и вся античная традиция, встать на путь интеллектуального или умного созерцания, когда душа очищается от чувственных образов и всецело погружается в свою истинную сущность и ждет встречи с Единым. Такой взгляд Плотина позволил А. Ф. Лосеву говорить о спекулятивно-теоретическом характере всей системы величайшего неоплатоника.

Франк же предлагает несколько другой вариант для достижения первого начала, хотя и отдает должное процессу созерцания. Он выдвигает понятие «трансцендентального мышления», с помощью которого человек способен проникнуть в глубины бытия и приблизиться к тому, что он называет непостижимым. Выхожение за пределы предметного мира – основная задача «первой философии». «Трансцендирование есть поэтому не достижение чего-либо трансцендентного, а осознание трансцендентального, как бы “пограничного”, и именно потому оно есть “трансцендентальное мышление”» [15], мышление совершенно особого рода. Оба эти принципа, так или иначе, заставляют человека работать над собой, совершенствовать свою сущность, искать подлинность своего бытия, усматривать то, что не всегда видно «привычным взором».

Отмечая особенности в познании высшего начала, мы подошли к вопросу о соотношении субъекта и объекта познания. Для Плотина, как и для всей античной философии, этот вопрос решается однозначно: субъект не мыслится без объекта, как и объект невозможно представить без субъекта, т. е. обнаруживается прочная взаимосвязь субъекта и объекта, которая забывается в философии Нового времени.

В этом вопросе для Франка позиция новоевропейской философии также становится неприемлемой, он возвращается к антично-средневековой традиции. Русская теория познания, по мысли Франка, коренным образом отличается от западной, потому что строится на живом опыте,

который проникает в самую суть вещей и является непосредственным усмотрением самого бытия. Именно такую теорию познания предлагает С. Л. Франк, в ней нет противопоставления субъекта и объекта, знания и бытия, где каждый элемент органично вплетается в общую картину всего мироздания. Русский философ возвращает синтетический взгляд на мир, в котором каждый элемент занимает свое особое место.

В 1916 г. Франк произносил вступительную речь по случаю защиты своей диссертации – «Предмет знания». Это выступление впоследствии стало носить название «Кризис современной философии», что отражало основное тематическое поле данного доклада. Поэтому С. А. Левицкий, характеризуя Франка, пишет: «Он умел живо чувствовать современность и болеть ее проблемами, но это не мешало ему созерцать бытие “под знаком вечности”, по-иному освещать традиционные и вечные проблемы» [16].

В своей программной речи русский философ указывает на то, что именно в теории знания проявляется острейший кризис, несмотря на ее стремительное развитие. Франк, выступая против психологизма, постулирует тезис о том, что всякая теория знания должна быть очищена от психологических примесей. «Гносеология на наших глазах открывает, что она сама всегда была онтологией и не может не быть ею» [17]. Это заявление Франка свидетельствует о его глубокой убежденности в том, что не существует жесткого деления на «онтологию» и «гносеологию», как нет и противопоставления субъекта и объекта.

Проводя исследование философии Плотина, А. Ф. Лосев вводит понятие «текущая сущность», дабы показать, что в концепции данного мыслителя нет абстрактных понятий, что она пронизана динамикой и становлением. «Плотин рассматривает и характеризует сущность обязательно как становящуюся, обязательно как текучую, обязательно как неразрывно связанную со своим функционированием в окружающем ее бытии» [18]. Но это не значит, что, таким образом, сущность выходит за свои пределы, перестает быть тем, чем она была с самого начала, напротив, несмотря на свою текучесть, она не теряет своей истинной сути, не спускается в чувственно-материальный мир, а сохраняет в себе саму себя в единстве и целостности. Везде, где только это возможно, Плотин старается показать, что все в бытии наполнено жизнью, что каждое понятие – это не просто пустая абстракция, а нечто, наполненное живым светом и содержанием.

В этом контексте следует обратить внимание на произведение С. Л. Франка «Предмет знания», где высшей ступенью интуиции является «знание-жизнь», где бытие и знание сплетены в органическое единство. Здесь он непосредственно обращается к философии Плотина: «Соотношение между содержанием отвлеченного знания и содержанием интуиции Плотин изображает как соотношение между двумя мирами, двумя областями бытия – между сферой чистого духа и сферой земной жизни» [19]. Данное высказывание говорит не о противопоставлении «двух миров», а о том, что «внутреннее» и «внешнее», «сфера духа» и «сфера жизни», знание и бытие тесно связаны между собой; поэтому, как выразилась Н. С. Мотрошилова, «“Предмет знания” Франка следовало бы назвать “Знание и бытие”, что в большей мере отражало бы глубину и суть работы» [20].

Жизнь, по мысли Франка, выступает основной характеристикой бытия как целого, что позволяет ему проявляться как творческая активность. В этом смысле оно есть живое сверхвременное бытие, поэтому оно никогда не может быть доступно одной лишь только мысли, а подвластно такому созерцанию, которое улавливает само это бытие в его вневременной форме. Таким образом, выделяются два понятия: «знание-мысль» и «живое знание».

«Знание-мысль» занимается исследованием причинно-следственных связей, оно «схватывает» лишь то, что лежит на поверхности, не проникая в самую суть вещей. Оно, фактически, применяется исключительно в области предметного бытия, рационально объясняя и логически структурируя его. Такое знание, разумеется, необходимо для первичного познания мира – это его рассудочное осмысление. Подлинное же знание вещей и мира раскрывается только в «живом» знании. Оно охватывает собой весь окружающий мир, пронизывает все сферы бытия. «Живое» знание фактически распространяется и на бытие за пределами моего «я»; всякое художественное переживание служит тому примером. В художественном знании, говорит Франк, мы имеем мыслящее переживание в области не-я, мы непосредственно знаем живую реальность и действительность общего.

Несмотря на весь свой пиетет перед античной традицией и философией Плотина, Франк находит повод для критики. Он отмечает, что античность, сознавая всю слабость и ничтожность человека в мире, все же пошла неверным путем, то выбирая преклонение перед божественно-космическим строем бытия, то «спасая душу» в мистериях, то в бегстве от мира. Поэтому разлад между человеком и миром, как отмечает Франк, смягчается пантеистическими умонастроениями либо в стоицизме, либо в неоплатонизме. На это указывает и А. Ф. Лосев в своей

«Истории античной эстетики», говоря, что «субъект у Плотина есть только способ познания и восхождения к божеству и никогда не существует ради самого себя, ибо реальность “я” пребывает вне этого “я” и мысль становится реальной лишь постольку, поскольку она достигает равенства с объектом» [21].

Рассматривая влияние неоплатонизма, и в частности философии Плотина, на построение самостоятельной философской системы С. Л. Франка, можно говорить, с одной стороны, о несомненной преемственности взглядов, а с другой – об оригинальности мысли обоих философов. Во-первых, Франк активно проводит в своей философии идею единства субъекта и объекта. Во-вторых, принцип одного начала и единства мира, который позволяет представить бытие сущего как целое и гармоничное. В-третьих, реализуется тезис о трансцендентности первого начала («Единое» у Плотина, «Бог» у Франка). В-четвертых, неприемлемость Франком и Платином абстрактных категорий, поскольку они опустошают действительность, лишая ее жизни и текучести. Это основополагающие моменты, благодаря которым усматривается единство взглядов между философией Плотина и Франка.

То, что существенным образом отличает концепции этих двух мыслителей, коренится в той культурной традиции, в которой они формировались. Плотин всецело принадлежит античности с примесью восточной мистики. Творческие интуиции Франка переплетают в себе и христианское учение, и немецкую мистику, и всю европейскую традицию в целом, поэтому его система весьма интересна в соразмерном сочетании всех этих идей. Франк так до конца и не принял идею эманации, без которой философия Плотина просто немыслима. В свою очередь неоплатонизм не знает христианской идеи творения, которой дорожит русский мыслитель. Разумеется, в философии С. Л. Франка есть и понятие «души», и понятие «духовного бытия», и высшее начало, а бытие имеет три ступени, но все это имеет уже другие характеристики и другое значение, нежели у Плотина.

В заключение хотелось бы привести слова П. Элена: «Франк многим обязан неоплатонизму, однако в то же время он проявил себя как мыслитель, усвоивший или критически переработавший все остававшиеся реально значимыми вплоть до середины XX столетия основные творческие импульсы Нового времени. Среди них можно назвать не только немецкое неокантианство, в критическом рассмотрении которого уточнялся его собственный понятийный аппарат, но также философию жизни, наиболее значимых представителей феноменологии и персонализма. Несмотря на то что Франк поддерживает инициативные начинания других философов, он чужд компиляторства; сила его мышления проявляется в способности интегрировать эти начинания в свою, весьма оригинальную, философскую систему» [22].

Примечания

1. Зеньковский В. В. Основы христианской философии. М.: Канон+, 1997. С. 161.
2. Блонский П. П. Философия Плотина. М.: URSS, 1995. С. 531.
3. Лосев А. Ф. История античной эстетики. Поздний эллинизм. М.: АСТ, 2000. С. 735.
4. Франк С. Л. Непостижимое // Сочинения. М.: «Правда», 1990. С. 183.
5. Зеньковский В. В. История русской философии: в 2 т. Т. 2. М.: ЭКСМО-Пресс, 2001. С. 473.
6. Плотин. Эннеады. Киев: УЦИММ-ПРЕСС, 1995. С. 139.
7. Там же. С. 137.
8. Там же. С. 138.
9. Франк С. Л. Указ. соч. С. 280.
10. Франк С. Л. Реальность и человек // С нами Бог. М.: АСТ, 1997. С. 295.
11. Зеньковский В. В. Указ. соч. С. 462–463.
12. Франк С. Л. Реальность и человек... С. 418.
13. Там же. С. 424.
14. Зеньковский В. В. Указ. соч. С. 474.
15. Франк С. Л. Непостижимое... С. 306.
16. Левицкий С. А. Очерки по истории русской философии // Трагедия свободы. М.: Астрель, 2008. С. 756.
17. Франк С. Л. Кризис современной философии // Русская мысль. 1916. Кн. 9. С. 35.
18. Лосев А. Ф. История античной эстетики. Поздний эллинизм. М.: АСТ, 2000. С. 390.
19. Франк С. Л. Предмет знания. Душа человека. СПб.: Наука, 1995. С. 277.
20. Мотрошилова Н. В. Мыслители России и философия Запада: В. Соловьев, Н. Бердяев, С. Франк, Л. Шестов. М.: Республика, 2006. С. 329.
21. Лосев А. Ф. Указ. соч. С. 402.
22. Элен П. Введение в специфику философского мышления Франка // Логос. 2004. № 1. С. 186.

Notes

1. Zen'kovskij V. V. *Osnovy hristianskoj filosofii*. [Foundations of Christian philosophy]. M. Kanon+. 1997. P. 161.
2. Blonskij P. P. *Filosofiya Plotina* [Philosophy of Plotinus]. M. URSS. 1995. P. 531.
3. Losev A. F. *Istoriya antichnoj ehstetiki. Pozdnij ehllinizm* [History of antique aesthetics. Late Hellenism]. M. AST. 2000. P. 735.
4. Frank S. L. *Nepostizhimoe* [Inaccessible] // *Sochineniya* – Works. M. Pravda. 1990. P. 183.
5. Zen'kovskij V. V. *Istoriya russkoj filosofii: v 2 t. T. 2.* [History of Russian philosophy: in 2 vol Vol. 2]. M. EKSMO-Press. 2001. P. 473.
6. Plotinus. *EHnneady* [Enneades]. Kiev. UCIMM PRESS. 1995. P. 139.
7. Ibid. P. 137.
8. Ibid. P. 138.
9. Frank S. L. Op. cit. P. 280.
10. Frank S. L. *Real'nost' i chelovek* [Reality and man] // *S nami Bog* – God is with us. M. AST. 1997. P.295.
11. Zen'kovskij V. V. Op. cit. Pp. 462-463.
12. Frank S. L. *Real'nost' i chelovek...* [Reality and man...] P. 418.
13. Ibid. P. 424.
14. Zen'kovskij V. V. Op. cit. P. 474.
15. Frank S. L. *Nepostizhimoe...* [Inaccessible] P. 306.
16. Levickij S. A. *Ocherki po istorii russkoj filosofii* [Essays on the history of Russian philosophy] // *Tragediya svobody* – Tragedy of freedom. M. Astrel. 2008. P. 756.
17. Frank S. L. *Krizis sovremennoj filosofii* [Crisis of modern philosophy] // *Russkaya mysl'* – Russian thought. 1916. Book 9. P. 35.
18. Losev A. F. *Istoriya antichnoj ehstetiki. Pozdnij ehllinizm*. [History of antique aesthetics. Late Hellenism]. M. AST. 2000. P. 390.
19. Frank S. L. *Predmet znaniya. Dusha cheloveka* [Subject of knowledge. The soul of man]. SPb. Nauka. 1995. P. 277.
20. Motroshilova N. V. *Mysliteli Rossii i filosofiya Zapada: V. Solov'ev, N. Berdyaev, S. Frank, L. Shestov* [Thinkers of Russia and philosophy of the West: V. Solov'ev, N. Berdyaev, S. Frank, L. Shestov]. M. Respublika. 2006. P. 329.
21. Losev A. F. Op. cit. P. 402.
22. EHlen P. *Vvedenie v specifiku filosofskogo myshleniya Franka*. [Introduction to the specifics of philosophical thinking of Frank] // *Logos* – Logos. 2004, No. 1, p. 186.

Идея конца света в понимании российского общества на рубеже XIX–XX вв.

В статье затрагивается тема гибели мира, эсхатологических настроений на рубеже XIX–XX вв. Именно на стыке веков возникает состояние эсхатологической истерии, когда происходит взаимодействие множества факторов разного порядка. Номинация кризиса рубежа веков обнаружила в себе эсхатологические и апокалиптические составляющие. Это было время духовных волнений, беспокойств, ощущений конца света. Предпринимается попытка целостного анализа апокалиптической тематики в творчестве видных представителей русской общественной мысли конца XIX – первой половины XX в. Автор на основе фактического материала рассматривает формирование дискурса «священного смысла» рубежа XIX–XX вв. Обосновывается идея о том, что публицисты того времени издавали варианты крестьянских слухов о гибели мира. Данная проблема мало изучена и требует дальнейших исследований.

The article touches upon the subject of the end of the world, eschatological moods on the turn of XIX–XX centuries. It is at the turn of the century there is a state of eschatological hysteria, when there is an interaction of many factors of a different order. Crisis's nomination on the turn of the century has found eschatological and apocalyptic elements in itself. It was a time of spiritual unrest, of anxiety, of feeling of end of the world. Attempt of holistic analysis of apocalyptic themes in the works of prominent representatives of Russian social concept of the late XIX – first half XX centuries was taken. The author on the basis of factual material, is considering the formation of a discourse of "sacred sense" of the turn of XIX–XX centuries. The idea, based on the fact that the publicists of that time published peasant's rumours about the end of the world, is justified. This problem is poorly studied and requires further research.

Ключевые слова: эсхатология, апокалипсис, катастрофа, идея, гибель, мир.

Keywords: eschatology, Apocalypse, disaster, idea, death, world.

Христианскому сознанию в той или иной степени присущ эсхатологизм. Эсхатология – это совокупность религиозно-философских доктрин о конечной судьбе человека и мира, о «конце истории» [1].

Как каждому из нас предстоит смерть, так и у любой планеты и у всего мира есть свое завершение или разрушение. Это ясно прослеживается в Священном Писании; но человек, не зная Писания, знал эту истину. Простой народ и философы верили, что мир не вечен, и даже предполагали, как совершится кончина мира, говоря об истреблении земли огнем. Древнеримский поэт Овидий говорил: *mare ardebit* (море будет гореть). Философ, поэт и государственный деятель Сенека говорил: *omnia uno igne ardebunt* (все сгорит от огня) [2]. Конец мира последует тогда, когда мир состарится в хитростях и обманах, отсюда ухищрения и коварство. В лукавстве и злобе – отсюда преследования и гонения.

Каждая историческая эпоха имеет свою степень психологической напряженности, свое ощущение «конца истории». В российской истории множество примеров, когда в критические для страны и народа моменты возникали ситуации ожиданий конца света, и когда многие люди, находясь в состоянии ужаса и страха, бросались в религиозные секты, отказываясь от своих убеждений и прежней жизни.

Перед наступлением русской революции 1905–1907 гг. Сергей Николаевич Дурылин в прошлом был толстовцем, а затем раскаялся, занялся вопросом о вере в приближающийся конец мира. Существует мнение, что ожидание конца мира совпадает с какими-либо историческими катастрофами (особенно с войнами). Что касается России, то Сергей Николаевич сделал следующие исторические наблюдения:

1. Россия переживала тяжкие времена татарского ига. Однако ни у кого нет мысли о конце мира или даже Руси. Наоборот, Сергей Радонежский и сам строит, и птенцы, вылетевшие из его гнезда, тоже стоят, не думая о конце света... Татары погибли. Русь встала и духовно окрепла.

2. Смутное время. И опять в литературе ничего не сказано о конце мира. Смута преодолена. Русь возродилась и стала возрастать.

3. Вопреки увеличивающемуся могуществу и росту в России появляются идеи об антихристе... «Наших предков поразило Падение Православия на верхах и влияние безбожного Запада. Была главная причина ожиданий антихриста, как таковым оказался Петр I. Ниспровержение благочестия... мы стоим за новую веру», – говорили в воззваниях казаки и стрельцы. Но закончилось царствование Петра I, а конец мира не наступил [3].

Ожидание конца света Церковь одобряет и благословляет, а вот вопрос об искании точных дат конца света совершенно запрещается. Вот что отвечает Господь, когда будет кончина века: «Не ваше дело знать времена или сроки, которые Отец положил в Своей власти» [4]. Никогда нельзя быть уверенным в ожидании гибели, если даже это общие данные, особенно что касается России. Предположим, что для России пришел «конец истории», и никто не может отрицать, что на ее останках не создадутся новые христианские государства, но если бы это и случилось, то никто не вправе устанавливать сроки и цифры, не значимые для истории.

В истории эсхатологические настроения общества развиваются в соответствии с определенными закономерностями и характеризуются специфическими проявлениями. Именно на стыке веков возникает состояние эсхатологической истерии, когда происходит взаимодействие множества факторов разного порядка (исторических, социально-экономических и политических, религиозных, культурных и др.), которые, в свою очередь, активно влияют на личность каждого человека, оказавшегося на данный момент в этом периоде истории. Все это вызывает к жизни дремавший экзистенциальный страх, побуждает к принятию тех или иных действий, которые способны, по мнению человека, этот страх умирить.

В сознании российского общества эсхатологизм рассматривается как в контексте русской революции, так и в рамках религиозно-философских и культурологических исследований последних десятилетий.

Для начала XX в. характерно ощущение конца эпохи: крушение надежд, ожидание грядущих катастроф, нестабильность и неуверенность в завтрашнем дне. Философы, описывая в своих трудах кризис того времени, пользовались повышенным вниманием со стороны общества. Например, С. Н. Булгаков в работе «Апокалиптика и социализм» характеризует свою эпоху как «жгучую и тревожную современность», выделяя два подхода к рассмотрению истории. В первом история понимается как процесс, «ведущий к достижению некоторой имманентной истории цели» [5], который философ называет хилиастическим, так как цель истории в нем видится в наступлении тысячелетнего царства добра на земле. Хилиазм он сравнивает с определенным историческим горизонтом, который видится в исторической перспективе. Отсюда человеческая история предстает как вечное движение к этому историческому горизонту, «всегда видим, но никогда не приближается» [6]. Второй подход – это эсхатологическое мировосприятие. Эсхатология со своими проблемами и вопросами неискоренима в человеческом сознании. Философ считает, что «дитя двух миров, человек может забыть о своем происхождении и утратить живое чувство связи с иным миром, лишиться переживания запредельного наряду с переживанием имманентного, но он не может знать о предстоящем ему уходе из этого мира» [7]. С точки зрения С. Н. Булгакова, подлинно религиозное миропонимание истории всегда приходит к эсхатологической теме. Это связано с ускорением в сознании человека мысли о смерти и предстоящем уходе из этого мира. Как любой толкователь Апокалипсиса, Булгаков пытается наложить слова пророчества на события своей эпохи: «...те события и разрушения, которых ныне мы являемся свидетелями, не являются ли они образом Страшного Суда Божия и над тоталитарной государственностью, над буржуазией и капитализмом» [8].

Русский религиозный мыслитель князь Е. Н. Трубецкой, последователь и ученик Вл. Соловьева, в предисловии к работе «Смысл жизни» пишет: «Внешним поводом настоящего труда являются мучительные переживания мировой бессмыслицы, достигшие в наши дни необычайного напряжения. Когда была написана первая глава, катастрофа, постигшая Россию, только навигалась и была мучительным предчувствием. Слышал грома приближающейся грозы, но оставалась надежда, что она минует, и все еще казалось целым. Потом труд был прерван в самом его начале революционной бурей. Он возобновился под гром пушек московского октябрьского расстрела 1917 г. Теперь, когда он окончен, Россия лежит в развалинах; она стала очагом мирового пожара, угрожающего гибелью всемирной культуры» [9]. Что касается темы конца света, Трубецкой считает, что близость второго пришествия Христа, по Евангелию, предвещается катастрофи-

ческими событиями, в которых «выражается глубочайшее внутреннее разделение мировых начал. Чтобы определиться к своему окончательному, грядущему образу, мир земной должен перестать быть “смешанным телом”» [10]. По мнению Трубецкого, совпадение катастрофических событий в истории, вполне естественно, так как смысл всемирной истории есть тем самым и смысл существования земной планеты, – конец человечества есть тем самым и ее конец» [11].

Социокультурный кризис неизбежно захватывает все стороны жизни, все формы духовности, все виды человеческой деятельности. Особенно остро общая социальная неустойчивость рубежа XIX–XX вв. проявилась в сфере искусства.

Необычайный всплеск апокалиптической тематики в литературе и искусстве рубежа XIX–XX вв. отмечает Л. Ф. Кацис в статье «Апокалиптика “серебряного века”», определяя это как одну из важнейших тенденций в литературе и искусстве. События начала XX в. (русско-японская война, первая русская революция, Первая мировая война, Октябрьская революция, первые годы советской власти) дали достаточно оснований для обострения кризисного мировосприятия, размышлений о грядущем Апокалипсисе, конце света и прочее, Л. Ф. Кацис пишет, что «в ожидании второго пришествия люди начала XX века неизбежно задумывались о причинах пришествия первого. Совершенно не случайно именно начало XX века породило столь сильную апокалиптическую волну. Ведь это было начало последнего века двухтысячелетней истории христианства» [12].

Слухи о надвигающемся конце света, гибели мира на рубеже веков были достаточно популярны, о чем свидетельствуют опубликованные и архивные материалы [13]. В одной из брошюр начала XX в. описывается: «Еще один новый конец мира! На этот раз светопреставление, или кончина мира, досужими умами назначено на 25 марта 1912 года» [14]. После чего просветитель, продолжая широко распространенные слухи, пишет: «И не только это совпадение (в 1912 г. дней Благовещения Богородице и Пасхи) говорит о близком конце, но и все окружающее нас: всюду войны, смуты, народные восстания, изгоняются цари земные, народ терпит голод, всюду бродят смутьяны, соблазняя легковверные сердца...».

Весьма необычной была публикация слухов о конце света на рубеже XIX–XX вв. По большей части издания фольклора того времени предлагали вниманию читателей краткие или развернутые монологические тексты, а здесь же пересказываются крестьянские диалоги. Поэтому многообразие слухов, на которое обращает внимание тенишевский корреспондент, делали народные рассуждения столь привлекательными и поразительно фантастичными для любителей фольклора. Необычайный список народных «версий гибели мира» составил известный церковный публицист конца XIX в. А. Балов. Сюда вошли «звезда с хвостом», «которая упадет на землю и земля рассыпется» или сгорит; «огненный дождь»; «обыкновенная звезда», от падения которой земля «рассыпется на мелкие кусочки» [15]. Здесь можно добавить и «кислотный дождь», и «ледяной град» размером с планету, который может сбить Землю или отколоть от нее часть. Поэтому такого рода пересказанные слухи представляли собой литературные обработки устных рассказов. А наиболее усердные корреспонденты старались еще красочнее воссоздать саму ситуацию обсуждения темы гибели мира в крестьянской среде. Именно такие описания напоминают скорее сценарии диалогов, чем их записи.

В. Антипов в данном случае апеллирует к известной «эсхатологичности» староверов, о которой в то время много писали. Аскетизм, осмысление мира как антихристового царства, вино, табак и чай как главные враги человечества – все это традиционные стереотипы описания старообрядцев, хорошо известные просвещенной публике конца XIX в. Появление такого старообрядца на крестьянской беседе кажется маловероятным, а его слова – изрядно надуманными.

Материалы рубежа XIX–XX вв. заставляют нас критично отнестись к факту их появления, так как они в основном считались продуктами литературной работы. Публицисты преследовали определенную цель, издавая варианты крестьянских слухов о гибели мира. Во-первых, это было желание восстановить репутацию «народа» как носителя истинной религиозности (А. В. Суворов), во-вторых – продемонстрировать его «серость» и «непросвещенность».

В последней трети XIX в. популярность в городском обществе приобретали астрономия и открытия в этой сфере. В это время много писали о кометах, которые бурно обсуждали не только в деревне, но и это было модной темой разговоров в столичных салонах. Новая информация, связанная с астрономией и научными открытиями, стала доступной для крестьян, но изучали они ее по-разному, одни приобщались к городской науке, для других это было предметом разъяснения в контексте эсхатологических рассказов.

Можно сделать вывод о том, что на рубеже XIX–XX вв. понятие «эсхатологический кризис» появилось благодаря публицистам, которые приукрашивали свои труды, а не в связи с массовым распространением ожиданий конца света.

«До антихристовых времен не доживете, а времена антихристовы переживете», – сказал преподобный Серафим. Россия пережила и переживает эти времена, которые исторически нужно считать не только вероятным, а необходимым, и все это Россия преодолет.

Примечания

1. Фролова И. Т. *Философский словарь*. М.: Республика, 2001. 720 с.
2. Зоберн В. М. *О загробном мире*. Православное учение. М.: Эксмо, 2013. 256 с.
3. Там же. С. 9.
4. Библия. Новый Завет. Деяния Святых Апостолов. М.: Библейская Лига, 2004. С. 130.
5. Булгаков С. Н. *Апокалиптика и социализм (Религиозно-философские параллели)*: соч. в 2 т. Избранные статьи. М.: Наука, 1993. Т. 2. С. 368–435.
6. Там же. С. 418.
7. Там же. С. 390.
8. Булгаков С. Н. *Апокалипсис Иоанна. Опыт догматического истолкования*. М.: Православное братство Трезвости «Отрада и Утешение», 1991. 350 с.
9. Трубецкой Е. Н. *Смысл жизни*. М.: Ин-т русской цивилизации, 2011. 650 с.
10. Там же. С. 473.
11. Там же. С. 474.
12. Кацис Л. Ф. *Апокалиптика «Серебряного века» (Эсхатология в художественном сознании)* // Человек. 1995. № 2. С. 143–154.
13. Конец мира 25 марта 1912 года (новые толкования о будто бы предстоящем конце мира). СПб.: Типо-литография К. И. Лингарда, 1912. 16 с.; Тенишевский архив (Архив Российского этнографического музея. Ф. 7. Оп. 1) Д. 766. Тихвинский у. Новгородской губ. (В. Четвериков, 1899 г.), Д. 798. Череповецкий у. Новгородской губ. (В. Антипов, 1898 г.), Д. 803. Череповецкий у. Новгородская губ. (В. Антипов, 1899 г.).
14. Там же. С. 1.
15. Там же. С. 2.

Notes

1. Frolova I. T. *Filosofskij slovar'* [Philosophical dictionary]. M. Respublika. 2001. 720 p.
2. Zobern V. M. *O zagrobnom mire. Pravoslavnoe uchenie* [About the afterlife. The Orthodox teaching]. M. Eksmo. 2013. 256 p.
3. Ibid. P.9.
4. *Bibliya. Novyj Zavet. Deyaniya Svyatyh Apostolov* – The Bible. In The New Testament. The Acts Of The Apostles. M. The Bible League. 2004. P. 130.
5. *Bulgakov S. N. Apokaliptika i socializm (Religiozno-filosofskie paralleli): soch. v 2 t. Izbrannye stat'i* [Apocalyptic and socialism (Religious and philosophical Parallels): works in 2 vol. Selected articles]. M. Nauka. 1993. Vol. 2. Pp. 368-435.
6. Ibid. P. 418.
7. Ibid. P. 390.
8. *Bulgakov S. N. Apokalipsis Ioanna. Opyt dogmaticheskogo istolkovaniya* [The Apocalypse Of John. Experience dogmatic interpretation]. M. Orthodox brotherhood of Sobriety "Joy and Consolation". 1991. 350 p.
9. *Trubeckoj E. N. Smysl zhizni* [The meaning of life]. M. Institute of Russian civilization. 2011. 650 p.
10. Ibid. P. 473.
11. Ibid. P. 474.
12. *Kacis L. F. Apokaliptika «Serebryanogo veka» (EHskhatologiya v hudozhestvennom soznanii)* [Apocalyptic of "Silver age" (Eschatology in the artistic consciousness)] // *CHelovek* – The human. 1995, No. 2, pp. 143-154.
13. *Konec mira 25 marta 1912 goda (novye tolkovaniya o budto by predstoyashchem konce mira)* – The end of the world on the 25th March 1912 (new interpretations of seemingly impending end of the world). SPb. Typo-lithography of K. I. Lingard. 1912. 16 p.; *Tenishev archive* (Archive of the Russian Ethnographic Museum. F. 7. Inv. 1) File 766. Tikhvin uyezd of Novgorod province. (V. Chetverikov, 1899), File 798. Cherepovets uyezd of Novgorod province. (V. Antipov, 1898), File 803. Cherepovets uyezd of Novgorod province. (V. Antipov, 1899).
14. Ibid. P. 1.
15. Ibid. P. 2.

Переселение в Россию адыгской знати в 30-е гг. XIX в. (на примере дворянской семьи аббатов)

В 30-е гг. XIX вв. среди горцев Северо-Западного Кавказа обострились социальные противоречия между старой и новой знатью. Общинники, разбогатевшие за счёт торговли с Османской империей, активно добивались политического господства. Этому противились представители старой аристократии. В это же время Российская империя начала расширять своё влияние в регионе. Будучи сословным государством, Россия хотела опереться на местных князей и дворян. Однако многие из них проигрывали противостояние против богатых свободных общинников. В статье на примере семейства Аббатов показаны особенности переселения в Россию адыгских (шапсугских) дворян, которые потерпели поражение во внутриполитической борьбе. Российские власти организовали военно-морскую операцию для эвакуации своих сторонников. За свою преданность Аббаты получили вознаграждение от Николая I.

In the 30-s of the XIX century among the mountaineers of the North-West Caucasus exacerbated social contradictions between the old and new nobility. The community, rich at the expense of trade with the Ottoman Empire, actively sought political domination. This was opposed by representatives of the old aristocracy. At the same time, the Russian Empire began to expand its influence in the region. Being a class state, Russia wanted to rely on local princes and nobles. However, many of them lost the opposition against the rich free community members. In the article on the example of Abbats family shows particularly resettlement to Russia adygei nobles who were defeated in the political struggle. The Russian authorities organized a naval operation to evacuate their supporters. For their devotion, the Abbots received a reward from Nicholas I.

Ключевые слова: Северо-Западный Кавказ, шапсуги, 30-е гг. XIX вв., Российская империя, дворяне, Аббаты.

Keywords: North-West Caucasus, shapsugs, 30-s of the XIX century, the Russian Empire, the nobles, Abbats.

В 1829 г. между Российской и Османской империями был заключён Адрианопольский мирный договор. Среди прочего он подразумевал включение Северо-Западного Кавказа в состав Российской империи. Однако многочисленные адыгские этнолокальные общности (называемые в российских документах племенами: шапсуги, нутхайцы и др.) считали себя независимыми. В начале 1830-х гг. противостояние между Российской империей и непокорными горцами переросло в вооружённый конфликт, который впоследствии получил в отечественной историографии название «Кавказская война». Это противостояние осложнялось болезненными социально-политическими изменениями в среде самих горцев, одним из проявлений которого стала борьба аристократии и свободных общинников. Адыгские князья и дворяне стремились опереться на поддержку России, а в случае поражения во внутриполитической борьбе – укрыться в её пределах. Одним из ярких эпизодов социального противостояния в адыгском обществе стала история шапсугских дворян Бесленея и Убыха Аббатов.

Дореволюционные историки первыми уделили внимание социальному противостоянию среди адыгов, результатом которого было переселение их части в российские пределы. Об этом писали В. А. Потто [1], И. Д. Попка [2], Ф. А. Щербина [3] и др. Последний достаточно подробно описал злоключения, постигшие Бесленея Аббата. Дореволюционные историки полагали, что выступление России на стороне адыгской знати повлекло за собой негативные последствия, так как влияние беглых князей и дворян неуклонно падало в Закубанье, а в лице большинства свободных общинников империя получила злейших врагов. Советский историк М. В. Покровский обратил внимание на заинтересованность российской администрации и адыгской знати друг в друге [4]. В современной историографии существует немало оценок представителей горской знати, переселившихся на правый берег Кубани. Одни историки считают, что в период «Кавказской войны» не все горцы видели в России своего врага [5]. Другие, напротив, включают их в списки предателей адыгского народа [6]. При написании данной статьи мы использовали не только информацию, выявленную историками, но и неопубликованную деловую переписку, хранящуюся в Государственном архиве Краснодарского края. Источниками послужили рапорты, собранные в Актах Кавказской археографической комиссии. Ценная информация об обстоятельствах перехода Бесленея Аббата в российские пределы содержится в воспоминаниях непосредственного участника тех событий офицера Г. В. Новицкого и английского разведчика Джона Лонгворта.

Целью данной статьи является выяснение обстоятельств переселения адыгских дворян на подконтрольные России территории в 30-х гг. XIX в. на примере семьи Аббатов.

Бесленей и его брат Убых Аббаты являлись шапсугами, принадлежавшими к сословию первостепенных урков (дворян) [7]. Они были известными наездниками и до включения края в состав империи принимали участие в нападениях и грабежах на российской территории.

В начале 1830-х гг. российские власти нуждались в топографической информации, касающейся недавно приобретенных территорий Северо-Западного Кавказа. В земли т. н. немирных горцев были направлены разведчики, одним из которых был Г. В. Новицкий. Для того чтобы попасть на территорию Закубанья, российскому офицеру было необходимо заручиться покровительством какого-нибудь местного владельца. Г. В. Новицкий обратил внимание на Аббатов, так как они пользовались большим авторитетом среди горцев. Через своих знакомых разведчик начал посылать Бесленею Аббату многочисленные подарки. Достигнув расположения влиятельного дворянина, Г. В. Новицкий попросил Бесленея провести его через адыгские земли от Анапы до станицы Баталпашинской [8]. Он согласился и уговорил своего брата сопровождать Г. В. Новицкого. Под видом слуги Убыха российский разведчик проследовал по намеченному пути и собрал ценные сведения не только топографического, но и социально-политического характера.

Шапсугские общинники (тфокотли) узнали о нахождении российского разведчика в горах. Они послали за ним погоню, однако Г. В. Новицкому и его спутникам удалось уйти от преследователей и беспрепятственно вернуться на российскую территорию. Некоторое время спустя, во время экспедиции графа И. Ф. Паскевича в Закубанье, Бесленей и Убых Аббаты стали проводниками российских войск в Закубанье. За это они получили звания прапорщиков и значительное денежное содержание [9].

Поступок дворянской семьи Аббатов обсуждался на народном собрании шапсугов и нутухайцев, собравшихся в начале 1831 г. на реке Адагум. Там было решено, что участь семейства Аббатов в целом зависит от воли всего шапсугского народа. Собрание постановило: если сын Бесленей Шаган-Гирей откажется от своего отца и дяди, станет их врагом и подтвердит это присягой перед народом, ему даруется всё их имущество. Бесленей советовал сыну выдать себя за врага своего отца и России. Также было принято решение предложить Бесленею и Убыху возвратиться в горы (заплатив штраф за оскорбление) с условием стать врагами России. За это шапсуги предлагали им возратить всё. Бесленей просил Новицкого дать знать своему сыну о сборе семейства в одном месте. Это было необходимо для того, чтобы без затруднений вывести родных в крепость Анапу [10].

В начале апреля 1831 г. Бесленей Аббат отправился в Закубанье ради освобождения своей жены. На обратном пути в российские пределы он был обнаружен шапсугами на реке Анхир и схвачен. Шапсугские тфокотли заявили, что именно он стал виновником прошлогодней экспедиции российских войск. Находясь в заключении, Бесленей Аббат уверял их, что они сами спровоцировали Россию на военные действия. Для того чтобы выйти из заточения, Бесленей Аббат должен был представить поручителей из знатных семей, и он их нашёл, к немалому удивлению основной массы общинников. Это обстоятельство значительно облегчило участь пленника. Ему даровалась свобода до общего народного собрания, от которого Бесленей Аббат ничего хорошего не ожидал [11]. Английский разведчик Джон Лонгворт, побывавший на Северо-Западном Кавказе в 1837 г., утверждал, что глава шапсугских тфокотлей Амирз избил Бесленея Аббата и надругался над его женой во время их заключения. Это являлось тяжким преступлением в глазах горцев. Слухи о притеснениях дворянина также способствовали скорому освобождению Бесленей Аббата [12].

Вскоре до него дошли сведения, что вблизи появились российские войска. Бесленей Аббат собрал своих родственников и сторонников в укрепленном ауле на реке Абин. Он надеялся на скорую помощь со стороны российского командования, однако Бесленей обманулся. Войска вскоре покинули Закубанье. Шапсугские общинники требовали уничтожить засеки, окружавшие аул. После отказа начались военные действия. Бесленею со своими сторонниками удалось продержаться до подхода союзных ему нутухайцев и шапсугских дворян. Бой между сторонниками и противниками Бесленей Аббата окончился ничьей. Обе стороны пришли к тому, что участь дворянина должна быть решена на суде. Противники Бесленей на время разошлись по домам. Его сторонники ночью переправили Бесленей Аббата и его семейство в Суджук-кале, под покровительство нутухайцев. На другой день шапсугские тфокотли, обнаружив исчезновение Бесленей Аббата, хотели отправиться за ним в погоню, но шапсугские дворяне и нутухайцы остановили их. Будучи в Суджук-кале, Бесленей Аббат склонял нутухайцев к сотрудничеству с Россией и доставлял на Линию сведения о планах «немирных» горцев. Он медлил с переходом на контролируемые российскими войсками территории из-за опасений за судьбу своих приверженцев, остававшихся в горах [13]. В итоге семейство и подданные Бесленей Аббата при помощи морских судов были пере-

правлены и поселены на Каракубанском острове. Его брат Убых в это время уже находился в российских пределах и всячески помогал Бесленею. Военное командование снабдило Аббатов довольствием на сумму 967 руб., а Николай I пожаловал им ещё 500 червонцев золотом [14].

Попытки адыгских дворян переселиться в Россию осуществлялись и позднее. Во второй половине 40-х гг. XIX в. вновь обострились социальные противоречия внутри адыгского общества. В 1846 г. шапсугские и натухайские дворяне решили переселиться в Россию, так как тфокотли лишили свою военно-феодальную аристократию её старинных привилегий [15]. Однако к концу февраля 1847 г. верхушка натухайских тфокотлей осознала опасность перехода дворян под российское подданство. Старшины потребовали от дворян явиться на народное собрание для разбирательства. Псебеское народное собрание 1847 г. постановило наложить на дворян, намеревавшихся переселиться в Россию, тяжелые штрафы. В том же году Шебшское собрание решило создать постоянное ополчение, для того чтобы силой привести дворян к повиновению [16].

Таким образом, переселение семейства Аббатов на подконтрольную России территорию стало продолжением сложных социально-политических трансформаций в адыгском обществе, начавшихся ещё в конце XVIII в. Старшинская верхушка «приморских» адыгов (шапсугов, натухайцев, абадзехов) добилась такого могущества, что под ее руководством был осуществлен т. н. «демократический переворот» (ограничение привилегий князей и дворян со стороны свободных общинников). Борьба между социальными группами приняла вооруженный характер, вершиной которого стала Бзюкская битва 1796 г. Результатом этого противостояния стало изгнание князей у шапсугов. Плоды победы достались именно старшинам, которые сумели с выгодой для себя использовать антидворянское движение массы крестьянства и под покровом родовых институтов установить в общинах свое господство. Однако противостояние продолжилось и в первой половине XIX в.

После того как Аббаты провели по горам и предгорьям Северо-Западного Кавказа российского разведчика Г. В. Новицкого, они предстали в глазах шапсугских тфокотлей изменниками. Тем не менее довольно сильная партия в лице шапсугских дворян и натухайцев поддержала Бесленея и Убыха вооружённой силой. Внутри адыгских локальных субэтнических групп продолжало сохраняться социально-политическое напряжение. Конфликтующие стороны искали поддержки внешних сил, одной из которых была Россия.

Примечания

1. Потто В. А. Кавказская война: в 5 т. Т. 1. С древнейших времен до Ермолова. Ставрополь: Кавказ. край, 1994. С. 544.
2. Попка И. Д. Черноморские казаки в их гражданском и военном быту: очерки края, общества, вооруженной силы и службы в двух частях. Краснодар: «Сов. Кубань», 1998. С. 47.
3. Щербина Ф. А. История Кубанского Казачьего войска. Т. II. Краснодар: Краснодарские известия, 2007. С. 726–728.
4. Покровский М. В. Из истории адыгов в конце XVIII – первой половине XIX века: Социально-экономические очерки. Краснодар: Кн. изд-во, 1989. С. 160.
5. Брацун Е. В. Горцы Северо-Западного Кавказа на воинской службе России (конец XVIII–XIX вв.): дис. ... канд. ист. наук. Краснодар, 2014. С. 210.
6. Шеуджен А. Х., Галкин Г. А., Тхакушинов А. К., Алешин Н. Е., Кушу А. А., Шеуджен Б. Е. Земля адыгов. Майкоп: ГУРИПП «Адыгея», 2004. С. 154.
7. Рапорт генерал-лейтенанта. А. А. Вельяминова барону Розену, от 16-го апреля 1832 года, № 15. – Пятигорск // Акты Кавказской Археографической Комиссии / под ред. Берже. Т. VIII. Тифлис, 1881. С. 733.
8. Ткаченко Д. С., Колосовская Т. А. «Мы на Кавказе воевали не для того, чтобы разбить неприятеля и уйти...» Социокультурная деятельность Кавказской армии (по воспоминаниям и исследованиям современников). Ставрополь: Изд-во СГУ, 2011. С. 170–171.
9. Рапорт генерал-лейтенанта. А. А. Вельяминова барону Розену, от 16-го апреля 1832 года, № 15. – Пятигорск...
10. Государственный архив Краснодарского края (далее – ГАКК). Ф. 261. Оп. 1. Д. 302. Л. 28 об.
11. Рапорт капитана Новицкого полковнику Гене, от 12-го ноября 1831 года, № 157. – Екатеринбург // Акты Кавказской Археографической Комиссии / под ред. Берже. Т. VIII. Тифлис, 1881. С. 728.
12. Лонгворт Д. Год среди черкесов. Нальчик: «Эль-фа», 2002. С. 136–137.
13. Рапорт капитана Новицкого полковнику Гене, от 12-го ноября 1831 года, № 157. – Екатеринбург...
14. ГАКК. Ф. 261. Оп. 1. Д. 401. Л. 1–2.
15. Покровский М. В. Указ. соч. С. 161.
16. Чирг А. Ю. Развитие общественно-политического строя адыгов Северо-Западного Кавказа (конец XVIII – 60-е гг. XIX в.). Майкоп: ООО «Качество», 2002. С. 110–111.

Notes

1. Potto V. A. *Kavkazskaya vojna: v 5 t. T. 1. S drevnejshih vremen do Ermolova* [The Caucasian war: in 5 vol. Vol. 1. From ancient times to Ermolov]. Stavropol. The Caucasus region. 1994. P. 544.
2. Popka I. D. *CHernomorskie kazaki v ih grazhdanskom i voennom bytu: ocherki kraya, obshchestva, vooruzhennoj sily i sluzhby v dyuh chastyah* [Black sea Cossacks in their civil and military life: essays on region, society, armed forces and service in two parts]. Krasnodar. "Sov. Kuban". 1998. P. 47.
3. SHCHerbina F. A. *Istoriya Kubanskogo Kazach'ego vojska. T. II* [History of the Kuban Cossack army. Vol. II.] Krasnodar. Krasnodar News. 2007, pp. 726-728.
4. Pokrovskij M. V. *Iz istorii adygov v konce XVIII – pervoj polovine XIX veka: Social'no-ehkonomicheskie ocherki* [From the history of the Circassians in the late XVIII – first half XIX century: Social and economic essays]. Krasnodar. Publishing house. 1989. P.160.
5. Bracun E. V. *Gorcy Severo-Zapadnogo Kavkaza na voinskoj sluzhbe Rossii (konec XVIII–XIX vv.): dis. ... kand. ist. nauk.* [Mountaineers of the Northwest Caucasus in the military service of Russia (the end of XVIII–XIX centuries): dis. cand. hist. sciences]. Krasnodar. 2014. P. 210.
6. SHEudzhen A. H., Galkin G. A., Thakushinov A. K., Aleshin N. E., Kushu A. A., SHEudzhen B. E. *Zemlya adygov* [The land of the Circassians]. Maikop. State unitary republican publishing polygraph enterprise "Adygeya". 2004. P. 154.
7. *Raport general-lejtenanta. A. A. Vel'yaminova baronu Rozenu, ot 16-go aprelya 1832 goda, № 15* – Report of Lieutenant-General A.A. Velyaminov to Baron Rosen, dated 16 April 1832, No. 15. – Pyatigorsk // Acts of the Caucasian archaeographic Commission / ed. by Berger. Vol. VIII. Tiflis. 1881. P. 733.
8. Tkachenko D. S., Kolosovskaya T. A. «*My na Kavkaze voevali ne dlya togo, chtoby razbit' nepriyatela i ujeti...*» *Sociokul'turnaya deyatel'nost' Kavkazskoj armii (po vospominaniyam i issledovaniyam sovremennikov)* ["We fought in the Caucasus, not in order to smash the enemy and leave..." socio-cultural activities of the Caucasian army (in memories and studies of his contemporaries)]. Stavropol. Publishing house SSU. 2011. Pp. 170-171.
9. *Raport general-lejtenanta. A. A. Vel'yaminova baronu Rozenu, ot 16-go aprelya 1832 goda, № 15* – Report of Lieutenant-General A.A. Velyaminov to Baron Rosen, dated 16 April 1832, No. 15. – Pyatigorsk...
10. State archive of Krasnodar region (further GAKK). F. 261. Inv. 1. File 302. Sh. 28.
11. *Raport kapitana Novickogo polkovniku Gene, ot 12-go noyabrya 1831 goda, № 157* – Report of captain Nowicki to Colonel Gene, 12 November 1831, no. 157. – Ekaterinodar // Acts of the Caucasian archaeographic Commission / ed. by Berger. Vol. VIII. Tiflis. 1881. P. 728.
12. Longvort D. *God sredi cherkesov* [Year among the Circassians]. Nalchik. "El-FA". 2002. Pp. 136-137.
13. *Raport kapitana Novickogo polkovniku Gene, ot 12-go noyabrya 1831 goda, № 157* – Report of captain Nowicki to Colonel Gene, 12 November 1831, no. 157. – Ekaterinodar...
14. GAKK. F. 261. Inv. 1. File 401. Sh. 1-2.
15. Pokrovskij M. V.. Op. cit. P. 161.
16. CHirg A. YU. *Razvitie obshchestvenno-politicheskogo stroya adygov Severo-Zapadnogo Kavkaza (konec XVIII – 60-e gg. XIX v.)* [Development of the socio-political system of the Circassians of the Northwest Caucasus (end of XVIII – 60s of the XIX century)]. Maikop. "Kachestvo" LLC. 2002. Pp. 110-111.

Ценностная представленность отдыха в английских и русских рекламных слоганах

Данная статья посвящена проблеме ценностной представленности отдыха в английских и русских рекламных слоганах. Рассматриваются основные подходы к определению и изучению рекламных слоганов. Предлагается сопоставительное исследование рекламных слоганов в английском и русском языках. Целью работы является определение сходств и различий в функционировании слоганов, репрезентирующих отдых, в исследуемых языках. Основными методами исследования послужили сопоставительный анализ, способствующий изучению заключенных в слоганах характеристик, а также метод сплошной выборки с интернет-сайтов. Установлено, что особенностью отдыха как путешествия в английском языке являются различные возможности путешествий, а в русском языке – указание точного места назначения. Результаты данного исследования стимулируют дальнейшие изыскания в этой сфере.

The paper is devoted to the issue of value representation in English and Russian advertising slogans. The basic approaches to advertising slogans definitions and studying are analyzed. It also describes a comparative research on advertising slogans in the Russian and English languages. The work deals with detection of similarities and distinctions in functioning of the slogans devoted to the verbalization of rest in the languages under study. The main methods of research are the comparative analysis which promotes studying the specific features comprised in slogans and continuous sampling method using English and Russian websites. This publication shows that the specific feature of rest as a journey in the English language is the occurrence of various means of travelling, while in Russian there is a certain destination. The results of research on value representation stimulate further researches in this sphere.

Ключевые слова: отдых, рекламный слоган, ценностная представленность, универсальная ценность, путешествие.

Keywords: rest, advertising slogan, value representation, universal value, travelling.

Слоганы пронизывают все сферы жизни человека. Они представлены во всех видах рекламы: в плакатах, газетах, телевидении, журналах. Слоган является одним из основных понятий рекламной отрасли. Существуют два подхода к раскрытию данного понятия. Слоган может рассматриваться как рекламный девиз или краткий лозунг, передающий легко запоминающееся рекламное сообщение [1]. Также лингвисты определяют слоган как краткую запоминающуюся фразу, которая в сжатом виде излагает рекламное предложение, связывает имя, легенду и достоинство товара [2]. По структуре слоганы подразделяют на четыре типа:

1. Связанные – включают названия продукта. Такой слоган неотделим от названия.
2. Прямые (подтип связанных) – в них происходит личное обращение к потенциальному потребителю.
3. Привязанные – соотносятся с названием ритмически и фонетически.
4. Свободные – они самодостаточны и независимы [3].

Наряду с данной классификацией выделяют рекламный слоган. Н. В. Жук, М. К. Тузова, Л. В. Ермакова делают акцент на том, что рекламный слоган – лаконичная, легко запоминающаяся фраза, выражающая суть рекламного сообщения, – представляет собой текст особого характера [4].

К. В. Шидо в своем диссертационном исследовании отмечает, что рекламный слоган представляется возможным подразделять по определенным параметрам, среди которых основным считается его принадлежность к той или иной «макроструктуре» – тематической группе, выделение которой обусловлено экстралингвистическими факторами [5]. Жанровые характеристики устанавливаются наличием наиболее распространенных языковых средств и фигур речи.

В представленной статье исследуется ценностный компонент лингвокультурного концепта «отдых» на материале рекламных слоганов, отобранных в рамках понимания отдыха как универ-

сальной ценности, так как он пронизывает собой все сферы общества в его материальном бытии и в общественном сознании.

Как в английских, так и в русских слоганах встречается представление об отдыхе как путешествии. Например:

Land Cruises, cruise company

Relaxed and informal cruising (Спокойный и непринужденный круиз) [6].

Bakersfield RV Travel Park

Relax in the sunshine of the west (Отдохните в солнечных лучах Запада) [7].

Senators Physiotherapy & Massage Clinic in Ottawa

Recover. Strengthen. Fly. (Выздоровливай. Восстанавливай силы. Летай) [8].

Recovery is a journey... not a destination (Выздоровление – это путешествие, а не конечная остановка) [9].

Тропико-тур. Жизнь в розовом цвете [10].

Тысяча и одна ночь... Встречи, друзья, соблазн, незабываемые моменты, движения тел, ритм, праздник, танцы, музыка, развлечения... Без остановки. (Испания) [11].

Особенность репрезентации отдыха как путешествия проявляется в английских слоганах в виде перечисления возможностей путешествий: это и необычный круиз, и полет на самолете, и путешествие на запад, там, где много солнца. А в русских слоганах встречается в большей степени конкретика. Это тоже путешествие в теплые страны. Но называются тропические страны, Испания.

В английских и русских слоганах в одинаковой мере подчеркивается важность хорошо организованного отдыха. Например:

Pure Performance, massage therapy in Vancouver We can help you recover and perform better (Мы поможем вам восстановить силы и показывать более хорошие результаты) [12].

Для хорошего отдыха нужна хорошая компания [13].

Отдыхайте там, где вас любят [14].

Хорошо упакованный отдых [15].

Коснемся подробнее различий репрезентации отдыха в английских и русских слоганах. В слоганах на английском языке подчеркивается необходимость хорошего ночного отдыха в отеле. Например:

Sakura Hostel in Tokyo More than just a place to sleep! (Больше, чем просто место для отдыха) [16].

Отмечается и восприятие отдыха как восполнение сил для сохранения здоровья:

Harmony, mobile massage therapy practice in Whistler We bring health & relaxation to you (Улучшим здоровье и обеспечим отдых) [17].

Prince Edward Island Massage Therapy Association A step to better health (Шаг к улучшению здоровья) [18].

В английских слоганах отмечается возможность репрезентации отдыха как приятного времяпровождения, связанного с игрой. Например:

A Mars a day helps you work, rest and play (Игра или дело – ешь «Марс» смело) [19].

К числу отличий в английском языке можно отнести представленность в слоганах отдыха как праздника, а конкретнее Рождества.

Christmas is the season of peace and goodwill until you go shopping and get the bill!

These days they say that Christmas is just for children. So be children and enjoy (Рождество – это время спокойствия и доброжелательности пока вы не пошли за покупками и не получили счет) [20].

At the close of another year, we gratefully pause to wish you a warm and happy Holiday Season. (В конце очередного года мы благодарно приостанавливаемся пожелать хороших и счастливых рождественских праздников) [21].

Специфика русских слоганов состоит в том, что в них отдых соотносится с перерывом, связанным с принятием пищи.

Не тормози – сникерсни! [22]

Сделай паузу – скушай Twix [23].

В русских слоганах пропагандируется предусмотрительность планирования летнего отпуска.

Сани можете готовить и летом, а вот летний отпуск – только зимой [24].

Особенностью русских слоганов является репрезентация отдыха именно не в одиночку, а в хорошей компании. Например:

Для хорошего отдыха нужна хорошая компания [25].

Таким образом, в слоганах на сопоставляемых языках встретилась следующая репрезентация отдыха:

- Отдых – это путешествие (в теплые страны).
- Отдых должен быть хорошо организован.
- В английских слоганах отмечается такая специфика представления об отдыхе, как:
- Во время отдыха нужен хороший сон в соответствующих условиях отеля.
- Отдых – это восполнение затраченных сил, он необходим для здоровья.
- Отдых – это игра.
- Отдых бывает по праздникам.
- В русских слоганах представление об отдыхе проявляет свою специфику в следующем:
- Отдых как отпуск должен быть заранее спланирован.
- Отдых – это передышка, когда можно перекусить.
- Для хорошего отдыха нужна хорошая компания.

Примечания

1. Жук Н. В. Актуальность рекламного слогана и проблемы его перевода / Н. В. Жук, М. К. Тузова, Л. В. Ермакова // Филологические науки в России и за рубежом: материалы II междунар. науч. конф. (г. Санкт-Петербург, ноябрь 2013 г.). СПб.: Реноме, 2013. С. 91–95; Асеева Е. Н., Асеев П. В. Организация рекламной кампании / Эксперт. бюро "Strix". М.: ПРИОР, 1997. 111 с.; Белоусова Н. П. Основные характеристики слогана как субжанра современного российского рекламного дискурса: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Самара, 2006. 16 с.
2. Сафарли К. В. Типологические характеристики рекламного слогана как особого жанра рекламного текста / К. В. Сафарли, К. К. Тененбаум // Молодежь и наука: сб. материалов IX Всерос. науч.-техн. конф. студ., аспирантов и молодых ученых с междунар. участием, посвященной 385-летию со дня основания г. Красноярска. Красноярск: Сибир. федер. ун-т, 2013. URL: <http://conf.sfu-kras.ru/sites/mn2013/section082.html>. (дата обращения: 19.11.2016); Слободянюк Э. П. Настольная книга копирайтера. М.: Вершина. 2008. 256 с.
3. Жук Н. В. Указ. соч.
4. Там же.
5. Шидо К. В. Рекламный слоган как особый жанр английских рекламных текстов: дис. ... канд. фил. наук. Саратов, 2002. 242 с.
6. URL: <http://www.textart.ru/advertising/slogans/tourism-travel/cruises.html> (дата обращения: 14.11.2016).
7. URL: <http://www.textart.ru/advertising/slogans/campings2.html> (дата обращения: 27.11.2016).
8. URL: <http://www.textart.ru/advertising/slogans/massage3.html> (дата обращения: 27.11.2016).
9. URL: <http://www.12step.org/references/commonly-used/recovery-slogans/> (дата обращения: 27.11.2016).
10. URL: <http://www.textart.ru/baza/slogan/turizm.html> (дата обращения: 27.11.2016).
11. URL: <http://evartist.narod.ru/text11/58.htm> (дата обращения: 27.11.2016).
12. URL: <http://www.textart.ru/advertising/slogans/massage3.html> (дата обращения: 27.11.2016).
13. URL: <http://wm-help.net/lib/b/book/3008770900/72> (дата обращения: 27.11.2016).
14. Там же (дата обращения: 27.11.2016).
15. URL: <http://www.textart.ru/baza/slogan/turizm.html> (дата обращения: 27.11.2016).
16. URL: <http://www.textart.ru/advertising/slogans/hostels.html> (дата обращения: 27.11.2016).
17. URL: <http://www.textart.ru/advertising/slogans/massage2.html> (дата обращения: 27.11.2016).
18. URL: <http://www.textart.ru/advertising/slogans/massage3.html> (дата обращения: 27.11.2016).
19. URL: <http://marketingfaq.net/advertising-2/famous-advertising-slogans-time/> (дата обращения: 15.03.2017).
20. URL: <http://www.thinkslogans.com/slogans/holiday-slogans/page/2/> (дата обращения: 15.03.2017).
21. URL: <http://brandongaille.com/41-clever-catchy-holiday-marketing-slogans/> (дата обращения: 15.03.2017).
22. URL: <https://newsland.com/user/4297693453/content/legendarnye-reklamnye-slogany/4219689> (дата обращения: 15.03.2017).
23. URL: <https://newsland.com/user/4297693453/content/legendarnye-reklamnye-slogany/4219689> (дата обращения: 15.03.2017).
24. URL: <http://vebavtor.ru/tekst-reklamy-turagentstva/> (дата обращения: 27.11.2016).
25. URL: <http://wm-help.net/lib/b/book/3008770900/72> (дата обращения: 15.03.2017).

Notes

1. Zhuk N. V. Aktual'nost' reklamnogo slogana i problemy ego perevoda [The Relevance of an advertising slogan and its translation] / N. V. Zhuk, M. K. Tuzov, L. V. Ermakova // *Filologicheskie nauki v Rossii i za rubezhom: materialy II mezhdunar. nauch. Konf.* – Philological Sciences in Russia and abroad: materials of the II Intern. scientific conf. (Saint-Petersburg, November 2013). Spb. Renome. 2013. Pp. 91–95; Aseeva E. N., Aseev P. V. *Organizatsiya reklamnoj kampanii* [Advertising campaign organization] / Expert. bureau "Strix". M. PRIOR. 1997. 111 p.; Belousova N. P. *Osnovnye harakteristiki slogana kak subzhanra sovremennogo rossijskogo reklamnogo diskursa: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Basic characteristics of a slogan as a subgenre of modern Russian advertising discourse. dis. cand. philol. sciences]. Samara. 2006. 16 p.

2. Safarli K. V. *Tipologicheskie harakteristiki reklamnogo slogana kak osobogo zhanra reklamnogo teksta* [Typological features of an advertising slogan as a special genre of text ads] / K. V. Safarli, K. K. Tenenbaum // *Molodezh' i nauka: sb. materialov IX Vseros. nauch.-tekhn. konf. stud., aspirantov i molodyh uchenykh s mezhdunar. uchastiem, posvyashchennoj 385-letiyu so dnya osnovaniya g. Krasnoyarska* – Youth and science: coll. of materials of IX all-Russia scientific.-tech. Conf. of stud., graduate students and young scientists with international participation, devoted to the 385 anniversary of the founding of the city of Krasnoyarsk. Krasnoyarsk. Siberia Feder. University. 2013. Available at: <http://conf.sfu-kras.ru/sites/mn2013/section082.html> (date accessed: 19.11.2016); *Slobodyanyuk E.H. P. Nas-tol'naya kniga kopirajtera* [Handbook of copywriter]. M. Vershina. 2008. 256 p.
3. Beetle N. V. Op. cit.
4. Ibid.
5. *SHido K. V. Reklamnyj slogan kak oso-byj zhanr anglijskih reklamnyh tekstov: dis. ... kand. fil. nauk.* [Advertising slogan as a specific genre of English advertising texts: diss. cand. phil. sciences]. Saratov. 2002. 242 p.
6. Available at: <http://www.textart.ru/advertising/slogans/tourism-travel/cruises.html> (date accessed: 14.11.2016).
7. Available at: <http://www.textart.ru/advertising/slogans/campings2.html> (date accessed: 27.11.2016).
8. Available at: <http://www.textart.ru/advertising/slogans/massage3.html> (date accessed: 27.11.2016).
9. Available at: <http://www.12step.org/references/commonly-used/recovery-slogans/> (accessed: 27.11.2016).
10. Available at: <http://www.textart.ru/baza/slogan/turizm.html> (date accessed: 27.11.2016).
11. Available at: <http://evartist.narod.ru/text11/58.htm> (date accessed: 27.11.2016).
12. Available at: <http://www.textart.ru/advertising/slogans/massage3.html> (date accessed: 27.11.2016).
13. Available at: <http://wm-help.net/lib/b/book/3008770900/72> (date accessed: 27.11.2016).
14. Ibid. (accessed: 27.11.2016).
15. Available at: <http://www.textart.ru/baza/slogan/turizm.html> (date accessed: 27.11.2016).
16. Available at: <http://www.textart.ru/advertising/slogans/hostels.html> (date accessed: 27.11.2016).
17. Available at: <http://www.textart.ru/advertising/slogans/massage2.html> (date accessed: 27.11.2016).
18. Available at: <http://www.textart.ru/advertising/slogans/massage3.html> (date accessed: 27.11.2016).
19. Available at: <http://marketingfaq.net/advertising-2/famous-advertising-slogans-time/> (accessed: 15.03.2017).
20. Available at: <http://www.thinkslogans.com/slogans/holiday-slogans/page/2/> (accessed: 15.03.2017).
21. Available at: <http://brandongaille.com/41-clever-catchy-holiday-marketing-slogans/> (accessed: 15.03.2017).
22. Available at: <https://newsland.com/user/4297693453/content/legendarnye-reklamnye-slogany/4219689> (date accessed: 15.03.2017).
23. Available at: <https://newsland.com/user/4297693453/content/legendarnye-reklamnye-slogany/4219689> (date accessed: 15.03.2017).
24. Available at: <http://vebavtor.ru/tekst-reklamy-turagentstva/> (accessed: 27.11.2016).
25. Available at: <http://wm-help.net/lib/b/book/3008770900/72> (date accessed: 15.03.2017).

УДК 811.111

А. А. Червяков

Прокатный девиз кинофильма как прагмаязыковое явление

Реклама является неотъемлемой частью жизни современного человека. Один из особых видов рекламного текста – прокатный девиз кинофильма. Предметом статьи является прокатный девиз (ПД) как лингвокультурное явление, его формальные, синтаксические и прагматические особенности. В качестве материала исследования использованы примеры ПД современных англоязычных фильмов. Статья посвящена таким аспектам, как роль киноиндустрии в современном мире, понятие ПД, теория и практика копирайтинга, общая типология слоганов и технология их написания, место и роль ПД в процессе кинопроизводства. Также рассматриваются синтаксис и прагматика ПД, классификация предложений, теория речевых актов, структурная и прагматическая классификация ПД кинофильмов. В заключение формулируются основные выводы и обобщаются принципы использования слоганов в современном информационном пространстве.

Advertising is an integral part of a modern human's life. Movie tagline (MT) is a special type of ad texts. The subject of the article is movie tagline as a linguistic and cultural phenomenon, its formal, syntactic and pragmatic features. The research deals with MTs of modern English movies. The article discusses the role of moviemaking in the contemporary world, MT definition, theory and practice of copywriting, typology of MTs, technology of their creation, MT place and role in the moviemaking process. MT syntax, pragmatics, sentence classification, speech acts theory, MT structural and synthetic classifications are also observed. In conclusion basic principles of MT usage are presented.

Ключевые слова: прокатный девиз (слоган), кинопроизводство, части речи, синтаксис, прагматика.

Keywords: movie tagline, moviemaking, parts of speech, syntax, pragmatics.

В настоящее время реклама является неотъемлемой частью жизни человека и оказывает существенное влияние на развитие языка и речевой деятельности. Одним из видов рекламного текста является прокатный девиз (ПД), или слоган кинофильма (movie tagline) – фраза, отражающая главный посыл, идею авторов фильма. Это первая языковая конструкция, связанная с кинофильмом, с которой сталкивается потенциальный кинозритель. ПД способствуют созданию четкого образа о продукте (кинофильме) и создают эффект узнавания предлагаемого продукта.

В задачи данной статьи входит: 1) определить понятие «прокатный девиз», 2) рассмотреть место ПД в процессе кинопроизводства, 3) проанализировать типологию англоязычных ПД на основе классификаций предложений. В качестве материала исследования использованы примеры слоганов оригинальных англоязычных фильмов за период с 1990 по 2017 г.

Информация о выходе кинофильма на экраны сообщается в Интернете, на телевидении, на радио, в журналах, афишах. Чтобы привлечь внимание целевой аудитории, стимулировать продажи кинопродукта, практически каждый фильм снабжается прокатным девизом – слоганом. ПД кинофильма выполняет следующие функции: 1) привлечение внимания аудитории к кинофильму, 2) формирование определенного образа, связанного с кинофильмом, 3) обеспечение запоминания основного послания, идеи, содержащейся в кинофильме. Также иногда выделяются такие функции, как формирование потребности, информирование потребителя [1].

При создании ПД учитываются фонетический, ритмический, лексический, фразеологический, синтаксический аспекты [2]. С лингвистических позиций прокатный девиз никогда ранее не исследовался подробно, что составляет научную новизну данной статьи.

Работа над ПД происходит поэтапно по следующему плану: 1) получение технического задания и общей информации о товаре или услуге, 2) изучение маркетинговой информации, 3) разработка идеи и поиск образов, 4) составление активного словаря и выбор художественных приемов. Слова, выбираемые для активного словаря, составляют так называемое семантическое поле рекламируемого объекта, по своей структуре схожее с ассоциативным полем. К каждому слову, обозначающему значимую рекламную единицу, подбираются синонимы, антонимы, однокоренные слова из других частей речи, формы множественного числа, 5) написание собственно прокатных девизов, записываются все варианты ПД, которые приходят в голову, 6) обработка ПД. После того как рабочие варианты ПД созданы, их нужно обработать: убрать лишнее, добиться максимальной выразительности при минимальном количестве слов. Творческий процесс завершается выбором лучшего ПД для представления заказчику.

Критериями эффективного ПД являются запоминаемость, практичность и связность с характеристиками продукта, объективные качества и функции, уникальность, и в то же время отличие от других характеристик продвигаемого продукта (кинофильма).

Удачный ПД часто превращается в независимое рекламное сообщение и начинает жить самостоятельной жизнью. Такой ПД может стать цитатой, войти в повседневную речь, стать мемом и при этом сохранить связь с объектом рекламы. Такой ПД представляет собой настоящую маркетинговую ценность.

Рассмотрим типологию ПД исходя из трех критериев: формально-частеречного, функционально-синтаксического и прагматического. Примеры ПД приводятся в статье в следующем формате: Название фильма (Год выхода в прокат): *Прокатный девиз*.

Формально-частеречная классификация ПД

Как указывается в Лингвистическом энциклопедическом словаре, «части речи – классы слов языка, выделяемые на основании общности их синтаксических, морфологических и семантических свойств» [3]. На основе частеречной классификации можно выделить четыре основных типа ПД:

1) именные (48% случаев, 82 ПД из рассмотренных 170): *The Fight Club* (1999): *Mischief. Mayhem. Soap*. [Noun. Noun. Noun]. *Inception* (2010): *Your mind is the scene of the crime*. [Possessive pronoun + noun + link verb + article + noun + preposition + article + noun]. *Schindler's List* (1993): *The List Is Life* [Article + noun + link verb + noun];

2) глагольные (35%, 60 ПД): *Vanilla Sky* (2001): *Forget everything you know, and open your eyes*. – [Verb + pronoun + pronoun + verb + conjunctive + verb + pronoun + noun]. *The Butterfly Effect* (2004): *Change one thing, change everything*. [Verb + numeral + noun + verb + defining pronoun];

3) адъективные (13%, 22 ПД): *Foxcatcher* (2014): *Based on the shocking true story*. [Participle II + preposition + article + adjective + adjective + noun]. *Interstellar* (2014): *Mankind's next step will be our greatest*. [Noun + adjective + noun + verb + pronoun + adjective];

4) адвербиальные (4%, 7 ПД): *The Dark Knight* (2008): *Why So Serious?* [question adverb + adverb + adjective].

Функционально-синтаксическая классификация ПД

По Л. С. Бархударову, предложение – это минимальная синтаксическая конструкция, используемая в актах речевой коммуникации, характеризующаяся предикативностью и реализующая определённую структурную схему. Функциональные признаки предложений складываются из их коммуникативной направленности и зависящей от этого интонации и пунктуации. По функции (цели высказывания) предложения делятся на 1) повествовательные, 2) вопросительные, 3) побудительные и 4) восклицательные [4].

1. **ПД-повествовательные** (71% случаев, 121 рассмотренный ПД) предложения заключают в себе сообщение о каком-либо факте действительности, явлении, событии и т. д. (утверждаемом или отрицаемом). Повествовательные предложения – наиболее распространенный тип ПД, они очень разнообразны по своему содержанию и структуре и отличаются относительной законченностью мысли. *Nightcrawler* (2014): *The City Shines Brightest at Night*.

2. **ПД-вопросительные** (12%, 20 ПД) предложения, имеют своей целью побудить собеседника высказать мысль, интересующую говорящего, т. е. цель их познавательная. *The Dark Knight* (2008): *Why so serious?*

3. **ПД-побудительные** (14%, 24 ПД) предложения, выражают волеизъявление говорящего, их цель – побуждение к действию или прекращению действия. *The Judge* (2014): *Defend your Honor*.

4. **ПД-восклицательные** (3%, 5 ПД) предложения эмоционально окрашены, что передается специальной восклицательной интонацией. Впрочем, эмоциональную окраску могут иметь различные типы предложений: и повествовательные, и вопросительные, и побудительные. *The Truman Show* (1998): *We like to watch!*

Структурная характеристика предложений строится на основе учета признаков, указывающих на строение предложений. Так, предложения могут быть простыми и сложными, в зависимости от количества предикативных единиц – одной или нескольких.

Прагматическая классификация ПД

Теория речевых актов возникла и сформировалась в рамках лингвистической философии Дж. Остина. Обратив внимание на совершенно конкретное явление, которое он назвал перформативным высказыванием, Дж. Остин выделил свойство перформативности и далее обобщил его для всех высказываний. Он рассмотрел понятие речевого акта и разложил его на три сущности: локутивный, иллокутивный и перлокутивный акты. Дж. Остин построил классификацию речевых актов, в основу которой легло понятие интенции (коммуникативного намерения).

В результате такой процедуры Дж. Остин выделил пять классов речевых конструкций. Он назвал их: *вердиктивы*; *экзерситивы*; *комиссивы*; *бехабитивы*; *экспозитивы*. В дальнейшем, Дж. Сёрл выделил пять основных типов речевых актов: репрезентативы, директивы, комиссивы, экспрессивы и декларативы, на эту классификацию мы опираемся при анализе ПД [5].

1. Цель **ПД-репрезентативов** (12% случаев, 20 рассмотренных ПД) состоит в том, чтобы зафиксировать ответственность говорящего за сообщение о некотором положении дел, т. е. за истинность выражаемого суждения. Выражаемое ими психологическое состояние – убежденность, уверенность в сообщаемом. *The Tourist* (2010): *It all started when he met a woman*.

2. **ПД-директивы** (16%, 27 ПД) служат для того, чтобы добиться совершения чего-либо от слушающего. Для них характерно приспособление реальности к словам, а выражаемое психологическое состояние – желание. Их пропозициональное содержание состоит в том, что слушающий совершит в будущем некое действие. *Inside I'm Dancing* (2006): *Live life like you mean it*.

3. Цель **ПД-комиссивов** (2%, 3 ПД) – возложение на говорящего обязательства совершить какое-то действие или же следовать определенной линии поведения. Для комиссивов характерно приспособление реальности к словам, а выражаемое психологическое состояние – намерение, желание, возможность. *Dallas Buyers Club* (2013): *Dare to Live*.

4. **ПД-экспрессив** (3%, 5 ПД) подразумевает выражение психологического состояния относительно положения дел, которое определено пропозицией. Сюда относятся благодарности, поздравления, извинения и т. д. *Filth* (2013): *This Little Piggy went to town!*

Цель **ПД-декларативов** (67%, 114 ПД) – установление соответствия между пропозициональным содержанием и реальностью. Им не соответствует никакое психологическое состояние, зато для них характерны оба направления приспособления. *Pulp Fiction* (1994): *I don't smile for pictures*.

Выводы

Прокатный девиз (слоган, movie tagline) кинофильма определяется как самостоятельное рекламное сообщение, короткая фраза, которая отражает главный посыл, идею фильма. ПД необходим для привлечения внимания широкой аудитории и стимулирования продаж кинопродукта. ПД создается на раннем этапе кинопроизводства и считается неотъемлемой частью в построении рекламной кампании кинофильма.

Одной из задач ПД кинофильма является воздействие на аудиторию, формирование определенного образа, идеи, объекта, связанного с кинофильмом. Поэтому ключевая роль в данном виде текста принадлежит существительному. В ходе частеречного анализа было выявлено, что существительные, а также местоимения часто используются в ПД, чтобы воздействовать на сознание человека через понятия, создающие в сознании кинозрителя яркий образ, или картину, что привлекает внимание к продукту. Часто встречающиеся местоимения 1-го и 2-го лица (11 и 31% случаев соответственно, 19 и 53 из 170 рассмотренных примеров) помогают создать эффект непосредственного присутствия потенциального зрителя в кинофильме. Также одной из главных особенностей ПД кинофильма является их краткость. ПД должен быть лаконичным, что способствует легкому запоминанию и восприятию. Поэтому в 65% примеров ПД представляет собой номинативную конструкцию.

В качестве ПД в 37% случаев (63 рассмотренных примера) используются простые повествовательные неполные предложения. Они побуждают кинозрителя посмотреть, представить себя на месте героев, применить сюжет к самому себе. С позиции прагматического анализа среди ПД чаще встречаются директивы (16%, 27 ПД) и декларативы (67%, 114 ПД). Директивы побуждают зрителя к воображаемым действиям (посмотреть именно этот фильм), декларативы позволяют представить себя на месте героя в контексте сюжета кинофильма, тем самым способствуя его популярности у целевой аудитории.

Примечания

1. Уэллс У., Бернет Д., Мориарти С. Реклама: принципы и практика / пер. с англ. СПб.: Питер, 1999. С. 276.
2. Слободянюк Э. П. Клад для копирайтера. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2014. С. 49.
3. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. 2-е изд., доп. М.: Большая Рос. энцикл., 2002. 709 с.
4. Бархударов Л. С. Структура простого предложения современного английского языка. М.: Высш. шк., 1966. 200 с.
5. Остин Дж. Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17: Теория речевых актов. М.: Прогресс, 1986. С. 22–129.

Notes

1. Uehlls U., Bernet D., Moriarti S. *Reklama: principy i praktika* [Advertising: principles and practice] / transl from English. SPb. Piter. 1999. P. 276.
2. Slobodyanyuk E.H. P. *Klad dlya kopirajtera* [Treasure for the copywriter]. M. Mann, Ivanov and Ferber. 2014. P. 49.
3. *Lingvisticheskiy ehnciklopedicheskiy slovar'* – Linguistic encyclopedic dictionary / chief editor V. N. Yartseva. 2nd publ, add. M. Great Rus. Encyclopaedia. 2002. 709 p.
4. Barhudarov L. S. *Struktura prostogo predlozheniya sovremennogo anglijskogo yazyka* [Structure of simple sentences of modern English]. M. Vyssh. shk. 1966. 200 p.
5. Ostin Dzh. *Slovo kak dejstvie* [Word as action] // *Novoe v zarubezhnoj lingvistike. Vyp. 17: Teoriya rechevyh aktov* – New in foreign linguistics. Vol 17: the Theory of speech acts. M. Progress. 1986. Pp. 22-129.

УДК 81.37

О. А. Кознова

Когнитивная природа внутренней формы в фокусе проблем фразеосемантики

В работе предпринимается попытка с когнитивно-семасиологической точки зрения раскрыть сущность внутренней формы знаков косвенно-производной номинации. Обосновывается лингвокогнитивный статус рассматриваемой категории, являющейся когнитивной основой формирования фразеологического значения и его речевой реализации. Внутренняя форма рассматривается как пограничный элемент когнитивной и языковой семантики, поскольку она вычленяется во фраземе благодаря способности говорящего

осознавать связь звучания и значения; также исследуемая категория является средством выражения во фраземе её мотивированности.

Анализ языкового материала позволяет говорить о том, что внутренняя форма представляет собой материально-идеальный компонент фраземы. Одной из ведущих когнитивных функций данной категории определяется способность к мотивации фразеологического значения.

Внутренняя форма не определяет целиком значение фраземы, так как для исследуемой категории содержание несущественно, ведь она является, прежде всего, формой и отношением и не претендует на завершающую роль в процессе формирования значения знаков косвенно-производной номинации.

In this work we attempt to take point of the inner form of the signs of the indirect-derivative nomination from the cognitive-semasiological point of view. The linguistic and cognitive status of the inner form, which is the cognitive basis for the formation of phraseological meanings and its language realization is substantiated.

The internal form is considered as a boundary element of cognitive and linguistic semantics, because it is isolated in the phraseme due to the ability of the speaker to realize the connection between sound and meaning; Also the category under study is a means of expression in the phraseme of its motivation.

Analysis of linguistic material allows us to say that the inner form is a material-ideal component of the phraseme. One of the leading cognitive functions of this category is the ability to motivate phraseological meaning.

The inner form does not determine the whole meaning of the phrase, since the content is not essential for the category under study, because it is primarily a form and attitude and does not pretend to be the final role in the process of forming the meaning of the symbols of indirectly-derived nomination.

Ключевые слова: фразема, внутренняя форма, вторичная номинация, мотивированность, образ, сенсорно-перцептивное восприятие, когниция.

Keywords: phraseme, inner form of the word, secondary nomination, motivation, image, sensory-perceptual perception, cognition.

Фраземы являются результатом вторичного знакообразования, в процессе которого «предмет мысли, с одной стороны, эксплицирует замысел, а с другой – соотносится с первичным знакообозначением когнитивной единицы, которая составляет предмет мысли, но уже в новой коммуникативно-прагматической ситуации» [1]. Иными словами, вторичный семиозис ищет наиболее удачную форму воздействия на реципиента, но поиски этой формы основаны на знаках первичной номинации. Вот здесь внутренняя форма фраземы (далее – ВФ) актуализируется, выступая связующим звеном между значением знака вторичной номинации и значением его производящего. Например, фразема *до (самых) печёнок* имеет два значения: 1) 'очень сильно, до самого нутра, до предела (подействовать на кого-либо)'; 2) 'во всех подробностях, деталях' [2]. Ср.: *Что это у вас за махорка, Игнатьев? Дайте-ка мне попробовать. «Вырви глаз», небось? Продирает до печёнок? – подал голос Веснин* [3]. В данном случае представлена ситуация, когда некто оценивает качества табака, который «продирает до печёнок», – это значит, что махорка очень крепкая. Процесс косвенно-производной номинации данной единицы базируется на денотативной ситуации, которая может быть представлена ощущением боли в области постоянно беспокоящей, воспалённой печени. Из приведённого контекста становится понятно, что табак настолько крепкий, что при вдыхании его запаха эффект ощущается почти во всём организме, то есть его действие настолько сильно, что достигает предела, нутра, больше быть не может. Эта ситуация в контурном виде предопределяет характер и основные направления формирования семантической структуры фраземы и её понимания участниками коммуникации.

Сознанием носителей языка воспроизводится генетический образ, передающий ощущения от очень неприятных, пронизывающих «до нутра», до предела, иными словами, до внутренних органов болей в области печени, которые беспокоят человека. Этот образ мотивирует значение анализируемой фраземы, а образ, в свою очередь, мотивируется признаком, составляющим ВФ, – «настолько сильно, что ощущается в печёнке». Второе значение полисемантической фраземы *до (самых) печёнок* – 'во всех подробностях, деталях' мотивировано признаком «настолько тщательно, подробно, что доходит до печёнки». Анализируемая фразема в этом случае номинирует фрагмент реальной действительности, когда кто-либо во всех деталях, предельно подробно знал характер какого-то человека. Таким образом, в языковом сознании возникают близкие устойчивые ассоциации при восприятии конкретной фраземы в нескольких её значениях, что позволяет выделить хотя и близкие, но всё же разные внутренние формы для всех фразеосемантических вариантов. Из этого можно заключить, что именно динамизм ВФ послужил базой для формирования двух значений полисемантической фраземы. Однако этого мало для понимания когнитивного механизма образования фразеологического значения посредством ВФ, так как мы видим только

конечный результат: сформировавшееся фразеологическое значение, а нас интересуют этапы зарождения фразеологического значения от ВФ до развившейся фраземы.

Специфика ВФ фразем напрямую зависит от соотношения семантики фраземообразующих компонентов с обобщённо-целостным значением соответствующей единицы.

Помимо того, статус ВФ как когнитивной основы, на которой развивается фразеологическое значение, не отменяет её первичной мотивационной функции, поскольку мотивированность является одним из важных свойств фраземы, а ВФ – средством выражения этого свойства, то есть ВФ знаков вторичной номинации – это средство выражения мотивированности фраземы. Можно сказать, что исследуемая категория как бы накапливает, аккумулирует в себе мотивационные отношения фраземы. Называя мотивированный признак обозначаемого, ВФ отражает признак номинации. Это ещё раз подчёркивает когнитивный характер внутренней формы и её роль в формировании фразеологического значения.

Изучение ВФ как способа соотношения фраземики и сознания позволяет говорить об их конструктивном и лингвокреативном единстве. При этом единство знаков косвенно-производной номинации (фразем) и лингвокреативного мышления должно пониматься не как более или менее внешняя связь двух самостоятельных сущностей, а как связь двух аспектов единого в своей основе образования язык – мышление. Можно утверждать, что фраземы через свои ВФ выступают не только в качестве эмотивно-экспрессивного средства общения людей, они также являются элементом языкового сознания.

Выделяемые исследователями этапы фразеосемиозиса позволяют определить механизм психического отражения, без которого невозможно формирование языковых знаков, и в частности знаков косвенно-производной номинации, к числу которых относятся фраземы. Возникающие сенсорно-перцептивные явления являются непосредственным отражением воздействующих на языковое сознание объектов (их оптических, акустических и иных качеств). Взаимодействие органов чувств с этими объектами является первым условием возникновения и развития сенсорно-перцептивного восприятия и осмысления предмета косвенно-производной номинации. На данном этапе познавательной деятельности главной единицей восприятия, фиксируемой сознанием носителя языка, является перцептивный образ, включающий наиболее ситуативно значимые признаки, необходимые для возникновения ВФ фраземы.

При переходе от ощущений и восприятий к уровню представлений образной составляющей ВФ фраземы смысловое содержание, подлежащее фразеологической номинации, сжимается. В представлении отражаются наиболее яркие свойства денотативной номинации, формируя некий собирательный образ. На этом этапе оформляется ВФ фраземы. Её когнитивным основанием являются универсально-предметный код и предметный остов.

Третий уровень лингвокреативного формирования ВФ фразем – понятийное мышление (речемыслительный уровень). Эта заключительная фаза формирования ВФ фраземы является высшим этапом когниции. На данном уровне отражаются коммуникативно-значимые для носителя русского языка связи и отношения между явлениями номинируемой действительности. Именно на этом этапе происходит формирование словесного образа, окончательного облика анализируемой фраземы при непосредственном участии ВФ. Лингвокреативное порождение фразем не может обойтись одними личностными представлениями, поэтому к индивидуальному опыту подключается опыт, накопленный социумом.

Фразеологическое значение как особая семантическая категория обладает отличительными свойствами, обусловленными характером его формирования и развития под непосредственным влиянием его ВФ. Эти свойства вместе со способами их выражения представляют определённые аспекты семантической структуры фразем. Одним из этих аспектов является ВФ знаков косвенно-производной номинации, которыми являются фраземы.

По утверждению А. М. Мелерович, своеобразие фразеологического значения тесным образом связано с характером его ВФ [4]. В связи с этим важно выяснить, как ВФ взаимодействует с фразеологическим значением.

ВФ языкового знака может быть рассмотрена с ономазиологической и семасиологической точек зрения, каждая из которых базируется на различных концепциях А. А. Потебни, сформировавшихся в разные периоды его деятельности. Сторонники первого подхода стремятся рассматривать данную категорию с позиций психологии. Суть такой позиции заключается в понимании ВФ языкового знака как представления о том или ином признаке, фиксирующем различия между предметами действительности или категориями сознания (ощущения, представления и т. д.) – источнике номинации.

Представители семасиологического подхода к осмыслению ВФ считают её преимущественно лингвистической категорией, но, конечно, не без учёта психологического аспекта. Такое

толкование ВФ языкового знака связано с понятием апперцепции, которое понимается как влияние предыдущих впечатлений на каждое конкретное восприятие: «При создании слова, а равно и в процессе речи и понимания, происходящем по одним законам с созданием, полученное уже впечатление подвергается новым изменениям, как бы вторично воспринимается, то есть апперципируется» [5]. А. А. Потебня поясняет, что апперципируемое может быть простейшим чувственным восприятием или одновременно данным, почти нераздельным рядом таких восприятий; апперципирующее может быть одним несложным по условиям чувством или немногими актами познавательной способности. Другими словами, апперцепция – везде, где «данное восприятие дополняется и объясняется наличным, хотя бы самым незначительным запасом других» [6].

Таким образом, принципиальными для определения роли ВФ в семантике фразем является то, что ВФ вычленяется во фраземе благодаря способности говорящего осознавать связь звучания и значения; также исследуемая категория является средством выражения во фраземе её мотивированности; ВФ представляет собой материально-идеальный компонент фраземы, и вычленение ВФ фраземы производится с опорой на показания языкового сознания носителей языка, отражённые в речевых произведениях [7]. Одной из ведущих когнитивных функций ВФ, таким образом, следует назвать способность к мотивации фразеологического значения.

Характерно, что ВФ не определяет целиком значение фраземы, так как для ВФ содержание несущественно, ведь она является, прежде всего, формой и отношением и не претендует на завершающую роль в процессе формирования значения знаков косвенно-производной номинации. В речи носителей языка ВФ не актуальна для восприятия фраземы, так как её функции выполняет узус, но на подсознательном уровне ВФ остаётся центром фразеологического значения. Трактовка ВФ как «центра образа» вслед за А. А. Потебней, приводит к пониманию того, что этот центр является той точкой, вокруг которой концентрируется смысловое содержание фраземы.

ВФ играет важную роль в когнитивном механизме формирования фразеологического значения. Она является пограничным элементом когнитивной и языковой семантики. Это даёт основания квалифицировать ВФ фразем как лингвокогнитивную категорию, так как она вычленяется в самой фраземе, но только на основе данных сознания носителей языка.

Примечания

1. Алефиренко Н. Ф. Современные проблемы науки о языке: учеб. пособие. М.: Наука, 2005. С. 74.
2. Фразеологический словарь русского литературного языка: в 2 т. / сост. А. И. Федоров. Новосибирск: Наука, 1995. Т. II: Н – Я. С. 89.
3. Бондарев Ю. В. Горячий снег: роман; Батальоны просят огня: повесть. М.: Информпечать, 2000. С. 98.
4. Мелерович А. М. Проблема семантического анализа фразеологических единиц современного русского языка: учеб. пособие по спецкурсу. Ярославль: ЯГПУ, 1979. С. 18.
5. Потебня А. А. Полное собрание трудов: Мысль и язык. М.: Лабиринт, 1999. С. 99.
6. Потебня А. А. Указ. соч. С. 102.
7. Юрина Е. А. К вопросу об интерпретации термина «языковой образ» в лексической семантике // Вестник Томского государственного ун-та. 2004. № 38. С. 15.

Notes

1. Alefirenko N. F. – Modern problems of the language science: textbook / N.F. Alefirenko. – M.: Nauka, 2005. 74 P.
2. Phraseological dictionary of Russian literary language: in 2 vol. / lexicographer A.I. Fedorov. – Novosibirsk: Nauka, 1995. – Vol. II. 89 P.
3. Bondarev Y. V. The hot snow: Novel; The Battalions Request Fire: Short novel. – M.: Informpechat, 2000. 98 P.
4. Melerovich A. M. Problem of semantic analysis of phraseological units of modern Russian language: Special course textbook / Yaroslavl: YSPU, 1979. 18 P.
5. Potebnja A. A. Complete collection of works: Thought and language. – M.: Labirint, 1999. 99 P.
6. Potebnja A. A. op.cit. P. 102.
7. Yurina E. A. On the interpretation of the term "language image" in lexical semantics // Tomsk State University Journal. – 2004. – № 38. 15 P.

Семантика и функционирование слова «особа» в русском языке

Работа посвящена анализу значений лексемы **особа** и особенностям её функционирования в русском литературном языке, и прежде всего – в языке современных федеральных газет. История семантики этого слова включает в себя и периоды развития (нач. XVIII в., XXI в.), и периоды «кризиса» (2-я пол. XVIII в. – кон XX в.). В первой половине XVIII в. происходят процессы семантического расширения значений данной лексемы, которая начинает использоваться не только для обозначения 'важного лица, особенного по значимости', но и 'всякой человеческой особи'. Однако ко 2-й пол. XVIII в. происходит сужение значения до первоначального, а затем и «ухудшение» семантики – слово **особа** начинает использоваться в иронических контекстах. Оба этих значения – 'важное лицо' и то же, но с пометой «в ироническом смысле», – сохраняются, по данным словарей, до конца XX в. Современная речевая практика свидетельствует об определённых процессах расширения значения данной лексемы и возвращения ей права быть языковой единицей с «нормальной» семантикой. В настоящее время слово **особа** употребляется, прежде всего, в двух значениях: 'важный, почтенный человек' и 'лицо женского пола'.

The article is devoted to the analysis of the meaning of the *person*'s token and the features of its functioning in the Russian literary language, and above all in the language of modern federal newspapers. The history of the semantics of this word includes the periods of development (the beginning of the 18th century, the 21st century), and the periods of the "crisis" (the second half of the 18th century–the end of the 20th century). In the first half of the XVIII century there are processes of semantic expansion of the values of this lexeme, which begins to be used not only to designate an 'important person of special significance', but also 'every human individual'. However, to the 2nd half of the XVIII century there is a narrowing of the value to the original, and then the "deterioration" of semantics – the word *person* begins to be used in ironic contexts. Both these meanings are an 'important person' and the same, but with a litter "in an ironic sense", are preserved according to the data of the dictionaries until the end of the 20th century. Modern speech practice testifies to certain processes of expanding the meaning of this lexeme and returning to it the right to be a linguistic unit with "normal" semantics. At present, the word "person" is used primarily in two senses: 'important, respectable person' and 'female person'.

Ключевые слова: семантика слова, лексико-семантические варианты, персональность, метасемия, расширение значения.

Keywords: word semantics, lexical-semantic variants, person, metasemie, meaning widening.

Для современной лингвистики, имеющей ярко выраженную антропоцентрическую направленность, одной из центральных является проблема интерпретации человека [1], построения его целостного образа [2]. Решение этой проблемы выдвигает на первый план изучение языковых фактов, связанных с человеком, его деятельностью и результатом деятельности. В том слое лексики, который описывает человека и используется для его номинации, заслуживает внимания группа слов, отражающих «автономность» человека с точки зрения противопоставленности обществу: лексемы **человек, индивид, индивидуальность, лицо, личность, персона, особа** [3], входящие в семантическое поле «персональность» концепта гипо-гиперонимической структуры ЧЕЛОВЕК. Все эти лексемы представляют интерес, поскольку участвовали в конституцировании семантического поля «персональность» с самого начала формирования его в русском языке, и в них нашли отражение исторические изменения понятия о человеке отдельно, эволюция представлений о социальной сущности человека и отношениях между ним и обществом. Как показали наши наблюдения [4], процессы, происходящие в российском обществе на рубеже XX–XXI вв., привели к изменению семантической структуры отдельных слов семантического поля «персональность», и мы предполагаем, что семантическая трансформация затронула все члены этой группы, в связи с чем возникает необходимость исследовать функционирование в современной речи каждой из этих языковых единиц.

В данной работе мы сосредоточим внимание на рассмотрении семантических трансформаций лексемы **особа** и функционировании её в современной публицистике.

Исследования, посвященные изучению слова и понятия **особа** в лингвистике, касаются отдельных аспектов изучения: этимологии и истории (В. В. Виноградов, А. В. Кокорев, Ю. С. Степанов, В. В. Колесов [5]) и функционирования в речи XX в. (Д. Вайс [6]), однако работ, в которых про-

слеживалась бы эволюция семантики данного слова, в лингвистике нет. Этот пробел мы попытаемся устранить, опираясь на данные исторических [7] и толковых [8] словарей русского языка. Отдельные этапы бытования слова **особа** в русском языке описываются нами с опорой на контексты, извлечённые посредством обращения к Национальному корпусу русского языка: 308 контекстов для XVIII в., 312 – XX в. Исследование современного словоупотребления лексемы **особа** осуществлялось на основе материала текстов, прежде всего, федеральных газет – 1016 примеров.

Выбор публицистики в качестве материала для исследования обусловлен тем фактом, что именно там семантические трансформации фиксируются с наибольшей быстротой.

Слово **особа** входит в литературный язык не ранее XIV в., о чём свидетельствуют отсутствие соответствующей словарной статьи в словаре древнерусского языка XI–XIV вв. и наблюдения А. В. Кокорева [9]. Этимология этого слова остаётся не до конца ясной [10]. В древнерусском языке существовало прилагательное «особьный», которое употреблялось в значении 'отдельный, обособленный' для обозначения и вещей, и лиц. Наречие «особь» имело применительно к человеку такие значения, как 'самостоятельно, сам по себе' и 'себе, для себя' [11]. Последнее, как отмечает В. В. Колесов, могло возникнуть при калькировании латинского сочетания *per se* (для себя), и таким образом послужить основой для сближения со словом **persona** [12], известном для древнерусского языка в качестве термина, обозначающего лицо, в памятниках права [13]. Однако вхождение в литературный язык слова **особа**, обозначающего отдельного человека, произошло, по данным В. В. Виноградова [14] и Словаря древнерусского языка XI–XVII вв., в XVI–XVII вв., поскольку до этого времени не было необходимости во введении отдельного слова, обозначающего отдельного человека [15]. В этот период слово **особа** употребляется для обозначения выдающегося, необыкновенного, сообразно своему положению, лица [16]. О том, что это слово не имело иных значений, может свидетельствовать тот факт, что в текстах лексема **особа** не имеет конкретизаторов, которые уточняли бы, что речь идёт именно о важном, исключительном человеке, а значит, люди того времени не испытывали нужды в дифференциации значений, поскольку слово не было многозначным. Ср.: *водле обычаю костела закону греческого приняла вызволение от князя Курпского з'малженства перед особами певными духовными* [17]. Отметим, что уже в это время слово «особа» употребляется в устойчивом сочетании «особой своей», имеющем значение «лично, сам». Ср., «...наилепей будет видети бо коли ваша милость сами **особами** своими у Минску ся положише» [18]. Как отмечают В. В. Виноградов и А. В. Кокорев [19], в этот период слово **особа** испытывает влияние слов **osoba** и **persona** [20], имевших хождение в польском языке.

В XVIII в., преимущественно в первой трети, происходит существенное и стремительное развитие семантики слова **особа**, которому (наряду со вторым членом синонимической пары – **персоной**) отводится роль обозначения человеческой особи. Так, сохраняя свои первоначальные значения, **особа** получает расширительное значение 'лицо, человек', а также становится синонимами для этого ЛСВ. Ср. в речи Петра I, В. К. Тредиаковского: *Разсуждая же дела, которыя в духовном Коллегиум имеют управлятися, оных всех два рода являются: первый род дел обще всея церкви, как духовному, так и мирскому чину, и всем великим и малым чиновным степеням, тако ж и рядовым особам нужных, где наблюдать подобает, аще все правильно по закону Христианскому деется* [21]. *Эпическая поэма намерилась с самого начала подавать нам наставления... Элегия – проливать слезы на гробе особ, заслуживших сожаление* [22]. Поскольку **особа** обладает уже по крайней мере двумя значениями, для их дифференциации в речи возникает необходимость в конкретизаторах: **особа** как 'выдающееся, важное лицо', «обрастает» прилагательными «важная», «царская», «духовная» и т. д., без которых в этом значении оно не употребляется; **особа** как 'всякое лицо' получает соответствующие конкретизаторы, уточняющие, что речь идёт о каждом человеке, человеке невысокого рода или чина.

В послепетровскую эпоху, в эпоху нормализации русского литературного языка, борьбы с заимствованиями и обращения к церковнославянской лексике, слово **особа** употребляется в литературном языке преимущественно в значении «важное лицо», в бытовой переписке, демократической литературе (Н. И. Новиков, А. Н. Радищев, И. А. Крылов). Слово **особа** ещё употребляется в значениях 'каждое лицо' и в иронических контекстах – 'важное лицо'. Ср., напр.: *Будто рассказывать дурачества разных особ не есть то же, что выставять их лица на осмеяние* [23].

Начиная с 40-х гг. XVIII в. слова **особа** и **персона** «снова начинают носить узкий характер, прилагаются к царям, вельможам, а затем они ветшают и приобретают ироническое значение» [24]. Так, значение слова **особа** 'привилегированный, знатный человек' «забирает» себе слово **лицо**, а потенциально возможное значение 'отдельного человека' отдаётся слову **личность**, которое ввел в литературный русский язык А. Кантемир [25]. Процесс «ухудшения», сужения семантики протекал неровно и продлился до конца XVIII в. Словарь русского языка XVIII в. и Сло-

варь академии российской дают и то и другое значения, не уточняя сферы их использования и особенностей употребления.

В XIX в., в период деятельности революционно-демократического движения в России, развития философской мысли, происходит переосмысление положения и роли отдельного человека в истории, государстве, обществе; слова, входящие в семантическое поле «персональность», наполняются новым общественно-политическим содержанием (см., напр., история слов *личность*, *индивидуальность* [26]), однако слово *особа* (как и *персона*) оказывается выключено из этого процесса. Как свидетельствуют данные словарей, у слова *особа* семантические процессы «затухают». Так, толковые словари (Ушаков, БАС), описывающие один период бытования слова, дают разные значения этого слова (таблица), однако единодушны в том, что слово *особа* приобретает значения 'фигура человека' с пометой «шутливое, в ироническом смысле», и 'о женщине, употребляется, когда говорящий не желает называть ее', не вошедшее в литературный язык.

Наблюдение за функционированием слова *особа* в языке 20–80-х гг. XX в. показывает, что, в целом, употребление данной лексемы соответствует зафиксированным словарями значениям, распределение которых в зависимости от частотности их употребления, однако, иное. На первом плане остаётся 'важное по социальному положению лицо', однако оно не используется практически в контекстах, реализующих ироническое обозначение лица, и в большинстве случаев употребляется для обозначения сановников, генералитета и высшей знати, в том числе императора, то есть реализует помету «устаревшее». Исключениями являются всего несколько контекстов. На второй план выходит оттенок значения 'человек, лицо, личность', 'лицо женского пола; женщина'. Значение 4 остаётся периферийным, а значения 3 и 5 не фиксируются [27].

Рассмотрим значения изучаемых лексем, которые даются современными толковыми словарями (таблица).

Значения слова *особа* в словарях современного русского языка

№		Ушаков	БАС	Ожегов	МАС	Шведова
1	Человек, лицо, личность		+		+	
*1	<i>Лицо женского пола; женщина</i>		+			
*2	<i>Важное лицо, персона</i>		+			
*3	<i>С существительным в род. п., обозначающим важное лицо, персону, для подчеркивания значительности этого лица</i>		+			
*4	<i>С притяж. местоим. мой, свой его и т. п. в качестве замены соответствующего личн. или возвратн. местоим. (часто с оттенком шутливой приподнятости)</i>		+		+	
2	Человек важный, почтенный по возрасту или положению в обществе (устар., теперь обычно ирон.).	+		+	+	+
*5	<i>Человек, неизвестный говорящему (обычно о людях из привилегированных классов общества; устар.)</i>	+				
3	чья. Фигура человека (шутл. ирон.). Тучная особа купца колыхалась	+	+			
4	с определением О женщине, употр., когда говорящий не желает называть ее (разг.)	+	+		+	
5	(фраз.) Своей (собственной) особой – лично, сам		+		+	

Как видно из таблицы, значения слова *особа* по-разному представлены в словарях. Ни в одном из словарей не фиксируются все пять значений и выделяется только одно значение, которое фиксировалось бы большинством словарей.

В четырёх словарях у слова *особа* выделяется одно значение, которое отмечается как «устаревшее» и «обычно ироническое». Ср.: «Человек важный, почтенный по возрасту или положению в обществе». В БАС оно представлено как смысловой оттенок значения 1 («Человек, лицо, личность»).

В трёх словарях (БАС, Ожегов, Ушаков) у слова *особа* фиксируется значение 4. Ср.: «О женщине, употребляется, когда говорящий не желает называть ее (разг.)».

Два словаря (БАС, МАС) фиксируют значение «Человек, лицо, личность», и такой его оттенок, как «С притяжательным местоимением *мой, свой, его* и т. п. в качестве замены соответствующего личного или возвратного, местоимения (часто с оттенком шутливой приподнятости)», а также фразеологизированное значение «*Своей (собственной) особой – лично, сам*».

В двух словарях (Ушаков, БАС) представлено значение 3 «Фигура человека (шутл. ирон.)».

Из таблицы видно, что основными для слова **особа** являются два значения (2 и 4), значения 1, 3, 5 – периферийными.

Теперь рассмотрим употребление слова **особа** в текстах федеральных газет.

I. Самым частотным является употребление слова **особа** в значении 'человек важный, почтенный по возрасту или положению в обществе' (489 примеров из 1 016, или 48,85%), при этом контексты, в которых это значение представлено как ироническое, минимальны (25 примеров – 2,5% от общего числа или 5% от слов в рассматриваемом значении). Ср.: – *А на коньках к вам еще не заезжали посетители? – интересуюсь у этой **важной особы**. – Каких только дураков у нас не было, – скорбно качает головой малиновый швейцар, – ну заходи, коли ты богатый человек* (Комсомольская правда. 2002. 30 янв). А употребление этого слова как устаревшего практически отсутствует.

Важным, на наш взгляд, является тот факт, что в большинстве реализуемых этим значением контекстов (347, или 71%) слово **особа** служит для номинации лиц, носящих монаршие титулы, или членов их семей и всегда содержит конкретизаторы, выраженные качественными (*королевская, монаршая, августейшая, державная особа*) или относительными (*особа голубых кровей, королевских кровей*) прилагательными. Ср.: *За советами и наставлениями шли к старцу не только простолюдины, но и **царственные особы**, в том числе и императрица Елизавета Петровна* (Труд-7. 2005. 23 ноября); *Здесь не только фотографии знаменитых гроссмейстеров, за чьей жизнью европейская пресса на протяжении века следила так, словно это **особы королевской крови** – Капабланка, Алехин, Ботвинник, Таль, Фишер...* (Известия. 2012. 22 мая).

В 111 контекстах (24%) это значение используется для обозначения важных, занимающих высокую должность или высокое положение в обществе, а также особенных по значимости лиц. В этом случае речь идёт, как правило, о главах государств, главах различных ветвей власти, субъектов государства, руководстве крупных компаний, публичных личностях, научных работниках, имеющих высокий авторитет, и т. д. Слово **особа** в этом случае всегда сопровождается конкретизаторами в форме согласованных определений, которые это значение объективируют (*титулованная, высокопоставленная, важная* и т. д. *особа*). При этом диапазон должностей и занимаемых мест в обществе достаточно широк, в текстах СМИ *особой* называется, например, как премьер-министр, так и руководитель более низкого звена. Ср.: *Помощники и покровители цветных революций Д. Буш и К. Райс уже второй месяц пребывают на заслуженном отдыхе, а **владелец-ные особы** Запада тем более давно не поминают так восхищавшие Егора Егоровича и Кондолизу розовые, оранжевые, тюльпановые, кедровые etc. триумфы свободы* (Известия. 2009. 10 апр.).

Подчеркнем также, что слово **особа** в рассматриваемом значении в целом нейтрально в отношении характеристики референта.

II. Вторым по частотности оказывается значение 'лицо женского пола, женщина' (413 примеров, или 41,25%), которое как самостоятельное не выделяется словарями и одним словарём (БАС) относится к оттенку значения 1 ('человек, индивид, лицо'). В этом значении слово **особа** употребляется, как правило, с конкретизаторами, выраженными согласованными и несогласованными определениями, причастными оборотами и придаточными определительными, которые конкретизируют конкретное лицо и устраняют тот обобщённый смысл, который только может быть у слова **особа** в этом значении.

1. Слово **особа** сопровождается конкретизаторами в форме согласованных определений, выраженных прилагательными со значениями качественной характеристики субъекта, а также причастными оборотами и придаточными определительными. Конкретизаторы, прежде всего, необходимы для того, чтобы уточнить возраст (*юная, молодая, немолодая, пожилая* и т. д.). Наиболее часто в этом смысле слово **особа** является заменителем слова **девушка** – словосочетания **юная особа** и **молодая особа** достаточно частотны (84 и 60 словоупотреблений соответственно) и функционируют, можно сказать, как устойчивые единицы языка. Ср.: *Юной особе не было и 16 лет, но как же она врала при всех!* (Комсомольская правда. 2003. 28 янв.)

Конкретизаторы используются и для собственно качественной характеристики (*дерзкая, странная, романтическая, неуверенная, беременная, мстительная, скандальная, разгульная, подозрительная, таинственная, нервная, смелая, обаятельная* и т. д.). И в этом смысле слово **особа** сближается со словом **женщина**. Ср.: *Рекорд циничности и кровожадности установила гувернантка полуторамесячной девочки. **Грубую, невоспитанную особу** хозяева решили уволить. Та посчитала себя оскорбленной, устроила скандал и ушла, хлопнув дверью* (Комсомольская правда. 2002. 25 ноября).

Употребляясь с указательными местоимениями *эта, та, сия*, а также с прилагательными *данная, такая*, слово **особа** выступает в местоименной функции, служит заменителем конкретно-

го лица. Ср.: *Эта особа на 19 лет моложе шурина, знала, что у него уже три жены плюс два сына* (Комсомольская правда. 2006. 25 апр.).

2. Слово **особа** сопровождается конкретизаторами в форме несогласованных определений, выраженных существительными (*бальзаковского возраста, правильных взглядов, лет трёх-четырёх, низкой морали, высокого роста, лёгкого поведения, в коротких юбках* и т. д.). Здесь наблюдается точно такая же последовательность: несогласованные определения конкретизируют лицо женского пола с точки зрения возраста, наличия отдельных качеств и свойств. Ср.: *Армани, часто повторяет она, любит одевать женщин с присущей ему элегантностью, я же стараюсь, чтобы они походили на особ легкого поведения* (Труд-7. 2001. 11 мая).

И согласованные, и несогласованные определения имеют как положительную, так и отрицательную оценочность.

3. В незначительном числе контекстов (14) слово **особа** не сопровождается конкретизаторами и, выступая в качестве подлежащего или дополнения, указывает на конкретное лицо женского пола. Ср.: *– И чего же мы забыли? – Особы нервно зарылись в сумочки. – Ну, может, счастье свое, – я немного поскромничал* (Комсомольская правда. 2004. 09 янв.).

Остальные значения представлены минимальным числом примеров (не более 4% каждое), не имеют сколько-нибудь выраженных особенностей употребления и вполне соответствуют значениям, отражённым в толковых словарях.

Итак, слово **особа** вошло в литературный язык не ранее XVI в. и не выражало «индивидуального строя и внутренних, моральных прав и склонностей человеческой особи» [28], а использовалось для обозначения «важных, особо ценных» людей. В период демократизации языка (1-я треть XVIII в.) слово **особа** употребляется для обозначения человека вне зависимости от его общественного положения – происходит расширение семантики слова, начиная с 40-х гг. XVIII в. – обратный процесс. До XX в. семантическая структура слова **особа**, сложившаяся к середине XVIII в., практически не изменяется. В настоящее время **особа** употребляется преимущественно в двух значениях: 'лицо, занимающее высокое положение' и 'лицо женского пола'. Второе значение выделилось в отдельное благодаря развитию смысловых возможностей слова, которые наметились раньше, ещё в XVIII в., и развились в XX в. в употреблении существительного **особа**. Приведённые нами примеры функционирования этой лексемы в современном языке показывают, что **особа** имеет мало общих черт со словами семантического поля «персональность», и сближается со словом **женщина**.

Изучение семантики слова **особа**, особенностей его функционирования в современном языке позволят нам лучше понять, как взаимодействуют между собой лексемы семантического поля «персональность», что в дальнейшем поможет в формировании лингвистического образа человека.

Примечания

1. См., напр.: Дуличенко А. Д. О перспективах лингвистики XXI века // Вестник Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. М., 1996. № 5. С. 124–131; Алефиренко Н. Ф. Перспективы развития науки о языке // Алефиренко Н. Ф. Теория языка. Вводный курс. М., 2007; Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М., 2003; Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М., 2004 и др.

2. См., напр.: Апресян Ю. Д. Образ человека по данным языка (попытка системного описания) // Вопросы языкознания. 1995. № 1. С. 37–67; Чернова С. В. Понятие «образ человека» как лингвистический термин // Перспективы развития науки и образования: сб. науч. тр. по материалам Междунар. науч.-практ. конф. 29 ноября 2013 г.: в 7 ч. М., 2013. С. 24–25; Чернова С. В., Калинина Л. В. Интерпретация образа человека как лингвистическая проблема // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2010. № 2–2. С. 8–12; Интерпретация образа человека. Образ публичных людей г. Кирова / [науч. ред. С. В. Чернова]. Киров, 2012 и т. д.

3. Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений / под общ. ред. Е. Ю. Шведовой. Т. 1. М., 1998.

4. Игнатов И. А. Слово личность и особенности его функционирования в русском языке // Инициативы XXI века. 2012. № 3. С. 146–148; Игнатов И. А. 'Персональность' как семантический компонент гиперонима «человек» в языковой картине мира русскоговорящих жителей Северо-Запада России // Управленческие аспекты развития Северных территорий России: материалы Всерос. науч. конф. (20–23 октября 2015 г., Сыктывкар): в 4 ч. Сыктывкар, 2015. Ч. 4. С. 16–22; Игнатов И. А. Человек ты или индивид? Особенности употребления слов «индивид» и «индивидуум» в современной речи // Семантика. Функционирование. Текст: межвуз. сб. науч. тр. Киров, 2016. С. 151–159.

5. Виноградов В. В. Личность // Виноградов В. В. История слов. М., 1999. С. 271–305; Кокорев А. В. Из истории русского литературного языка первых десятилетий XVIII века // Виноградов В. В. История слов. М., 1999. С. 305–309; Степанов Ю. С. Константы. Словарь русской культуры. М., 2004; Колесов В. В. Душа и личность // Колесов В. В. Древняя Русь: наследие в слове. Кн. 2. Добро и зло. СПб., 2001.

6. Вайс Д. Человек, лицо, личность и особа: четыре неравных соперника // Логический анализ языка. Образ человека в культуре и языке / отв. ред. Н. Д. Арутюнова, И. Б. Левонтина. М., 1999. С. 81–98.
7. Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.): в 10 т. / гл. ред. И. С. Улукханов. Т. 6. М., 2000; Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 13. М., 1987; Словарь русского языка XVIII века. Вып. 17. СПб., 2007; Словарь церковно-славянского и русского языка. Т. III. СПб., 1847; Словарь Академии Российской по азбучному порядку расположенный. Ч. III. СПб., 1814.
8. Ожегов С. И. Словарь русского языка / под ред. Н. Ю. Шведовой. М., 1972; Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. 4-е изд., доп. М., 2008; Словарь русского языка: в 4 т. Т. 3 / под ред. А. П. Евгеньевой. М., 1981–1984; Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. Т. 8. М., Л., 1950–1965. Толковый словарь русского языка: в 4 т. Т. 2 / под ред. Д. Н. Ушакова. М., 1935–1940.
9. Кокорев А. В. Указ. соч. С. 306.
10. Там же.
11. Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.)...
12. Колесов В. В. Указ. соч. С. 169.
13. Виноградов В. В. Указ. соч. С. 280.
14. Там же. С. 272.
15. Там же; см. также: Степанов Ю. С. Указ. соч. С. 733.
16. Кокорев А. В. Указ. соч. С. 306.
17. Устрялов Н. Сказания кн. Курбского. СПб., 1868. С. 409. Цит. по: Кокорев А. В. Указ. соч. С. 306.
18. Русская Вивлиофика. М., 1883. Т. 1. С. 124. Цит. по: Кокорев А. В. Указ. соч. С. 306.
19. Виноградов В. В. Указ. соч. С. 272; Кокорев А. В. Указ. соч. С. 306.
20. Слово *персона* в это время входит в речевую практику и употребляется наряду со словом *особа* в качестве синонима.
21. Регламент или устав духовной коллегии изд. 1721. Полное собрание законов Российской империи. Т. 5. № 3718. URL: <http://www.krotov.info/acts/18/1/1721regl.html>
22. Тредиаковский В. К. Мнение о начале поэзии и стихов вообще // Сочинения и переводы как стихами, так и прозою. М., 2009.
23. Крылов И. А. Речь, говоренная повесою в собрании дураков // Сочинения: в 2 т. М., 1969.
24. Кокорев А. В. Указ. соч. С. 308.
25. Там же.
26. Виноградов В. В. Указ. соч.; Сорокин Ю. С. Развитие словарного состава русского литературного языка в 30–90-е годы XIX века. М.; Л., 1965.
27. Ср. наблюдения в: Вайс Д. Указ. соч.
28. Виноградов В. В. Указ. соч. С. 272.

Notes

1. See, eg.: Dulichenko A. D. *O perspektivah lingvistiki XXI veka* [About the prospects of linguistics of the XXI century] // *Vestnik Mosk. un-ta. Ser. 9. Filologiya* – Herald of Moscow Univ. Ser. 9. Philology. M. 1996, No. 5, pp. 124–131; Alefirenko N. F. *Perspektivy razvitiya nauki o yazyke* [Prospects for the development of the science of language] // Alefirenko N. F. *eoriya yazyka. Vvodnyj kurs* [Theory of language. The introductory course]. M. 2007; Karaulov YU. N. *Russkij yazyk i yazykovaya lichnost'* [Russian language and linguistic personality]. M. 2003; Karasik V. I. *Yazykovoj krug: lichnost', koncepty, diskurs* [Language circle: personality, concepts, discourse]. M. 2004.
2. See, eg.: Apresyan YU. D. *Obraz cheloveka po dannym yazyka (popytka sistemnogo opisaniya)* [Image of man according to the language (an attempt of system description)] // *Voprosy yazykoznaniya* – Problems of linguistics. 1995, No. 1, pp. 37–67; Chernova S. V. *Ponyatie «obraz cheloveka» kak lingvisticheskij termin*. [Concept "image of man" as a linguistic term] // *Perspektivy razvitiya nauki i obrazovaniya: sb. nauch. tr. po materialam Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. 29 noyabrya 2013 g.* – Prospects of development of science and education: coll. of scientific works on the materials of intern. scientific-pract. conf. November 29, 2013: in 7 pts. M. 2013. Pp. 24–25; Chernova S. V., Kalinina L. V. *Interpretaciya obraza cheloveka kak lingvisticheskaya problema*. [Interpretation of the image of man as a linguistic problem] // *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta* – Herald of Vyatka State Humanities University. 2010, No. 2-2. Pp. 8–12; *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta* – Interpretation of the image of man. The image of public figures of Kirov / [scient. ed. S. V. Chernova]. Kirov. 2012, etc.
3. *Russkij semanticheskij slovar'. Tolkovyj slovar', sistematizirovannyj po klassam slov i znachenij* – Russian semantic dictionary. Dictionary, systematized according to the classes of words and meanings / ed. by E. Yu. Shvedova. Vol. 1. M. 1998.
4. Ignatov I. A. *Slovo lichnost' i osobennosti ego funkcionirovaniya v russkom yazyke* [Word identity and features of its functioning in the Russian language] // *Iniciativy XXI veka* – Initiatives of the XXI century. 2012, No. 3, pp. 146–148; Ignatov I. A. *'Personal'nost' kak semanticheskij komponent giperonima «chelovek» v yazykovoj kartine mira russkogovoryashchih zhitelej Severo-Zapada Rossii* ['Personality' as a semantic component of the hypernym "human" in the language picture of the world of Russian-speaking residents of the North-West of Russia] // *Upravlencheskie aspekty razvitiya Severnyh territorij Rossii: materialy Vseros. nauch. konf. (20–23 oktyabrya 2015 g., Syktyvkar)*: v 4 ch. – Management aspects of the development of Northern territories of Russia: materials of all-Russia scientific conf. (20–23 October 2015, Syktyvkar): in 4 pts. Syktyvkar. 2015. Part 4. Pp. 16–22; Ignatov I. A. *Chelovek ty ili individ? Osobennosti upotrebleniya slov «individ» i «individuum» v sovremennoj rechi* [Are you a human or an indi-

vidual? Features of the use of the words "individual" and "person" in modern speech // *Semantika. Funkcionirovanie. Tekst: mezhvuz. sb. nauch. tr.* – Semantics. Functioning. Text: interuniversity collection of scient. works. Kirov. 2016. Pp. 151-159.

5. Vinogradov V. V. *Lichnost'*. [Personality] // Vinogradov V. V. *Istoriya slov.* [History of words]. M. 1999. Pp. 271-305; Kokorev A. V. *Iz istorii russkogo literaturnogo yazyka pervykh desyatiletij XVIII veka* [From history of Russian literary language of the first decades of the XVIII century] // Vinogradov V. V. *Istoriya slov.* [History of words]. M. 1999. pp. 305-309; Stepanov YU. S. *Konstanty. Slovar' russkoj kul'tury* [Constants. Dictionary of Russian culture]. M. 2004; Kolesov V. V. *Dusha i lichnost'* [Soul and the personality] // Kolesov V. V. *Drevnyaya Rus': nasledie v slove. Kn. 2. Dobro i zlo* [Ancient Rus': the heritage in the word. Book 2. Good and evil]. SPb. 2001.

6. Vajs D. *Chelovek, lico, lichnost' i osoba: chetyre neravnyh sopernika* [Human, individual, personality and person: four unequal opponents] // *Logicheskij analiz yazyka. Obraz cheloveka v kul'ture i yazyke* – Logical analysis of language. The image of man in culture and language / ed. N. D. Arutyunova, I. B. Lewontina. M. 1999. Pp. 81-98.

7. *Slovar' drevnerusskogo yazyka (XI–XIV vv.): v 10 t.* M. 1987; Dictionary of the old Russian language (XI–XIV centuries): in 10 vol. / chief ed. I. S. Uluhanov. Vol. 6. M. 2000; *Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv. Vyp. 13* – Dictionary of Russian language XI–XVII centuries, is. 13. M. 1987; *Slovar' russkogo yazyka XVIII veka. Vyp. 17* – Dictionary of Russian language of the XVIII century. is. 17. SPb. 2007; *Slovar' cerkovno-slavyanskogo i russkogo yazyka. T. III* – Dictionary of Church Slavonic and Russian language. Vol. III. SPb. 1847; *Slovar' Akademii Rossijskoj po azbuchnomu poryadku raspolozhennyj. CH. III* – Dictionary of the Russian Academy in alphabetical order. Part III. SPb. 1814.

8. Ozhegov S. I. *Slovar' russkogo yazyka* [Dictionary of Russian language] / ed. Shvedova N.Yu. 1972; Ozhegov S. I., Shvedova N. YU. *Tolkovyj slovar' russkogo yazyka: 80 000 slov i frazeologicheskij vyrazhenij* [Dictionary of the Russian language: 80 000 words and phraseological expressions]. 4th publ., add. M. 2008; *Slovar' russkogo yazyka: v 4 t.* – Dictionary of the Russian language: in 4 vol. Vol. 3 / under the editorship of A. P. Evgenieva. M. 1981-1984; *Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka: v 17 t.* – Dictionary of modern Russian literary language: in 17 vol. Vol. 8. M., L. 1950-1965. *Tolkovyj slovar' russkogo yazyka: v 4 t.* – Explanatory dictionary of Russian language: in 4 vol. Vol. 2 / ed. Ushakov D.N. M. 1935-1940.

9. Kokorev V. A. Op. cit. P. 306.

10. Ibid.

11. *Slovar' drevnerusskogo yazyka (XI–XIV vv.)* – Dictionary of the old Russian language (XI–XIV centuries)...

12. Kolesov V. V. Op. cit. P. 169.

13. Vinogradov V. V. Op. cit. P. 280.

14. Ibid. P. 272.

15. Ibid; see also: Stepanov Yu. S. Op. cit. P. 733.

16. Kokorev V. A. Op. cit. P. 306.

17. *Ustryalov N. Skazaniya kn. Kurbskogo* [Tales by Duke Kurbsky]. SPb. 1868. P. 409. Cit. by: Kokorev V. A. Op. cit. P. 306.

18. *Russkaya Vivliofika* – Russian Vivliothecs. M. 1883. Vol. 1. P. 124. Cit. by: Kokorev V. A. Op. cit. P. 306.

19. Vinogradov V. V. Op. cit. P. 272; Kokorev V. A. Op. cit. P. 306.

20. The word *persona* in this time is included into speaking practice and is used along with the word *person* as synonymous.

21. Regulation or Statute of the spiritual College of ed. 1721. Complete collection of laws of the Russian Empire. Vol. 5, No. 3718. Available at: <http://www.krotov.info/acts/18/1/1721regl.html> (in Russ.)

22. *Trediakovskij V. K. Mnenie o nachale poehzii i stihov voobshche* [Opinion about the beginning of poetry and poetry in general] // *Sochineniya i perevody kak stihami, tak i prozoyu* – Writings and translations as poetry and prose. M. 2009.

23. Krylov I. A. *Rech', govorennaya povsesoyu v sobranii durakov* [Speech, spoken by rake on the meeting of fools] // *Sochineniya: v 2 t.* – Works: in 2 vol. M. 1969.

24. Kokorev V. A. Op. cit. P. 308.

25. Ibid.

26. Vinogradov V. V. Op. cit.; Sorokin YU. S. *Razvitie slovarnogo sostava russkogo literaturnogo yazyka v 30–90-e gody XIX veka* [Development of the vocabulary of Russian literary language in 30-90th years of XIX century]. M.; L. 1965.

27. Compare observations in: Weiss D. Op. cit.

28. Vinogradov V. V. Op. cit. P. 272.

Типология именных образований в спортивном дискурсе

В статье раскрывается роль имени собственного в номинации лиц, объектов и явлений спортивной сферы. Описываются типы именных образований в зависимости от референта и источника номинации. Материал исследования составляют единицы русского и английского вариантов спортивного дискурса, образованные от имен собственных, а также иллюстрирующие их контексты из специальной литературы о спорте. Имя собственное наделено способностью участвовать в образовании разного рода единиц, применяющихся в специальной коммуникации: терминов, номенов, прагмонимов, профессионализмов, авторских неологизмов, прозвищ, – а также выступать прецедентными именами, выполняя свою основную функцию – функцию номинации лица, объекта или явления. Результаты работы вносят вклад в развитие теории номинации, могут быть применены в практике составления специальных словарей, а также в преподавании спецкурсов по терминоведению, социолингвистике, переводу профессионально ориентированных текстов.

The article reveals the role of the proper name in the nomination of people, objects and phenomena in sports. The types of items derived from proper names are described, the referent and the source of nomination being taken into account. The material includes the units of the Russian and English variants of the sport discourse, which are derived from proper names, and also the fragments of special texts on sports. The proper name demonstrates its potential to participate in the formation of different language items used in special communication: terms, nomenclature units, pragmonyms, professional jargonisms, nicknames, original neologisms, and also to become precedent names, performing their main function – the function of naming people, objects and phenomena. The results of the research contribute to the development of the nomination theory and may be used in the practice of special dictionaries compiling, as well as in the academic practice of teaching courses of terminological studies, sociolinguistics, and translation of texts for special purposes.

Ключевые слова: имя собственное, термин, номен, прагмоним, прозвище, эпоним, прецедентное имя, спортивный дискурс.

Keywords: proper name, term, nomenclature unit, pragmonym, nickname, eponym, precedent name, sport discourse.

В устных и письменных текстах спортивной тематики регулярно появляются и исчезают специальные именные образования, представляющие собой единицы различного лексического статуса. Имена собственные составляют неотъемлемую часть профессиональной лексики данной сферы коммуникации. Общеизвестно, что центральной единицей языка для специальных целей выступает термин. Однако изучение имени собственного и его роли в текстах спортивной тематики выводит наше исследование далеко за рамки терминологии. Следовательно, рассмотрению также подлежат номенклатурные обозначения, фирменные наименования, профессионализмы, прозвища спортсменов, прецедентные имена, а также окказиональные авторские образования журналистов и комментаторов. Все перечисленные виды лексических единиц выражают понятия, знакомые лишь вовлеченным лицам, и функционирующие в рамках коммуникации рассматриваемой сферы. Поэтому, с нашей точки зрения, их можно признать равноправными элементами спортивного дискурса.

Материал данного исследования составляют единицы особого рода – имена собственные, спецификой которых является область их применения, а именно – спортивный дискурс. На сегодняшний день этот материал не введен в научный оборот в полном объеме, не получил широкого освещения, хотя существует очевидная необходимость его многоаспектного анализа с целью классификации и структурно-системной организации. В рамках изучения данной проблемы были опубликованы несколько работ ученых-языковедов. В статье А. А. Елистратова рассматриваются именные нетерминологические наименования с целью установления их лексико-семантических особенностей и определения лексического статуса [1]. Статья Л. А. Комлевой посвящена выявлению и анализу сфер-источников прецедентных имен, встречающихся в спортивном дискурсе [2]. В работе В. А. Лазарева, М. В. Ласковой также рассмотрена проблема прецедентности на материале спортивного дискурса в рамках лингвокультурологического подхода [3]. В фокусе публикации О. Д. Вишняковой, В. А. Александровой находится проблема изучения спортивных прозвищ, образующих один из наиболее широко представленных ономаσιологических пластов в области языковой номинации [4]. Целью настоящей статьи является раскрытие функций собственных имен в

языке спорта, выявление их потенциала участвовать в номинации лиц, артефактов, соревнований, мест соревнований и других реалий спортивной жизни.

Итак, ядром специальной лексики выступает терминологический пласт. Термины, образованные от имен собственных, т. е. термины-эпонимы, не в полном объеме, но включены в терминологические словари [5] и находят свое употребление в текстовых материалах, посвященных спортивной тематике. Приведем пример из текста Правил судейства по мужской спортивной гимнастике: *Nakayama elements must pass through a complete hanging scale rearways... Накаяма должна проходить через законченный гориз. вис сзади...* [6]. Применение терминов-эпонимов в текстах, целевыми читателями которых являются профессионалы, а также фиксация в специальных лексикографических источниках говорит о четкости дефиниции, невозможности двоякой трактовки.

Экстенционал терминов-эпонимов покрывает следующие тематические сферы:

а) физическое действие, элемент, упражнение: **тройной аксель** – **triple Axel** (прыжок в фигурном катании); **Петля Мухиной** – **Mukhina flip** (элемент спортивной гимнастики); **Паненка, удар в стиле Паненки** – **Ranenka (penalty kick)** (способ исполнения футбольного пенальти);

б) интеллектуальное действие в шахматах или шашках: **гамбит Геринга** – **Goering gambit**; **контргамбит Фалькбеера** – **Falkbeer Countergambit**;

в) правило, основанное на прецеденте, или уникальный факт, имевший место в истории спорта: **правило Босмана** – **Bosman ruling**, **доклад Макларена** – **McLaren Report**;

г) оборудование, спортивный инвентарь: **скамья Скотта** – **Scott bench**; **машина Смита** – **Smith machine**.

Более того, в научный спортивный дискурс проникают и эпонимические термины, принадлежащие другим тематическим сферам. В качестве примера приведем предложение из статьи по физиологии спорта, опубликованной в научно-теоретическом журнале «Наука и спорт: современные тенденции»: *Анализ описанных особенностей еще раз подтверждает тот факт, что вследствие участия меньшего объема мышц и меньшего ОЦК при выполнении ВЭМ теста менее выражен эффект Старлинга, что выражается в выполнении работы указанной мощности при более высоких цифрах ЧСС (следовательно, при меньших значениях ударного объема)* [7]. Иллюстрируемая единица является термином физиологии, и ее использование в спортивном дискурсе объясняется тесной междисциплинарной связью этой области знаний со спортом.

Изучение роли имен собственных в спортивном дискурсе также выявило единичные случаи использования эпонимических единиц других сфер в наименовании специальных понятий в спорте. Например, термин **рентген** – **X-ray (attack)** в шахматах применяется в значении *действие дальнобойной фигуры на неприятельскую фигуру или пешку, а также на какое-либо поле через др. фигуру (фигуры) противника* [8]. Похожим случаем является наименование фигуры **Эйфель** / **Эйфелева башня** в синхронном плавании. Данные термины образованы семантически, посредством метафоризации значения слова по модели «имя собственное → понятие, связанное с эпонимом (человеком, давшим имя понятию) → спортивный термин (метафорически образованный)».

Вторым типом именных единиц, составляющих кодифицированную часть спортивной лексики, являются номенклатурные единицы. Вопрос о разграничении терминов и номенов остается открытым в науке о языке, однако в рамках настоящего исследования мы основываемся в их разделении на различии их доминирующих функций. Согласно С. В. Гриневу, термин выражает понятие, а номен является названием отдельного конкретного предмета, при этом основной функцией термина выступает сигнификативная, основной функцией номена – номинативная [9]. Принимая во внимание выдвинутое автором положение, к номенам относим следующие наименования:

а) названия соревнований и разыгрываемых призов: **Кубок Хопмана** – **Norman Cup** в теннисе; **Кубок Гагарина** – **Gagarin Cup** в хоккее;

б) названия мест соревнований (стадионов и других спортивных объектов): наименование **Maria Lenk Aquatics Center** – **Водный центр имени Марии Ленк** в Рио-де-Жанейро образовано от имени первой женщины-латиноамериканки, принявшей участие в Олимпийских играх; футбольный стадион **Sammy Ofer Stadium** – **Самми Офер** в городе Хайфа назван в честь израильского бизнесмена, магната и мецената, пожертвовавшего средства на строительство стадиона.

в) названия команд и клубов: **Ботев** – футбольный клуб из Пловдива, названный в честь болгарского поэта, революционера и национального героя Христо Ботева; **Боливар** – футбольный клуб, получивший имя лидера освободительного движения американских стран против Испании Симона Боливара.

Третье звено кодифицированной спортивной лексики представлено прагмонимами, под которыми мы понимаем «словесные товарные знаки (СТЗ), которые обозначают серийные, фирменные товары, изделия, сорта растений, марки машин и т. п.» [10]. Например, название кроссовок **DONIC Waldner Flex II** имеет в своей структуре фамилию игрока в настольный теннис

Яна-Уве Вальднера; название ракетки **Christoph Legout 1700** образовано от имени игрока Кристофа Легу и цифрового знака. С нашей точки зрения, использование антропонима в образовании прагмонима является интересным коммерческим ходом, поскольку вызывает у потенциального покупателя четкую ассоциацию с успешным спортсменом, возможно, его кумиром.

В ходе изучения роли имени собственного в языке спорта считаем возможным кратко упомянуть и о названиях географических объектов, которые послужили источником образования терминов. Например, наименование командной игры **rugby – регби** образовано от названия города **Rugby – Рагби (Регби)**, в школе которого зародилась эта игра. Также зафиксирован пример использования названия вида спорта при образовании топонима: название спортивной игры **la-crosse – лакросс** дало имя городу **La Crosse – Ла-Кросс**, расположенному в штате Висконсин, США. Фамилии спортсменов также стали основой для номинации некоторых географических объектов. Яркими примерами данного явления выступают фамилии альпинистов. Например: *В честь Евгения Абалакова были названы пик на Памире, горные вершины на Тянь-Шане, есть Абалаковская щель на Коммунаре, Абалаковский цирк на Такмаке* [11]. Проиллюстрированные примеры подчеркивают связь антропонимики с топонимикой в вопросе вторичной номинации.

Некодифицированный слой изучаемой специальной лексики представлен, в первую очередь, жаргонизмами, относящимися к данной тематике и зафиксированными в словарях стилистически сниженной лексики [12]. Изучение языковых единиц подобного рода, т. е. арготизмов и некодифицированных форм профессиональных подязыков, делает интенсивным развитие такой отрасли лингвистики, как социолектология [13]. Поэтому для наиболее полного раскрытия роли имени собственного в речи людей, имеющих отношение к спорту, считаем актуальным рассмотреть именную экспрессивную лексику преимущественно разговорного употребления. Например, **абалак** – рюкзак, сконструированный В. А. Абалаковым, известным альпинистом; **арнольд** – мощный человек (по имени А. Шварценеггера, американского киноактера); **рэм-бо** – учитель физкультуры (по имени киногероя-супермена, роль которого исполнил С. Сталлоне) [14]. Краткость формы, эмотивность и применение преимущественно в устном общении позволяют классифицировать эти единицы как сниженную специальную лексику.

К разряду некодифицированной спортивной лексики также отнесем прозвища (клички) спортсменов. Вслед за О. Д. Вишняковой и В. А. Александровой под антропонимическим прозвищем понимаем «дополнительное имя, данное человеку в соответствии с определенными характеристиками, в основном уточняющими специфику восприятия его образа окружающими» [15]. Прозвища могут быть образованы от фамилии: **Мунтян – Муня, Коньков – Конек; Милевский – Миля** [16]. Прозвища также могут быть мотивированы другими факторами. Например, Дэвид Бекхэм получил ироничное прозвище **Spice Boy – спайс бой** после того как женился на Виктории Адамс, бывшей участнице группы Spice Girls; Райан Гиггз получил прозвище **Welsh Wizard – Валлийский Колдун**, поскольку свой источник долголетия Райан явно черпает из магической среды [17]. Изучение прозвищ сопряжено и с изучением прецедентных имен, поскольку нередко одного спортсмена сравнивают с другим, как правило, всемирно известным, достигшим высочайших результатов. Например, прозвище Георге Хаджи апеллирует к другому великому футболисту – Диего Армандо Марадоне: *За великодушную технику, скорость и талант диспетчера и голеадора в эти годы Георге Хаджи получил лестное прозвище «Карпатского Марадоны»* [18].

Изучение применения прецедентных имен в спортивном дискурсе обуславливает необходимость признать их отдельным неотъемлемым слоем ономастического наполнения данного институционального дискурса. Рассмотрим предложение: *Безусловно, Мири Гесснер – это даже не новая Магдалена Нойнер, это первая и единственная Мири Гесснер* [19]. Обращаясь к прецедентному имени одной из самых титулованных спортсменок в истории биатлона Магдалены Нойнер, автор характеризует другую немецкую биатлонистку Мири Гесснер, на которую возлагались большие надежды. В данном примере имя Нойнер соотносится с образом молодой спортсменки, наделенной феноменальным талантом, скоростными качествами и добившейся высочайших результатов.

Следующий пример взят из описания генетического теста, выявляющего предрасположенность ребенка к разным видам спорта: *Amby Lab will help you to see whether your child is a new Bjørndalen, Usain Bolt or Michael Phelps* [20]. Имена Уле-Эйнара Бьерндалена, Усэйна Болта и Майкла Фелпса выбраны для рекламы этого теста как имена самых ярких и титулованных современных представителей биатлона, легкой атлетики и плавания соответственно.

В спортивный дискурс проникают и прецедентные имена представителей других сфер, а также героев художественных произведений. Например: *За эти полвека на нее организовалось 27 экспедиций, не считая трех попыток «одинок» – горных «Дон-Кихотов» – попыток, по своему*

характеру авантюристичных, заранее обреченных на провал [21]. В приведенном примере образ Дон-Кихота, выбранный автором, символизирует бессмысленность и безрассудство.

Имена спортсменов также служат источником неологизмов, которые применяются комментаторами и журналистами для того, чтобы сделать речь яркой и запоминающейся либо привлечь внимание и заинтересовать. Одной из самых новых словесных находок комментатора Дмитрия Губерниева, известного своими речевыми изысками, является слово **зафуркадьё**, относящееся ко всем, кого опережает лидер текущего биатлонного сезона Мартен Фуркад: *А здесь мы видим волшебное зафуркадьё* [22]. Слово было моментально подхвачено болельщиками на форумах: *Меня сегодня «зафуркадьё» позабавило* [23]. Распространение этого авторского неологизма связано как с популяризацией биатлона, так и с признанием зрителями комментаторского таланта Дмитрия Губерниева, его уникальной манеры вести репортаж.

Насыщенность спортивной жизни постоянно дает возможность прессе проявить свой лингвокреативный потенциал. Западная пресса преобразовала фамилию советского фехтовальщика Бориса Онищенко в **Disonischenko** (имея в виду слово **dishonest**) из-за того, что в ходе осмотра его шпаги на XXI Олимпиаде 1976 г. в Монреале был найден дефект в виде непонятных проводков у основания рукоятки, что могло стать причиной нечестных результатов соревнований [24].

Еще одним именем собственным, вдохновляющим журналистов, но уже вызывающим совсем другие ассоциации, является фамилия прославленного тренера по художественной гимнастике И. А. Винер-Усмановой. Например, **Winner Takes it All** – заголовок небольшой статьи, в которой говорится о стабильных успехах российской художественной гимнастики и легендарном тренере, благодаря которому они достигаются [25]. Здесь наблюдаем явную игру слов: созвучие фамилии и английского слова **winner** победитель. Заголовок русскоязычной статьи **Винер – значит «победитель»** является еще одним примером, иллюстрирующим эту фонетическую ассоциацию [26].

Как журналисты, так и блогеры часто пользуются первой (одинаковой) буквой фамилий двух и более спортсменов в заголовках. Например, **Шипулин и Шемп. Противостояние двух «Ш»** [27]; **Художественная гимнастика: Магия трех «К» – Кабаева, Канаева, Кудрявцева!** [28]. К этому лексико-семантическому приему часто обращаются для создания эффекта и поддержания интереса читателя.

Таким образом, имена собственные дают обширные возможности обогащения спортивного дискурса. Термины выражают строго профессиональные понятия и без пояснений и контекстов понятны только специалистам. Номены – единицы универсального пользования, хорошо знакомые многим любителям спорта, поскольку обозначают общеизвестные явления, но так или иначе связанные со спортом. Фирменные обозначения (прагмони́мы) вызывают интерес и ассоциации со спортсменом, будучи элементом рекламного текста. Жаргонизмы и прозвища имеют коннотации и содержат некий «код», делающий лиц, их применяющих, членами определенного сообщества. Имена собственные известных личностей служат источником уникальных авторских слов и словосочетаний. В спортивном дискурсе авторы часто апеллируют к прецедентным именам, которыми так богата история спорта. В тексты спортивной тематики часто проникает ономастика других сфер, как правило, эпонимические термины. В свою очередь, имена спортсменов служат средством образования, например, топонимов, а прецедентные имена могут применяться без изменения значения в любом контексте. Данное обстоятельство говорит об открытости спортивного дискурса, а также о безграничных возможностях имени собственного создавать ассоциации, быть украшением речи, выполняя свою главную функцию – функцию номинации.

Ономастическая лексика в спортивном дискурсе			
Кодифицированный пласт		Некодифицированный пласт	
1. Термины	других сфер	1. Жаргонизмы	
	спортивные		
2. Номены	образованные от имен спортсменов и тренеров	2. Прозвища	производные от имен собственных
	образованные от имен других известных личностей		образованные от других средств языка
3. Прагмони́мы		3. Окаzionalíнные авторские употребления	
4. Прецедентные имена	спортсменов		
	других известных личностей, вымышленных героев		

Примечания

1. Елистратов А. А. Именная нетерминологическая лексика спорта // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 34 (172). Филология. Искусствоведение. Вып. 36. С. 26–32.
2. Комлева Л. А. Функционирование прецедентных имен в спортивном дискурсе (на материале спортивных автобиографий и мемуаров) // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 34 (172). Филология. Искусствоведение. Вып. 36. С. 61–66.
3. Лазарев В. А., Ласкова М. В. Особенности интерпретации лингвокультурного фона прецедентных феноменов в спортивном дискурсе // Вестник Тамбовского государственного технического университета. 2014. Т. 20. № 4. С. 846–852.
4. Вишнякова О. Д., Александрова В. А. Прозвищное наименование как процесс взаимодействия лингвистической семиотики и семиотической концептологии // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Сер. «Гуманитарные науки». 2015. Т. 28. № 24 (221). С. 51–60.
5. Терминология спорта. Толковый словарь спортивных терминов: ок. 9500 терминов / сост. Ф. П. Сулов, Д. А. Тышлер. М.: СпортАкадемПресс, 2001. 480 с.; Сабиров Ю. А. Русско-английский словарь гимнастических терминов. М.: Рус. яз., 1988. 176 с.; Англо-русский, русско-английский словарь спортивных терминов / сост. М. А. Котова. М.: Сов. спорт, 2012. 232 с.; Русско-англо-латышско-немецкий спортивный словарь / под ред. У. Швинкса. Рига: Латв. акад. спорт. педагогики, 2010. 999 с.
6. 2013–2016 Правила судейства Men's Artistic Gymnastics. URL: [http://www.fig-gymnastics.com/public-dir/rules/files/mag/MAG%20CoP%202013-2016%20\(GER%20ENG%20RUS\)%20Feb%202013.pdf](http://www.fig-gymnastics.com/public-dir/rules/files/mag/MAG%20CoP%202013-2016%20(GER%20ENG%20RUS)%20Feb%202013.pdf) (дата обращения: 25.02.2017).
7. Павлов В. И., Линде Е. В., Орджоникидзе З. Г., Николаев В. В., Деев В. В. Сравнительный анализ нагрузочного тестирования на различных видах эргометров // Наука и спорт: современные тенденции. 2013. № 1. Т. 1. С. 108.
8. Терминология спорта. Толковый словарь спортивных терминов... С. 333.
9. Гринев-Гриневич С. В. Терминоведение: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. М.: Изд. центр «Академия», 2008. С. 38.
10. Исакова А. А. Прагматика современного русского языка как составляющая рекламного дискурса: лингво-когнитивная, семантическая, структурно-прагматическая характеристика: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Челябинск, 2012. С. 16.
11. Climbing.ru: 106 лет со дня рождения выдающегося альпиниста, впервые поднявшегося на самую высокую точку СССР. URL: http://www.climbing.ru/forum/all/topic_820/ (дата обращения: 27.02.2017).
12. Исмаева Ф. Х. Словарь профессионального спортивного языка. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2006. 108 с.; Максимов Б. Б. Фильм-базар: Словарь молодежного жаргона города Магнитогорска. Около 31 000 слов и устойчивых словосочетаний / подготовка рукописи к изданию и вступ. Ст. С. Г. Шулежковой. Магнитогорск: МаГУ, 2002. 506 с.; Елистратов В. С. Толковый словарь русского сленга: свыше 12 000 слов и выражений, арго, кинемалогос, жаргоны / науч. ред. Н. Тропольская. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2005. 672 с.
13. Солнышкина М. И., Зиганшина Ч. Р., Гареева Л. М. Социолектология: современное состояние и проблемы // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 2: Языкознание. 2014. № 4. С. 125–134.
14. Максимов Б. Б. Указ. соч.
15. Вишнякова О. Д., Александрова В. А. Прозвищное наименование как процесс взаимодействия лингвистической семиотики и семиотической концептологии // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Сер. «Гуманитарные науки». 2015. Т. 28. № 24 (221). С. 54.
16. Dynamomania: Алиева называли Шляпой, Шеву – Копилкой. Прозвища спортсменов. URL: <http://www.dynamomania.com/news/74350-alieva-nazyivali-shlyapoy-shevu-kopilkoj-prozvischa-sportsmenov> (дата обращения: 25.02.2017).
17. Soccerphile: Players' Nicknames. URL: <http://www.soccerphile.com/soccerphile/news/nicknames2.html> (дата обращения: 25.02.2017); Nibler.ru: 30 самых забавных прозвищ футболистов. URL: <http://nibler.ru/15213-30-samyh-zabavnyh-prozvisch-futbolistov.html> (дата обращения: 25.02.2017).
18. 100 великих футболистов: Георге Хаджи. URL: <http://football-gool.narod.ru/87.html> (дата обращения: 26.02.2017).
19. Sport.ru: Анонс олимпийского сезона. Часть четвертая. URL: http://www.sport.ru/winter/Anons_olimpiyskogo_sezona_CHast_chetvertaya/article239314/ (дата обращения: 25.02.2017).
20. Amby Lab. Talents & Sport. URL: <http://ambylab.com/talents/> (дата обращения: 25.02.2017).
21. Ротомеев П. С. Покоренные гиганты. Изд. 2-е, перераб. и доп. М.: Лань, 1975. С. 249–250.
22. Sports.ru: Перлы Губерниева. URL: <https://www.sports.ru/tribuna/blogs/perlygubernieva/1124211.html> (дата обращения: 25.02.2017).
23. Onliner: Биатлон. Обсуждение. URL: <http://forum.onliner.by/viewtopic.php?t=76815&start=29420> (дата обращения: 24.02.2017).
24. Lifejournal: Величайший обманщик в истории спорта. URL: <http://oadam.livejournal.com/375294.html> (дата обращения: 24.02.2017).
25. Winner Takes it All. URL: <https://rtd.rt.com/films/winner-takes-it-all/> (дата обращения: 23.02.2017).
26. Профиль: Винер – значит «победитель». URL: <http://www.profile.ru/obshchestvo/sport/item/71563-viner-%E2%80%94-znachit-%C2%ABpobeditel%C2%BB-71563> (дата обращения: 25.02.2017).
27. Большой вопрос.ru 24.01.2016. Кто победил на КМ по биатлону в мужской эстафете в Антхольце? URL:

<http://www.bolshoyvopros.ru/questions/1885174-24012016-kto-pobedil-na-km-po-biatlonu-v-muzhskoj-estafete-v-antholce.html> (дата обращения: 26.02.2017).

28. MKRU: Художественная гимнастика: Магия трех «К» – Кабаева, Канаева, Кудрявцева! URL: <http://www.mk.ru/sport/2015/09/15/khudozhestvennaya-gimnastika-magiya-trekh-k-kabaeva-kanaeva-kudryavceva.html> (дата обращения: 23.02.2017).

Notes

1. *Elistratov A. A. Imennaya neterminologicheskaya leksika sporta* [Name nonterminological vocabulary of sport] // *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2009. № 34 (172). *Filologiya. Iskuststvovedenie* – Herald of Chelyabinsk State University. 2009, No. 34 (172). Philology. The history of art. Is. 36, pp. 26-32.

2. *Komleva L. A. Funkcionirovanie precedentnykh imen v sportivnom diskurse (na materiale sportivnykh avtobiografij i memuarov)* [Functioning of the precedent names in the sport discourse (on the material of sports autobiographies and memoirs)] // *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2009. № 34 (172). *Filologiya. Iskuststvovedenie* – Herald of Chelyabinsk State University. 2009, No. 34 (172). Philology. The history of art. Is. 36, pp. 61-66.

3. *Lazarev V. A., Laskova M. V. Osobennosti interpretatsii lingvokul'turnogo fona precedentnykh fenomenov v sportivnom diskurse*. [Peculiarities of interpretation of the linguistic and cultural background of precedent phenomena in the sports discourse] // *Vestnik Tambovskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta* – Herald of Tambov State Technical University. 2014, vol. 20, No. 4, pp. 846-852.

4. *Vishnyakova O. D., Aleksandrova V. A. Prozvishchnoe naimenovanie kak process vzaimodejstviya lingvisticheskoy semiotiki i semioticheskoy konceptologii* [Nicknaming as a process of interaction of linguistic semiotics and semiotic conceptology] // *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta*. Ser. «Gumanitarnye nauki» – Scientific gazette of Belgorod State University. Ser. "Humanities". 2015, vol. 28, No. 24 (221), pp. 51-60.

5. *Terminologiya sporta. Tolkovyj slovar' sportivnykh terminov: ok. 9500 terminov* – Terminology of sport. Explanatory dictionary of sports terms: approx. 9,500 terms / comp. F. P. Suslov, D. A. Tyshler. M. SportAkademPress. 2001. 480 p.; *Sabirov YU. A. Russko-anglijskij slovar' gimnasticheskikh terminov* [Russian-English dictionary of gymnastic terms]. M. Rus. yaz. 1988. 176 p.; *Anglo-russkij, russko-anglijskij slovar' sportivnykh terminov* – English-Russian, Russian-English dictionary of sports terms / comp. M. A. Kotova. M. Sov. Sport. 2012. 232 p.; *Russko-anglo-latyshskoneckij sportivnyj slovar'* – Russian-English-Latvian-German dictionary / under the editorship of W. Shwinks. Riga. Latv. Acad. sport. Pedagog. 2010. 999 p.

6. 2013-2016 Rules of judging Men's Artistic Gymnastics. Available at: [http://www.fig-gymnastics.com/publicdir/rules/files/mag/MAG%20CoP%202013-2016%20\(GER%20ENG%20RUS\)%20Feb%202013.pdf](http://www.fig-gymnastics.com/publicdir/rules/files/mag/MAG%20CoP%202013-2016%20(GER%20ENG%20RUS)%20Feb%202013.pdf) (date accessed: 25.02.2017). (in Russ.)

7. *Pavlov V. I., Linde E. V., Ordzhonikidze Z. G., Nikolaev V. V., Deev V. V. Sravnitel'nyj analiz nagruzochnogo testirovaniya na razlichnykh vidah ehrgometrov* [Comparative analysis of load testing on different types of ergometers] // *Nauka i sport: sovremennye tendencii* – Science and sport: modern tendencies. 2013, No. 1, vol. 1, p. 108.

8. *Terminologiya sporta. Tolkovyj slovar' sportivnykh terminov...* – Terminology of the sport. Explanatory dictionary of sports terms... P. 333.

9. *Grinev-Grinevich S. V. Terminovedenie: ucheb. posobie dlya stud. vyssh. ucheb. zavedenij*. [Terminology studying: tutorial for students of higher institutions]. M. Publ. center "Academiya". 2008. P. 38.

10. *Isakova A. A. Pragmonimy sovremennogo russkogo yazyka kak sostavlyayushchaya reklamnogo diskursa: lingvo-kognitivnaya, semanticheskaya, strukturno-pragmaticheskaya harakteristika: avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk* [Pragmonyms of the modern Russian language as a component of advertising discourse: a linguistic-cognitive, semantic, structural and pragmatic characteristics: abstract. dis. ... Dr philol. sciences]. Chelyabinsk. 2012. P. 16.

11. *Climbing.ru: 106 let so dnya rozhdeniya vydayushchegosya al'pinista, vperyye podnyavshegosya na samuyu vysokuyu tochku SSSR* – Climbing.ru: 106 anniversary of the birth of the outstanding climber, for the first time risen to the highest point of the USSR. Available at: http://www.climbing.ru/forum/all/topic_820/ (accessed: 27.02.2017).

12. *Ismaeva F. H. Slovar' professional'nogo sportivnogo yazyka* [Dictionary of the language of professional sports]. Kazan. Publishing house of Kazan University. 2006. 108 p.; *Maksimov B. B. Fil'truj bazar: Slovar' molodezhnogo zhargona goroda Magnitogorska. Okolo 31 000 slov i ustojchivyh slovosochetanij* [Watch your mouth: Dictionary of youth slang of the city of Magnitogorsk. About 31 000 words and expressions] / preparing of manuscripts for publication and introduct. art. S. G. Shulezhkova. Magnitogorsk. MaSU. 2002. 506 p.; *Elistratov V. S. Tolkovyj slovar' russkogo slenga: svyshe 12 000 slov i vyrazhenij, argo, kinemalogos, zhargony* [Dictionary of Russian slang: over 12 000 phrases and expressions, slang, kinemages, jargon] / scientific ed. N. Troepolskaya. M. AST-PRESS KNIGA. 2005. 672 p.

13. *Solnyshkina M. I., Ziganshina CH. R., Garaeva L. M. Sociolektologiya: sovremennoe sostoyanie i problemy* [Sociolectology: current status and problems] // *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta* – Herald of Volgograd State University. Ser. 2: Linguistics. 2014, No. 4, pp. 125-134.

14. Maximov B. B. Op. cit.

15. *Vishnyakova O. D., Aleksandrova V. A. Prozvishchnoe naimenovanie kak process vzaimodejstviya lingvisticheskoy semiotiki i semioticheskoy konceptologii* [Nicknaming as a process of interaction of linguistic semiotics and semiotic conceptology] // *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta*. Ser. «Gumanitarnye nauki» – Scientific gazette of Belgorod State University. Ser. "Humanities". 2015, vol. 28, No. 24 (221), p. 54.

16. *Dynamomania: Alieva nazyvali SHlyapoj, Shevu – Kopilkoy. Prozvishcha sportsmenov* – Dynamomania: Aliyev was called the Hat, Sheva – Piggy Bank. Nicknames of the athletes. Available at: <http://www.dynamomania.com/news/74350-alieva-nazyivali-shlyapoy-shevu-kopilkoy-prozvischa-sportsmenov> (date accessed: 25.02.2017).

17. Soccerphile: Players' Nicknames. Available at: <http://www.soccerphile.com/soccerphile/news/nicknames2.html> (date accessed: 25.02.2017); Nibler.ru: 30 samyh zabavnyh prozvisch futbolistov – Nibler.ru: 30 funniest nicknames of players. Available at: <http://nibler.ru/15213-30-samyh-zabavnyh-prozvisch-futbolistov.html> (date accessed: 25.02.2017).
18. 100 velikih futbolistov: George Hadzhi – 100 greatest footballers: Gheorghe Hagi. Available at: <http://football-gool.narod.ru/87.html> (date accessed: 26.02.2017).
19. Sport.ru: Anons olimpijskogo sezona. CHast' chetvertaya – Sport.ru: Announcement of the Olympic season. Part four. Available at: http://www.sport.ru/winter/Anons_olimpijskogo_sezona_CHast_chetvertaya_article239314/ (accessed: 25.02.2017).
20. Amby Lab. Talents & Sport. Available at: <http://ambylab.com/talents/> (accessed: 25.02.2017).
21. Rototav P. S. Pokorennye giganty [Conquered giants]. Ed. 2nd, rev. and add. M. Lan'. 1975. Pp. 249-250.
22. Sports.ru: Perly Gubernieva – Sports.ru: Guberniev Pearls. Available at: <https://www.sports.ru/tribuna/blogs/perlygubernieva/1124211.html> (date accessed: 25.02.2017).
23. Onliner: Biatlon. Obsuzhdenie – Onliner: Biathlon. Discussion. Available at: <http://forum.onliner.by/viewtopic.php?t=76815&start=29420> (date accessed: 24.02.2017).
24. Lifejournal: Velichajshij obmanshchik v istorii sporta – Lifejournal: The greatest fraud in sports history. Available at: <http://oadam.livejournal.com/375294.html> (date accessed: 24.02.2017).
25. Winner Takes it All. Available at: <https://rtd.rt.com/films/winner-takes-it-all/> (accessed: 23.02.2017).
26. Profil': Viner – znachit «pobeditel'» – Profile: Winer means "winner". Available at: <http://www.profile.ru/obshchestvo/sport/item/71563-viner-%E2%80%94-znachit-%C2%ABpobeditel%C2%BB-71563> (date accessed: 25.02.2017).
27. Bol'shoj vopros.ru 24.01.2016. Kto pobedil na KM po biatlonu v muzhskoj ehstafete v Anthol'ce? – Большой вопрос.ru 24.01.2016. Who won the KM biathlon in the men's relay in Anthol'ce? Available at: <http://www.bolshoyvopros.ru/questions/1885174-24012016-kto-pobedil-na-km-po-biatlonu-v-muzhskoj-estafete-v-antholce.html> (date accessed: 26.02.2017).
28. MKRU: Hudozhestvennaya gimnastika: Magiya trekh «K» – Kabaeva, Kanaeva, Kudryavceva! – MKRU: rhythmic gymnastics: Magic of three "K" – Kabaeva, Kanaeva, Kudryavtseva! Available at: <http://www.mk.ru/sport/2015/09/15/khudozhestvennaya-gimnastika-magiya-trekh-k-kabaeva-kanaeva-kudryavceva.html> (date accessed: 23.02.2017).

УДК 81'37

Н. Ю. Кравченко

Девербативы, мотивированные глаголом *писать*, и обозначение действия

Статья посвящена анализу девербативов, восходящих к глаголу *писа́ть* и образованных по моделям, словообразовательное значение которых может быть связано с отражением действия. 49 таких отглагольных существительных рассматриваются с точки зрения их способности обозначать действие и, следовательно, содержать определённые аспектуальные компоненты, которые станут предметом дальнейшего рассмотрения.

На основе изучения материалов пяти толковых словарей выявлены три типа таких слов: 1) существительные на *-ывание*, обозначающие только действия: *выписывание*, *переписывание* и под.; 2) субстантивы на *-ание*, *-ка* и с нулевым суффиксом, обозначающие не только действия: *описание*, *выпуска*, *запись*; 3) девербативы с такими же формальными показателями, которые не способны обозначать действие: *надпись*, *записка*, *расписание*. Из 49 проанализированных субстантивов 39 обозначают или способны обозначать действие.

Article is devoted to the analysis of the deverbatives, connected with a verb *писа́ть*, which derivational structure can have a lexical meaning of action. 49 of such verbal nouns are considered from the point of view of their capability to designate action and, therefore, to contain certain aspectual components which will become a subject of the further review.

On the basis of five explanatory dictionaries three types of such words are revealed: 1) nouns on *-ывание*, the actions designating only: *выписывание*, *переписывание* and under.; 2) substantives on *-ание*, *-ка* and with a zero suffix, capable to designate not only action: *описание*, *выпуска*, *запись*; 3) deverbatives with the same formal indicators which can't designate action: *надпись*, *записка*, *расписание*. From 49 analysed substantives 39 designate or can designate action.

Ключевые слова: глагол, девербатив, семантика, действие, результат действия.

Keywords: verb, deverbativ, lexical meaning, action, result of action.

Объектом исследования ряда современных лингвистов (Е. А. Иванникова, А. Г. Пазельская, Д. Г. Миронов, Е. Н. Егорова, Е. Э. Пчелинцева) являются отглагольные существительные с семантикой действия в плане отражения в них аспектуальных свойств глагола. Обращали внимание на это явление также А. Х. Востоков, А. М. Пешковский, В. В. Виноградов, М. Я. Гловинская, Г. А. Золотова, Е. В. Падучева и др.

Наше основное исследование тоже связано с рассмотрением аспектуальных свойств отглагольных субстантивов, но только тех, которые деривационно связаны с глаголом *писать*. Данная статья посвящена выявлению состава таких deverбативов, мотивированных этим глаголом, которые способны обозначать действие и, следовательно, могут включать в свою содержательную структуру аспектуальный компонент.

В «Словообразовательном словаре русского языка» А. Н. Тихонова зафиксировано 65 существительных, восходящих к глаголу *писать* и его непосредственным и опосредованным дериватам типа *записать*, *записывать*. Из 65 субстантивов 49 образованы по суффиксальным моделям, которые, по данным «Русской грамматики», могут иметь словообразовательное значение действия [1]. Это 26 субстантивов на *-ние* (типа *списывание* и *описание*), 13 с суффиксом *-к-* (*вписка*, *переписка* и под.) и 10 с нулевым суффиксом (типа *запись*, *ропись*). Такие существительные могут совмещать или «совмещают в своём значении присущее мотивирующему глаголу значение процессуального признака предмета (действия, состояния) со значением существительного как части речи» [2].

Для анализа лексических значений этих deverбативов использовались данные пяти толковых словарей: «Словарь современного русского литературного языка» в 17 т. (ССРЛЯ), «Словарь русского языка» под ред. А. П. Евгеньевой (МАС), «Современный толковый словарь русского языка» Т. Ф. Ефремовой (СТСЕ), «Толковый словарь русского языка» С. И. Ожегова, Н. Ю. Шведовой (СОШ) и «Толковый словарь русского языка» Д. Н. Ушакова (ТСУ).

Анализ словарей показал, что в семантическом плане интересующие нас deverбативы можно подразделить на три типа. Это существительные: 1) обозначающие только действия, 2) обозначающие не только действия и 3) не способные обозначать действие и потому не представляющие специального интереса для нашего основного исследования.

1. Девербативы, обозначающие только действия

Девербативы, обозначающие только действия, в лингвистической литературе принято называть *nomina actionis*, или именами действия. Анализ языкового материала показал, что только действия могут обозначать 18 приставочных deverбативов: 16 на *-ывание* и два на *-ание*.

Субстантивы с компонентом *-ывание* типа *выписывание*, *записывание* образованы от вторичных имперфективов типа *выписывать*, *записывать* и включают в свою структуру всю глагольную основу с её имперфективным суффиксом, что и обеспечивает их способность сохранять семантику процесса. Такие субстантивы, как известно, относятся к сфере синтаксической, или транспозиционной деривации, когда «члены транспозиционных пар» выражают «одно и то же», в данном случае – одно и то же действие, например: *выписывать* и *выписывание* [3]. А иногда такие deverбативы включают даже в парадигму глагола, рассматривая их как субстантивную форму глаголов [4 и др.].

В Словаре А. Н. Тихонова зафиксированы следующие 16 приставочных существительных на *-ывание*, опосредованно мотивированных глаголом *писать*: *вписывание*, *выписывание*, *дописывание*, *записывание*, *исписывание*, *надписывание*, *недописывание*, *описывание*, *отписывание*, *переписывание*, *пописывание*, *подписывание*, *приписывание*, *прописывание*, *расписывание*, *списывание*.

Однако далеко не во всех названных выше словарях отражаются эти субстантивы. Так, в СОШ отражены шесть deverбативов (из 16): *переписывание*, *подписывание*, *приписывание*, *прописывание*, *расписывание*, *списывание*; в МАС – три: *подписывание*, *расписывание*, *списывание*. ТСУ вообще не фиксирует существительные на *-ывание*, связанные с глаголом *писать*, очевидно, в силу их лексической однозначности с мотивирующими глаголами. Все отмеченные выше субстантивы (кроме *отписывание*¹, следовательно их 15) представлены только в двух словарях – ССРЛЯ и СТСЕ.

Наиболее полно, обычно с развернутыми иллюстрациями употребления, данные субстантивы отражаются в ССРЛЯ. При этом из 15 представленных в словаре deverбативов на *-ывание*

¹ Слово *отписывание*, зафиксированное в Словаре А. Н. Тихонова, не содержится ни в одном толковом словаре. Его поиск в Национальном корпусе русского языка тоже не дал результатов. Однако в Интернете есть немногочисленные примеры его употребления в структуре словосочетаний типа *отписывание от блога*, *отписывание материалов*, *отписывание на форуме*, где deverбатив *отписывание* выступает как имя действия.

12 толкуются отсылочным способом к мотивирующему глаголу, а три – описательным способом. См. пример словарной статьи с отсылочным толкованием лексемы:

Подписывание – ‘действие по знач. глаг. подписывать’. На первом же заседании горкома я подчеркнул недопустимость *подписывания* клятвы настоящей фамилией подпольщика.

Описательным способом толкуются в данном словаре девербативы *дописывание*, *вписывание* и *выписывание*. Представим их дефиниции:

Дописывание – ‘писани²е чего-либо до конца; дополнительное, добавочное писание чего-либо’. *Дописывание* декораций.

Вписывание – ‘письменное включение, внесение кого-, чего-либо в книгу, список и т. п.’. *Вписывание* адреса в записную книжку.

Выписывание – 1. ‘Старательное, тщательное писание пером или кистью’. 2. ‘Составление письменных извлечений из чего-либо; оформление письменного документа на право получения чего-либо’. 3. ‘Затребование чего-либо, приглашение кого-либо письмом, телеграммой, путем письменного вызова. Подписка, заказ (на книги, газеты, журналы)’. 4. ‘Исключение из списков; письменное оформление отчисления, выбытия и т. п.’

Чтобы подтвердить тот факт, что три этих существительных тоже являются именами действия, обратим внимание на семантику субстантивов, через которые толкуется их лексическое значение. Так, субстантивы *писани*е (при помощи которого толкуется лексема *дописывание*), *включение*, *внесение* (при помощи которых определяется *вписывание*) и *составление*, *оформление*, *затребование* и *исключение* (через которые толкуются разные значения слова *выписывание*) – все определяются в ССРЛЯ через отсылку к мотивирующим глаголам *писать*, *включать*, *вносить*, *составлять/составить*, *оформлять*, *затребовать* и *исключать*; следовательно, их субстантивные дериваты тоже обозначают процесс. На этом основании логично полагать, что и анализируемые девербативы *дописывание*, *вписывание* и *выписывание*, определяющиеся через эти субстантивы, тоже обозначают процесс.

На наш взгляд, толкование этих девербативов тоже могло быть дано отсылочным способом, как других на -ывание типа: *дописывание* – ‘действие по знач. глаг. *дописывать* (в 1-м и 2-м знач.)’.

В МАС и СОШ значение всех имеющихся там субстантивов на -ывание определяется только отсылочным способом. При этом в СОШ, в отличие от МАС и других толковых словарей, их дефиниции даются непосредственно через название мотивирующего глагола без включения традиционных компонентов структуры отсылочного толкования типа ‘действие по знач. глаг. ...’. См.:

Списывание – ‘Списать, спишу, спишешь; списанный; сов.’.

Теперь обратимся к особенностям отражения существительных на -ывание, восходящих к глаголу *писать*, в СТСЕ (напомним: там их 15). Если во всех предшествующих словарях они представлены как однозначные, выражающие только значение действия, то в этом словаре шесть субстантивов (из 15) даны как однозначные, со значением действия, а девять – как двузначные, включающие значения действия и его результата.

Два значения приписываются следующим субстантивам: *вписывание*, *выписывание*, *дописывание*, *записывание*, *исписывание*, *надписывание*, *недописывание*, *описывание* и *расписывание*. См., например, словарную статью слова *надписывание*:

Надписывание – 1. ‘Процесс действия по гл. надписывать’. 2. ‘Результат такого действия’. (Иллюстративный материал, как известно, в данном словаре не приводится.)

Однако анализ употребления данных девяти существительных в Национальном корпусе русского языка подтвердил наличие значения результата действия только у девербатива *дописывание*, причем лишь в одном высказывании из 16 имеющихся там. См.:

За право напечатать хоть кусочек правды приходилось расплачиваться либо потерями строк, либо смягчающим дописыванием [Евгений Евтушенко. «Волчий паспорт» (1999)]. *Дописывание* здесь – это дополнительно внесённый текст, смягчающий, вуалирующий «кусочек правды». В силу единичности такого употребления считаем возможным причислить существительное *дописывание* к именам действия.

Выше отмечалось, что только значение действия выражают (кроме 16 субстантивов на -ывание) также два девербатива на -ание: *списание* и *прописание* (устар.).

Существительное *списание* отражено в четырёх толковых словарях. В ССРЛЯ, МАС и СТСЕ оно определяется через отсылку к глаголам *списать* и *списаться*, в СОШ – через отсылку к *списать*. См. словарную статью из МАС:

² Подчеркивание слова в дефиниции словаря здесь и далее наше.

Списание – спец. ‘действие по глг. списать (в 4-м и 5-м знач.) и глг. списаться (во 2-м знач.)’. *Списание* устарелого оборудования.

А устаревший субстантив *прописание* зафиксирован только в ССРЛЯ:

Прописание – устар. ‘действие по 2-му знач. глг. прописать’. Конференция постановила следующее: ...занести фамилии наши, с *прописанием* виновности и приговора, в черную книгу [Пушин, Зап. о Пушкине].

Чуть изменив конструкцию, но не смысл приведённого высказывания, субстантив *прописание* можно заменить мотивирующим глаголом *прописать*, см.: ...занести фамилии наши в черную книгу и *прописать* виновность и приговор. Пример подтверждает, что слово *прописание* обозначает действие.

Как видим, из 49 существительных, восходящих к глаголу *писать*, 18 могут обозначать только действие, являя собой результаты синтаксической деривации, называя тот же процесс, что и мотивирующий глагол, только в содержательной форме грамматического предмета. Это 16 существительных на *-ывание* и два на *-ание*.

2. Девербативы, обозначающие не только действия

В нашем языковом материале имеется 21 девербатив с корневым элементом *-пис-*, который наряду со значением типа ‘действие по глаголу...’ может выражать иное значение, иногда не одно. Это шесть субстантивов на *-ание*, 10 на *-ка* и пять с нулевым суффиксом.

Проанализируем вначале существительные на *-ание*. О неоднозначности девербативов с этим компонентом пишет Т. О. Ахильгова, приводя в качестве примера одно из наших существительных – *написание*. Автор отмечает: «*Написание* – это не только процесс, обозначаемый глаголом *написать*, но и особенности графики» [5].

Шесть многозначных субстантивов на *-ание*, типа *написание*, образованных от глаголов типа *написать*, могут обозначать как действие, так и выражать какое-либо другое значение или другие значения. Это слова *писание*, *написание*, *описание*, *подписание*, *предписание* и *приписание* (устар.). В качестве второго значения у этих слов (кроме *написание*) выступает общее значение результата действия.

Возможность данных девербативов выражать не только действие, но и его результат обусловлена соответствующими свойствами их мотивирующих глаголов, и прежде всего самого исходного глагола *писать*.

У глагола *писать* в МАС выделяются следующие значения: 1. ‘Изображать на бумаге или ином материале какие-л. знаки (буквы, цифры и т. п.)’. *Писать* буквы. 2. ‘Письменно составлять какой-л. текст’. *Писать* письмо. 3. ‘Сообщать о чем-л., высказывать что-л. письменно или печатно’. Я *писал* вам... 4. ‘Сочинять, создавать какое-л. словесное произведение’. *Писать* рассказы. 5. ‘Сочинять, создавать музыкальное произведение’. *Писать* балет. 6. ‘Создавать произведение живописи’. *Писать* акварелью³.

Стало быть, глагол *писать* и его глагольные дериваты типа *выписать*, *дописывать*, входящие в группу глаголов изображения [6], обозначают объектный процесс созидательного характера, результатом которого является нечто написанное. Это может быть графический знак (буква, цифра, нотный знак и др.), а чаще это цепочка или цепочки графических знаков, преимущественно букв, т. е. написанное слово, словосочетание, высказывание или текст⁴. Всем этим объектам как результатам «написательного» действия можно дать обобщённое наименование – «графемный артефакт» (опираясь на внутреннюю форму греческого слова *graphē* – ‘начертание’). Причём чаще всего таким графемным артефактом оказывается текст.

У многозначных девербативов в качестве первого значения в словарях даётся, естественно, значение действия, в качестве второго – значение, связанное с отражением результата этого действия, т. е. определённого графемного артефакта. См.:

Предписание – 1. только ед. ‘Действие по гл. предписать, предписывать’. 2. ‘Письменное распоряжение кому-нибудь, приказ’. Секретное *предписание*. Грозные *предписания* следовали одно за другим [ТСУ].

³ В задачи статьи не входит детальный анализ семантики глагола *писать* в современном русском языке (см., например: *писать* = ‘печатать на пишущей машинке’, *писать* = ‘набирать на компьютере’). Это не имеет отношения к выявлению способности мотивированных этим глаголом девербативов обозначать действие.

⁴ Очевидное исключение составляет материальный результат действия, названного глаголом *писать* в значении ‘создавать произведение живописи’. Результат же действия ‘сочинять, создавать музыкальное произведение’ может быть двояким: во-первых, это нотная запись произведения, следовательно, тоже «графемный артефакт», воспринимаемый органами зрения, и, во-вторых, это звучащее музыкальное произведение.

Писание – 1. ‘см. писать’ 2. ‘То, что написано, письмо, сочинение (ирон.)’ Многословное *писанье*. 3. ‘То же, что Священное Писание’ [СОШ].

Аналогичные типы значений выражают также 10 из 13 девербативов на *-ка*: *вписка, выписка, дописка, надписка, отписка, переписка, подписка, приписка, прописка, расписка*. Приведём примеры дефиниций двух субстантивов:

Дописка – В просторечии 1. ‘То же, что дописывание’. 2. ‘То, что дописано; приписка’. В последних вещах чувствуются *дописки*... внесенные в текст «силом» [ССРЛЯ].

Выписка – 1. ‘см. выписать’. 2. ‘То, что выписано из какого-н. текста, документа’. *Выписка* из протокола [СОШ].

Эти же типы значений, связанные с отражением «написательного» действия и его результата – графемного артефакта, отмечаются у пяти (из 10) субстантивов с нулевым суффиксом: *запись, опись, перепись, подпись, роспись*. См., например:

Подпись – 1. ‘Действие по глг. подписать – подписывать (в 1-м и 2-м знач.)’. 2. ‘Фамилия, собственноручно написанная под чем-л. (под каким-л. текстом, рисунком, картиной и т. п.)’. 3. ‘Надпись под чем-л., на чем-л.’ [МАС].

Теперь приведём словарную статью девербатива *запись*, который может выражать ещё третий тип значений, см.:

Запись – 1. ‘действие по глг. записать – записывать (в 1-м, 2-м, 3-м и 4-м знач.)’ *Запись* в школу.

2. ‘То, что является письменной передачей, изложением чего-л.; занесенные на бумагу мысли, замечания и пр.’ Тетрадь с *записями*.

3. *Устар.* ‘Название некоторых официальных документов’. Дарственная *запись*. Духовная *запись* [МАС].

В первом значении девербатив *запись* называет «написательное» действие; во втором – графический артефакт, текст; а в третьем, устаревшем, значении называет носитель текста делового характера. Правда, это значение выражается всем словосочетанием, в структуру которого входит анализируемый субстантив: *дарственная запись, духовная запись*.

Три аналогичных значения имеют существительные *выписка* и *предписание*. Кроме значения ‘действие по глаголу ...’ они могут обозначать и текст соответствующего характера (*выписка* – ‘выдержка, цитата’, *предписание* – ‘официальное распоряжение’), и деловую бумагу, содержащую данный текст (например: *принесли выписку из протокола собрания* или *возьмите предписание*).

Итак, из 49 отглагольных существительных 21 (шесть на *-ание*, 10 на *-ка* и пять с нулевым суффиксом) может обозначать и действие, и его результат, нечто написанное, обычно текст, а иногда ещё и материальный носитель текста, некий документ. Значение ‘результат действия (текст)’ у проанализированных выше существительных возникает путем переноса по смежности их первичного значения ‘действие’, а значение ‘материальный носитель текста, документ’ девербатив получает путем метонимического переноса значения ‘результат действия (текст)’. Такие трёхзначные девербативы являются классическими примерами цепочной полисемии [7].

3. Девербативы, не способные обозначать действия

Для нашего дальнейшего исследования – выявление аспектуальных свойств существительных, восходящих к глаголу *писа́ть*, – необходимо определить состав тех девербативов, которые обозначают или способны обозначать действие. Существительные же с иной семантикой не являются объектом нашего специального рассмотрения – мы только назовём эти субстантивы, указав значения устаревших слов.

Из 49 анализируемых девербативов (на *-ывание, -ание, -ка* и с нулевым суффиксом) 10 не способны обозначать процесс, причём четыре из них являются устаревшими. Во-первых, это пять субстантивов (из 10) с нулевым суффиксом: *надпись, пропись* и три устаревших слова: *выпись* (‘то, что выписано откуда-либо; выдержка, цитата’ – МАС), *припись* (‘подпись’ – ССРЛЯ) и *подпись* (‘фамилия, собственноручно написанная под чем-либо’ – МАС). Во-вторых, это три субстантива на *-ка* (из 13): *записка, описка* и *недописка*. И, в-третьих, два слова на *-ание* (из 10): *расписание* и устаревшее *надписание* (‘то же, что надпись’ – ССРЛЯ).

Таким образом, деривационное гнездо глагола *писа́ть* включает 49 существительных, образованных по моделям, словообразовательное значение которых может быть связано с отражением действия. Анализ языкового материала показал, что 39 девербативов способны обозначать действие: 18 из них обозначают только действие, являясь результатом синтаксической деривации, а 21 девербатив может обозначать и действие, и в абсолютном большинстве случаев его результат, т. е. нечто написанное, обычно текст делового характера. Следовательно, все эти субстантивы, обозначая действие, могут иметь в своей содержательной структуре определенный аспектуальный компонент.

Примечания

1. Русская грамматика: Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология. Т. 1 / гл. ред. Н. Ю. Шведова. М.: Наука, 1980. С. 157, 160, 223.
2. Там же. С. 157.
3. Курилович Е. Деривация лексическая и деривация синтаксическая // Очерки по лингвистике. М., 1962. С. 62; Улуханов И. С. Единицы словообразовательной системы русского языка и их лексическая реализация. М., 1996. С. 150.
4. Яцкевич Л. Г. Вопросы русского формообразования: функционально-типологический подход в морфологии (на примере имён существительных). Минск, 1987. С. 43; Руделев В. Г. Динамическая теория частей речи // Вестник Тамбов. ун-та. Сер. «Гуманитарные науки». Тамбов, 1996. Вып. 1. С. 85.
5. Ахильгова Т. О. Комплексная характеристика отглагольных существительных с суффиксами -ни(е)/-ени(е)/-ани(е)/-ти(е)/-и(е) в современном русском языке // *Lingua-universum*. 2007. № 3 (май-июнь). С. 22.
6. Камзина С. Л. Полиситуативность русских глаголов изображения в деривационно-мотивационном аспекте: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Кемерово, 2013. 27 с.
7. Апресян Ю. Д. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. М.: Наука, 1974. С. 182.

Словари

- Тихонов А. Н. Словообразовательный словарь русского языка: в 2 т. Ок. 145 000 слов. Т. 2. 2-е изд., стер. М.: Рус. яз., 1990. 944 с.
- ССРЛЯ: Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. / под ред. А. М. Бабкина, С. Г. Бархударова, Ф. П. Филина и др. М.; Л., 1948–1965.
- МАС: Словарь русского языка: в 4 т. / АН СССР, Ин-т рус. яз.; под ред. А. П. Евгеньевой. 2-е изд., испр. и доп. М.: Рус. яз., 1981–1984.
- ТСЕ: Ефремова Т. Ф. Современный толковый словарь русского языка: в 3 т. М.: АСТ, 2006.
- СОШ: Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / Российская академия наук. Институт русского языка им. В. В. Виноградова. 4-е изд., доп. М.: ООО «А ТЕМП», 2006. 944 с.
- ТСУ: Ушаков Д. Н. Толковый словарь современного русского языка: Около 100 000 слов. М.: Альта-Принт, 2005. 1216 с.

Notes

1. *Russkaya grammatika: Fonetika. Fonologiya. Udarenie. Intonaciya. Slovoobrazovanie. Morfologiya* – Russian grammar: Phonetics. Phonology. Emphasis. Intonation. Word formation. Morphology. Vol. 1 / chief ed. N. Y. Shvedova. M. Nauka. 1980. Pp. 157, 160, 223.
2. Ibid. P. 157.
3. Kurilovich E. *Derivaciya leksicheskaya i derivaciya sintaksicheskaya* [Lexical derivation and syntactic derivation] // *cherki po lingvistike* – Essays in linguistics. M. 1962. P. 62; Uluhanov I. S. *Edinicy slovoobrazovatel'noj sistemy russkogo yazyka i ih leksicheskaya realizaciya* [Units of the derivational system of Russian language and their lexical realization]. M. 1996. P. 150.
4. Yackevich L. G. *Voprosy russkogo formoobrazovaniya: funkcional'no-tipologicheskij podhod v morfologii (na primere imyon sushchestvitel'nyh)* [Questions of the Russian of morphogenesis: a functional-typological approach to morphology (for example nouns)]. Minsk. 1987. P. 43; Rudelev V. G. *Dinamicheskaya teoriya chastej rechi* [Dynamic theory of parts of speech] // *Vestnik Tambov. un-ta. Ser. «Gumanitarnye nauki»* – Herald of Tambov Univ. Ser. "Humanities". Tambov. 1996. Is. 1. P. 85.
5. Ahil'gova T. O. *Kompleksnaya harakteristika otglagol'nyh sushchestvitel'nyh s suffiksami -ni(e)/-eni(e)/-ani(e)/-ti(e)/-i(e) v sovremennom russkom yazyke* [Complex characteristics of verbal nouns with suffix -ni(e)/-ени(е)/-ани(е)/-ти(е)/-и(е) in the modern Russian language] // *Lingua-universum*. 2007, No. 3 (May-June), p. 22.
6. Kamzina S. L. *Polisituativnost' russkih glagolov izobrazheniya v derivacionno-motivacionnom aspekte: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Polysituationality of Russian verbs of depicting in the pressure-motivational aspect: abstract of dis. cand. philol. sciences]. Kemerovo. 2013. 27 p.
7. Апресян Ю. Д. *Leksicheskaya semantika. Sinonimicheskie sredstva yazyka* [Lexical semantics. Synonymous means of language]. M. Nauka. 1974. P. 182.

Dictionaries

- Tikhonov A. N. *Slovoobrazovatel'nyj slovar' russkogo yazyka: v 2 t. Ok. 145 000 slov* [Word-formation dictionary of Russian language: in 2 vol. Approx. 145 000 words]. Vol. 2. 2nd publ., ster. M. Rus. yaz. 1990. 944 p.
- ССРЛЯ: *Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka: v 17 t.* – Dictionary of modern Russian literary language: in 17 volumes / ed. by A. M. Babkina, S. G. Barhudarov, F. P. Filin, and others. M.; L. 1948-1965.
- МАС: *Slovar' russkogo yazyka: v 4 t.* – Russian Dictionary: in 4 vol. / AS USSR, In-t Rus. lang.; under the editorship of A. P. Evgenieva. 2nd publ., rev. and add. M. Rus. yaz. 1981-1984.
- ТСЕ: *Efremova T. F. Sovremennyyj tolkovyj slovar' russkogo yazyka: v 3 t.* [Modern explanatory dictionary of Russian language: in 3 vol.]. M. AST. 2006.

СОШ: Ozhegov S. I., SHvedova N YU. *Tolkovyj slovar' russkogo yazyka: 80 000 slov i frazeologicheskikh vyrazhenij* [Dictionary of Russian language: 80 000 words and phraseological expressions] / Russian Academy of Sciences. Russian language Institute n.a. V. V. Vinogradov. 4th publ., add. M. 000 "A TEMP". 2006. 944 p.

TSU: Ushakov D. N. *Tolkovyj slovar' sovremennogo russkogo yazyka: Okolo 100 000 slov* [Dictionary of the modern Russian language: About 100,000 words]. M. Al'ta-Print, 2005. 1216 S.

УДК 821. 161. 1 – 3 Трифонов + 82. 091

Е. А. Новосёлова

Поэтика повседневной детали в цикле Ю. В. Трифонова «Опрокинутый дом»

В статье анализируется поэтика повседневной детали на материале цикла рассказов Ю. В. Трифонова «Опрокинутый дом» (1980). Творческая практика писателя продемонстрировала, что «малая» форма рассказа всегда предшествовала «крупной» – повести или роману. Вместе с формой изменяется и поэтика: повествовательная организация, композиционное оформление, а также – функции повседневной детали. «Множественный» детализированный мир в итоговом цикле Ю. Трифонова сворачивает до «точечных» деталей, которые отражают не частицу повседневного, но – вбирают эпоху. За деталью кроются воспоминания, чувства, люди, города. Изменяется, таким образом, и функционирование повседневной детали. Так, анализ рассказов цикла продемонстрировал, что «свернутая» деталь организует пространственно-временную протяженность цикла; интегрирует, соединяет в себе Время и Место, обеспечивая единство этих категорий; способствует образованию «формул экзистенции» – неких экзистенциальных законов, универсальных смыслов, выведенных из повседневного опыта. Функции «свернутой» детали позволяют говорить об «уплотненной» структуре текста и о «формульности» как доминанте поэтики «позднего» творчества Ю. Трифонова.

The article analyses the poetics of everyday detail based on the cycle of the stories by Yu. V. Trifonov "Overturned house" (1980). The creative practice of the writer has demonstrated that "small" form of the story was always preceded by "big" – the story or the novel. The poetics is changed along with the form: narrative organization, composition and functions of everyday detail. Multi-detailed world in the last cycle Yu. Trifonov collapses to a "point" of details that reflect not only the part of everyday life but rather reflect the era. Details cover the memories, the feelings, people, cities. Therefore, the functioning of everyday detail is changed. Thus, the analysis of the stories of the cycle showed that the "rolled" detail organizes the space-time extent of the cycle; integrates, combines Time and Place, ensuring the unity of these categories; promotes the formation of "formulas of existence" – certain existential laws, universal meanings derived from everyday experience. Functions of "rolled" detail allow to speak about "compacted" structure of the text and about "formulas" as the dominant of poetics of "late" works by Yu. Trifonov.

Ключевые слова: Ю. В. Трифонов, цикл «Опрокинутый дом», русская литература 1970-х гг., повседневность, художественная деталь.

Keywords: Yu. V. Trifonov, "Overturned house" cycle, Russian literature of the 1970-ies, everyday life, fiction detail.

В статье, посвященной К. Паустовскому, Ю. Трифонов вспоминает мысль, высказанную на одном из семинаров: «...искусство писать есть искусство вычеркивать» [1]. Творчество писателя подтверждает этот процесс: от ранних текстов, которые Трифонов иронично обозначил «пахло мокрыми заборами», он пришел к созданию плотной, концентрированной прозы второй половины 1970-х гг.

Творческая практика Ю. Трифонова продемонстрировала, что малая форма рассказа всегда предшествовала крупной – повести или роману. В рассказах писатель ищет новые темы, художественные приемы, образы и т. д. Так, роман «Утоление жажды» (1963) предваряли два сборника «туркменских» рассказов, а повести «московского» цикла (1969–1975) – рассказы, написанные во второй половине 1960-х («Вера и Зойка», «В грибную осень», «Голубиная гибель», «Путешествие» и др.). Найденный в произведениях 1960–1970-х гг. («московские» повести, «Дом на набережной», роман «Нетерпение») стиль письма сделал Трифонова «выразителем умонастроений <...> интеллигенции» [2], и в последующих текстах – «главных», по авторскому определению, романах «Старик» (1978), «Время и место» (1980) – писатель еще более расширил, углубил, усложнил собст-

венную художественную концепцию. Однако почти одновременно с обширным, подробным, «рыхлым» «Временем и местом» создавался предельно лаконичный цикл «Опрокинутый дом», что, скорее всего, свидетельствует о том, что Трифонов стоял на пороге нового этапа творчества. Итоговые рассказы в связи с этим видятся не столько началом нового этапа творческой эволюции, сколько завершающей ступенью. В последнем цикле писатель возвращается к жизненным событиям, не описанным в предыдущих текстах, «дочерпывает» смыслы, которые можно из них извлечь. Семь рассказов «Опрокинутого дома», говоря словами главного героя «Времени и места» Саши Антипова, – это «знание, исчерпанное до дна» [3].

В романе «Время и место» авторская сверхзадача – вспомнить все, рассказать о целой жизни – продиктовала необходимость использования особых приемов: введения *нескольких повествователей*, включения *снов*, «дочерпывающих» повседневность, *героя-писателя* – как фигуру, наиболее чутко реагирующую на изменяющуюся действительность и др. Итоговый цикл с его обновляющейся поэтикой не нуждался в столь же сложной повествовательной организации: здесь достаточно одного – впервые введенного – автобиографического героя, который не последовательно излагает историю, но – точно останавливается на ключевых и «недочерпанных» во «Времени и месте» моментах собственной биографии.

В обновляющуюся поэтику включается и изменение функции повседневной детали. Еще в рассказах конца 1960-х гг., предвещающих «московский» цикл, зарождается один из первичных приемов трифоновского письма – детализация. Именно за «умножение» повседневных подробностей – описание «обшарпанной штукатурки», обоев, книжных полок, квитанций, болезней и т. д. – критики 1970-х гг. клеймили Трифонова как «бытописателя» [4]. В итоговом цикле писатель не отказывается от найденного приема, однако деталь выполняет в «Опрокинутом доме» иные функции. Если в более ранних произведениях детализированный мир создавал объемность – частной жизни, времени и т. д., – то в итоговом цикле писатель сворачивает множественные подробности до одной детали, за которой скрыт контекст. В рассказах цикла деталь вмещает в себя не просто частицу повседневного, но – вбирает эпоху; за ней кроются воспоминания, чувства, люди, города.

Точечное прикосновение к «недочерпанным» темам организует пространственно-временную протяженность цикла. Так, в рассказах воссоздается широкий временной охват, вобравший в себя почти весь XX в.: с 1910 г. по 1980-й, где каждая временная точка являет собою как момент Большой Истории, так и очередное начало *меня*. В этот промежуток Трифонов включает значимые и определяющие события общероссийского и личного масштаба: Революция и 1917-й, перевернувший историю страны и ставший временем, когда «начинались мы»; 1920-е гг. и 1927-й – в частности, повествующие о периоде становления зародившегося государства и стремительно развивающейся военно-политической карьере отца – В. Трифонова; 1942–1943 военные годы и работа Ю. Трифонова на авиационном заводе; история 1950-х гг., связанная с переломными моментами в Большой Истории – с одной стороны, а с другой – с личным творческим кризисом, с «муками немоты»; 1964-й и Олимпиада в Инсбруке, где Трифонов работает в качестве спортивного журналиста. Созданные в этот период произведения – спортивные заметки, сборники туркменских рассказов, роман «Утоление жажды» – способствовали формированию «нового» трифоновского письма. Конец 1970-х и путешествия (Лас-Вегас, Финляндия, Италия и др.), которые позволили сформулировать идеи о связанности всего живого, эксплицированные в цикле «Опрокинутый дом» в таких тезисах, как «все на свете связано друг с другом», «все в этом мире мои родственники». Рефлексия о главных событиях, воспринимаемых сквозь призму «здесь и сейчас», датируется, как уже отмечено выше, 1980-м. Характерно, что в итоговый цикл не включаются ни 1937-й, ни 1953-й: и последнее не-прощание с отцом, и «март с ледяными ветрами» были описаны в двух главах «Времени и места».

Обозначенные временные точки организуют пространственную широту цикла: дом на Масловке, Репихово, Витебск, Ростов, Новочеркасск, Крым, Дженцано, Рим, Инсбрук, Тироль, Сицилия, Батум, Константинополь, Салоники, Берлин, Париж, Польша, Сен-Поль, Лас-Вегас, Китай, Лахти, Хельсинки, Ювяскюль, Москва.

Развертывая пространственно-временную протяженность, деталь, с другой стороны, *содержит, интегрирует* в себе Время и Место. Трифонов сказал однажды, что Время является главным героем его прозы, и ко всем заглавиям его произведений правомерно было бы добавить «приставку» «Время» [5]. В центральном рассказе цикла «Опрокинутый дом» писатель вновь обращается к осмыслению Времени, связывая его с категорией Места (*Дома*), что позволяет сформулировать магистральную мысль, помещенную в зачин: «*потому что какая разница – где?*».

Повседневные детали в рассказе – части «расслоенного» дома, составляющие жизни, – перемещаются памятью то в Репихово, то в Лос-Анджелес. Построенные на взаимоотражающих на-

чалах, «перемешанные» повседневные подробности обеспечивают *единство Времени и Места*: «Ну вот, я начал писать про Лас-Вегас, как мы прилетели туда всемером: очаровательная Лола со своей <...> дочкой Сузи, с гигантом Бобчиком, <...> мальчиком по имени Крис, а также старик Стив, его жена Рут и я, – и увидели слиток золота в иллюминатор, но тут я вспомнил про Борю. <...>. В пятницу я ему позвонил и хотел зайти, он болел уже несколько дней, ни о чем серьезном никто не думал, и мне сказали, что он поехал на рынок покупать арбуз <...>. Я не увидел его больше никогда» [6]; «Они привезли меня сюда все это показать. Но я видел. Я догадался. Я знал. Потому что какая разница – где? В зале, <...> где стоит гул многих сотен голосов, стук автоматов, <...> или же – на летней верандочке в деревне Репихово <...>» [7].

Понятие *дома* становится для писателя *опорной точкой повседневности*. В образе дома объединяются устойчивые для Трифонова категории Времени и Места, повседневности, исчезновения, памяти: «Внутри лунного пейзажа, внутри этих кратеров, многоэтажных башен, кружения огней среди ночи *таится знакомое: я вижу свой дом, но в перевернутом виде. Он как бы расплескивается, расслаивается, отражаясь в воде. Всегда, когда уезжаю далеко, я вижу свой опрокинутый, раздробленный дом. Он плавает кусками в воде*» (курсив наш. – Е. Н.) [8]. Имманентная целостность, каковую представляется *неперевернутый* дом, что описано, например, в начале повести «Отблеск костра» или романа «Исчезновение», расщепляется на осколки, распадается, «расслаивается»; и процесс от осознания «опрокинутости» собственного дома до узнавания *Себя* во Времени и Месте – то есть путь от максимальной обрывочности к феноменологии – это процесс воссоединения раздробленных частей в конечное единство. «Слои» «раздробленного» дома – опыт, история, люди, города, повседневность и т. д. – составляющие не только *Моей*, но и общечеловеческой жизни, – объединяются в воде, которая символизирует всеобъемлющее общее пространство: нескончаем и неизменен поток вечной жизни, в который включена и моя жизнь тоже.

Кроме того, «расслоенные» детали дома соединяются «нитьями»: «Я подумал, что нить, которая соединяет два таких непохожих местечка, очень простая: она состоит из любви, смерти, надежд, разочарований, отчаяния и счастья, краткого, как порыв ветра» [9]. Подобные авторские квинтэссенции, предельно лаконичные, сжатые выводы, извлеченные из повседневности, позволяют говорить о еще более «уплотненной» структуре текста, о его «*формульности*». Это означает, что в итоговом цикле возникают «*формулы экзистенции*» – некие *экзистенциальные законы*, универсальные смыслы, выведенные из предыдущего личного и творческого опыта, рассредоточенные на протяжении всех рассказов цикла: «Нельзя править то, что не подлежит правке, что недоступно прикосновению – то, что течет сквозь нас» [10]; «...все сплетено искусно, и если потянуть нитку в устье, она непременно обнаружится и затрепещет в истоке» [11]; «...все имеет отношение ко всему. Все живое связано друг с другом» [12].

Таким образом, множественность деталей скручивается, уплотняется, а сжатая деталь, в свою очередь, способствует образованию «формулы». Повседневная деталь выполняет по отношению к «формуле» *конкретизирующую, уточняющую функцию*.

При исследовании предметного мира А. П. Чехова А. Чудаков замечает: Предметная деталь <...> является его [эпизода художественного произведения] смысловой завершенностью. Через деталь, предмет – высвечивается черта характера, стиль поведения или жизни героя» [13]. Так, например, рассказ «Кошки и зайцы», повествующий о повторном посещении Италии, первое знакомство с которой случилось восемнадцать лет назад, начинается с тезиса – «тогда меня все ошеломяло» [14]. Описание повседневных деталей, представленных в тексте, – совокупность тогда «ошеломляющих» подробностей: «В ресторане на веранде, где воздух дрожал от жары, где лежала тень от платанов, вокруг столиков бегали во множестве дети, на каменных плитах, забившись в углу, где попрохладнее, дремали жалкие собачонки вроде тех, которых любил рисовать Карпаччио...», – позволяет сделать вывод о жизни как «постепенной пропаже ошеломительного» [15].

Деталь конкретизирует свойство времени, способное раскидывать людей и расставлять все на свои места, что представлено в рассказе «Вечные темы». Действие рассказа разворачивается в Италии, где Трифонов неожиданно получает записку от некогда знакомого человека – бывшего редактора одного из журналов. После длительного периода литературного молчания с середины 1950-х до середины 1960-х гг., названных впоследствии писателем «муками немоты», он приносит в редакцию знаменитого журнала «кучку рассказиков», которые были отвергнуты. Время меняет образ бывшего редактора: он уже не «лицо судьбы», а человек «с опустевшим лицом». Это подтверждается и повседневной подробностью – «...и только белье на веревках на пепельных стенах говорило о *невидимой жизни*» (курсив наш. – Е. Н.) [16]. Авторское понимание повседневности как жизни *видимой и ощущаемой* приводит к идентификации Я со Временем и Местом, что было описано Трифоновым в одноименном романе. В рассказе «Вечные темы» необходимость идентификации осмысливается в образе Закса, произносящего «– Еще надеетесь поразить мир?

<...> Извините мою злость. Я зол, потому что прощаюсь» [17]. Отсутствие идентификации у бывшего редактора – отсюда «злость» – оттеняется описанием окружающего его «повседневного»: «... все вокруг было какое-то *оцепенелое, уставшее жить*» (курсив наш. – Е. Н.) [18].

Эта история свидетельствует о преждевременности, «предварительности» итогов: тогда отвергнутая «жалковатая рукопись» была синонимом окончательного поражения, однако не мешала впоследствии Трифонову стать писателем. В рассказе это понимание эксплицируется в «формуле»: «...человек не понимает своей судьбы в тот час, когда судьба творится, понимание является задним числом, я лишь чувствую, что этот миг – судьбоносный» [19].

В финальном рассказе цикла «Серое небо, маечки и рыжая лошадь» сформулировать конечный вывод Трифонову позволяет *единственная* сохранившаяся в памяти деталь. Этот рассказ повествует о поездке Трифонова в Финляндию, где он провел первые годы своей жизни. Путешествие в Финляндию становится знаковым еще и потому, что он знакомится со старушкой, знавшей и помнящей его отца, Валентина Трифонова. Записывая то единственное, что «сохранила память» человека почти векового возраста: «Ваш отец был очень вежливый, корректный и хорошо обращался с низшим персоналом. Чего нельзя было сказать про других. В особенности которые другой нации ...» [20], Трифонов *формулирует концепцию жизни*, заключенную в кольцо: «Вот что странно: все уместается внутри кольца. Вначале была лошадь, потом возникла опять совершенно неожиданно. А все остальное – в середине» [21].

Последний рассказ выявляет не традиционную в трифоноведении оппозицию памяти – забвение, но – выстраивает иную: *память/исчезновение*, что оказывается слитым в единую точку в финальном рассказе «Серое небо, маечки и рыжая лошадь». Завершая цикл, писатель констатирует: память – это спасение, это инструмент скрепления Времени и Места, но память – это и бездна, и чем темнее, чем глубже – тем труднее вспомнить. Конец – когда и память исчезает.

В цикле «Опрокинутый дом» Трифонов находит новую технику письма. На протяжении всего творчества «вычеркивая», отсекая «излишние» подробности, Трифонов проходит путь от «умножения» детали к ее сворачиванию, предельному сжатию. Свернутая деталь организует пространственно-временную протяженность, интегрирует в себе категории Времени, Места, памяти, исчезновения и др. «Скрученная» деталь способствует возникновению «*формулы экзистенции*» – неких универсальных законов существования, эксплицированных частично в финалах поздних романов, но в большей степени – в итоговой книге. «Формульность» становится доминантой «новой» поэтики Ю. Трифонова.

В книге «Отблеск личности» О. Р. Трифонова вспоминает историю, связанную с повестью «Дом на набережной»: «Я помню, Юра прочел мне главу о военных днях Дома. Глава была очень хорошей, но потом, перечитывая рукопись, я ее не обнаружила. На вопрос, куда она подевалась, Юра ответил, что убрал ее. *“Она торчала как гвоздь”*...» (курсив наш. – Е. Н.) [22]. Посредством постоянного «вычеркивания», убирания «гвоздей» – неровностей, «лишних» подробностей – из своих текстов Трифонов в цикле «Опрокинутый дом» вырабатывает «плотный» тип письма, где каждая деталь скрывает большой контекст.

На эту особенность поздней прозы Ю. Трифонова указала Н. Иванова: в объемные предложения писатель вмещает множество реалий разного порядка. В одном предложении бытовые подробности соседствуют с размышлениями о смерти, жизни и т. д., что свидетельствует о том, что все «проявления жизни» имеют «равнозначный» характер [23]. Рядоположение «свернутых» деталей способствовало изображению жизни как единого «организма» (Трифонов), образовало неиерархичную художественную реальность с авторской всеохватывающей, феноменологической установкой: мир – это целое, одно просвечивает сквозь другое, все переплетено, «связано друг с другом», мир замкнут в своей идентичности, конец равен началу: «Я подумал о толстых книгах в отеле “Штубенталь”: в самом деле, нет ничего в этом мире, кроме снега, солнца, музыки, девушек и мглы, которая наступает со временем» [24].

Примечания

1. Трифонов Ю. В. Как слово наше отзовется... / сост. А. П. Шитов; вступ. ст. Л. А. Аннинского; примеч. О. Р. Трифоновой, А. П. Шитова. М.: Сов. Россия, 1985. С. 180.
2. Селеменова М. В. Художественный мир Ю. В. Трифонова в контексте городской прозы второй половины XX века: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2009. С. 2.
3. Трифонов Ю. В. Время и место // Трифонов Ю. В. Дом на набережной. Исчезновение. Время и место. М.: Известия, 1988. С. 286–555.
4. Иванова Н. Б. Проза Ю. Трифонова. М.: Сов. писатель, 1984. С. 9–33.
5. Трифонов Ю. В. Как слово наше отзовется...
6. Трифонов Ю. В. Опрокинутый дом // Трифонов Ю. В. Старик. М.: АСТ: Астрель, 2011. С. 310.
7. Там же. С. 307.

8. Там же. С. 311.
9. Там же. С. 321.
10. Там же. С. 284–285.
11. Там же. С. 340.
12. Там же. С. 310–311.
13. Чудаков А. П. Поэтика Чехова. Мир Чехова: возникновение и утверждение. СПб.: Азбука: Азбука-Аттикус, 2016. С. 157.
14. Трифонов Ю. В. Опрокинутый дом // Трифонов Ю. В. Старик. М.: АСТ: Астрель, 2011. С. 282.
15. Там же. С. 282.
16. Там же. С. 290.
17. Там же. С. 292.
18. Там же. С. 290.
19. Там же. С. 286.
20. Там же. С. 348.
21. Там же. С. 349.
22. Трифонова О. Р. Юрий Трифонов. Отблеск личности / сост. Н. Г. Катаева. М.: Галерея, 2015. С. 394–395.
23. Иванова Н. Б. Указ. соч.
24. Трифонов Ю. В. Опрокинутый дом // Трифонов Ю. В. Старик. М.: АСТ: Астрель, 2011. С. 296.

Notes

1. Trifonov U. V. *Kak slovo nashe otzovetsay ...* [How our words will respond ...]. Moscow. Sovetskaay Russia. 1985. P. 180.
2. Selemenewa M. V. *Hudozhestvenniy mir U. V. Trifonova v kontekste gorodskoy rrozi vtoroy polovini XX veka* [Creation by U. Trifonov in the context of urban prose of the second half of the twentieth century]. The synopsis of Doct. Sci. (Philology) diss. Moscow State Humanitarian University by M. Sholohov. 2009. P. 2.
3. Trifonov U. V. *Vremay i mesto* [Time and place] // *Dom na naberezhnoy. Ischeznovenie. Vremay i mesto* [The House on the embankment. Disappearance. Time and place]. Moscow. Izvestiay. 1988. P. 494.
4. Ivanova N. B. *Proza Uriy Trifonova* [The prose by U. Trufonov]. Moscow. Sovetskiy pisatel. 1984. P. 9 – 33.
5. Trifonov U. V. *Kak slovo nashe otzovetsay ...* [How our words will respond ...]. Moscow. Sovetskaay Russia. 1985.
6. Trifonov U. V. *Oprokinutiy dom* [The overturned house]. *Starik* [The old men]. Moscow. AST Astrel. 2011. P. 310.
7. Ibid, P. 307.
8. Ibid, P. 311.
9. Ibid, P. 321.
10. Ibid, P. 284–285.
11. Ibid, P. 340.
12. Ibid, P. 310–311.
13. Chudakov A. P. 2016. *Poetika Chehova. Mir Chehova: vzniknovenie i utverzhdenie* [The poetics of Chehov. The world of Chehov. The beginning and the statement]. Saint Petersburg. Azbuka: Azbuka-Atticus. 2016. P. 157.
14. Trifonov U. V. *Oprokinutiy dom* [The overturned house]. *Starik* [The old men]. Moscow. AST Astrel. 2011. P. 282.
15. Ibid. P. 282.
16. Ibid. P. 290.
17. Ibid. P. 292.
18. Ibid. P. 290.
19. Ibid. P. 286.
20. Ibid. P. 348.
21. Ibid. P. 349.
22. Trifonova O. R. *Otblesk lichnosti* [A reflection of the person]. Moscow. Galeria. 2015. P. 394–395.
23. Ivanova N. B. *Proza Uriy Trifonova* [The prose by U. Trufonov]. Moscow. Sovetskiy pisatel. 1984.
24. Trifonov U. V. *Oprokinutiy dom* [The overturned house]. *Starik* [The old men]. Moscow. AST Astrel. 2011. P. 296.

Жанрово-композиционное своеобразие романа О. Волкова «Погружение во тьму»

Статья посвящена анализу жанрово-композиционного своеобразия воспоминаний О. В. Волкова «Погружение во тьму», занимающих промежуточное положение между художественной и документальной литературой. Жанр книги определен как мемуарный роман. Однако она имеет синтетическую жанровую природу, в ней можно выделить черты автобиографии, дневника, исторической и мемуарной хроники, путешествия, жития. Сложность выбранного жанра определяет особенности композиции мемуарного романа «Погружение во тьму». Композиция произведения представляет собой многогранную структуру, обогащенную публицистическими и лирическими вставками, цементирующую роль в которой играют лейтмотивы пути, света и тьмы. Оппозиция света и тьмы определяет художественную концепцию романа как восхождение через тьму безверия и насилия к свету, который неразрывно связан в сознании мемуариста с духовностью и религией.

The article analyzes the composition and genre peculiarities of Oleg Volkov's memoirs "Sinking into Darkness", which are taking an intermediate position between fiction and nonfiction. The book genre can be defined as an autobiographical novel. But it has a synthetic nature of the genre, there are traits of autobiography, diary, historical and memoir chronicle, journey and life in it. The complexity of the selected genre defines features of composition of the memoir novel "Sinking into Darkness". The composition of the work represents a many-sided structure, enriched with journalistic and lyrical accents. The cementing role in this structure is played by the key-notes of path, light and darkness. The opposition of light and darkness determines the artistic composition of the novel as a rise through the darkness of unbelief and force to the light, which is intimately linked in memorialist's mind to spirituality and religion.

Ключевые слова: мемуары как жанр, мемуарный роман, композиция, документальность, мотив пути, мотив света и тьмы, литература о лагерях.

Keywords: memoirs as a genre, autobiographical novel, composition, documentary, motif of path, motif of light and darkness, camp literature.

О. В. Волков определяет главный художественный труд своей жизни «Погружение во тьму» как воспоминания. Книга имеет синтетическую жанровую природу, в ней можно выделить черты автобиографии, дневника, исторической и мемуарной хроники, путешествия, жития.

Гр. Калюжный характеризует воспоминания Волкова как документальную эпопею [1]. Сравнивает «Погружение во тьму» с эпопеями «Война и мир» Л. Толстого: «Полное отсутствие выдуманных сюжетов, экспериментов и всякого рода исследований в области уровней человеческого бытия должно быть учтено при оценке писателя. Он описывает действительность в той мере, в какой она может прояснить истину всеобщего или человеческого характер» [2].

Исследователь А. Сафронов «Погружение во тьму» О. Волкова определяется как автобиографический роман [3].

Эту мысль подтверждает Л. Лосев, который указывает на романное начало в любом мемуарном тексте: «Нам кажется, что в основном мемуары суть разновидность одного из жанров художественной прозы, а именно романа. Любое мемуарное произведение – это роман, в котором в качестве материала использованы не фиктивные, а реальные события. Разновидности мемуаров легко различимы по тем же структурным принципам, что и разновидности романов: мемуары монологические (в основе – судьба, карьера героя-автора, развитие его отношений с миром <...>), мемуары полифонические (в основе – многие образы-голоса: 2-й и 3-й тома «Былого и дум», «Люди. Годы. Жизнь» Эренбурга), мемуары эпические (в основе – ход времени, портрет эпохи: 1-й том «Былого и дум», отчасти «На рубеже двух столетий» Белого), мемуары орнаментальные, «с установкой на выражение», пользуясь формалистским жаргоном (Паустовский, Катаев)» [4].

В связи с этим «Погружение во тьму» можно охарактеризовать как эпический мемуарный роман, роман-мемуары, так как в центре внимания писателя портрет эпохи. Этому отвечает его художественная правда, достоверность описываемых событий, обилие публицистических отступлений, социальная и политическая критика, а также исповедальный, дневниковый тон, динамизм развития действия и психологические зарисовки.

Книга имеет историко-публицистический характер. Повествование основано на реальных событиях жизни О. Волкова, представляет собой авторские воспоминания, насыщенные переживаниями и размышлениями. Однако произведение нельзя воспринимать как сугубо документальное. Исторические события для О. Волкова являются материалом для широкого художественного обобщения, свойственного романному жанру. Он так определяет свою творческую задачу: «...Я рассказываю о жизни подлинной, не выдуманной, тщусь на судьбе одного интеллигента, застигнутого революцией в юношеском возрасте, дать по возможности правдивую картину тех мытарств, что выпали на долю русских образованных сословий с октября семнадцатого года» [5].

Важную роль в поэтике мемуаров как художественного текста играет композиционное своеобразие, поскольку отражает авторскую позицию в диалоге с читателем, раскрывает замысел произведения и является главным инструментом в воссоздании картин исторического прошлого. Особо значимы следующие репрезентативные элементы поэтики романа: рамочные компоненты текста, композиция, сюжет, внесюжетные элементы и вставные документы.

Заголовочный комплекс романа О. Волкова «Погружение во тьму» определяет основную идею произведения – наступление темных времен. Мотив погружения страны во тьму бездуховности, в ад, раскрывающийся в тексте произведения, вынесен в заголовок и отражен в эпитафиях из стихотворения Ф. И. Тютчева «Цицерон» и «Откровения святого Иоанна»:

...Я поздно встал, и на дороге

Застигнут ночью Рима был.

(Ф. И. Тютчев. Цицерон)

И я взглянул, и вот, конь бледный и на нем всадник, которому имя смерть, и ад следовал за ним...

Откровение св. Иоанна (гл. 6, стих 8).

Произведение имеет подзаголовок «Из пережитого», указывающий на мемуарный характер повествования, на достоверность описываемых событий.

Книга О. Волкова «Погружение во тьму» композиционно разделена на десять глав, имеет вступление и послесловие.

Вступление рисует образ заключенного в одиночной камере. Этому эпизоду своей биографии Волков придает особое значение, поскольку именно в этой одиночке Архангельской тюрьмы впервые в тяжелых условиях возникли сомнения в вере, которые были преодолены много позднее: «...мне особенно беспощадно и обнаженно открылось, как велика и грозна окружающая нас “пылающая бездна”. Как неодолимы силы затопившего мир зла! И все попытки отгородиться от него заслонами веры и мифов о Божественном начале жизни показались мне тогда жалкими, несостоятельными» [6].

Вступление раскрывает значение заглавия. Погружение во тьму для автора – это погружение в пучину бездуховности, безнравственности, которые установила советская власть, проповедуя классовую ненависть, поощряя доносы, ставя вне закона терпимость и мягкосердечие: «Началось погружение в пучину бездуховности, подтачивание и разрушение нравственных устоев общества» [7].

В послесловии автор представляет историю создания и публикации своих лагерных воспоминаний, определяя свои творческие цели.

Предисловие и послесловие носят публицистический характер. Автор выражает в них свои главные мысли о морали тоталитарного государства, основных пороках новой России.

В основу сюжета романа легли воспоминания автора о 27 годах, проведенных в тюрьмах, лагерях и ссылках Советского Союза, от первого ареста в феврале 1928 г. до реабилитации в апреле 1955 г.

Волков придерживается последовательной композиции с элементами проспекции и ретроспекции, причем прием ретроспекции преобладает: автор вспоминает эпизоды из дореволюционной жизни, периода становления советской власти в 1917–1919 гг., рассказывает о своей семье, старых столичных знакомых и о сложившейся их судьбе в будущем.

Лирические и публицистические отступления настолько часты, что становятся неотъемлемой частью повествования. Волков рассуждает о советской литературе и писателях, загрязнении окружающей среды, сохранении культурного и исторического наследия России, морали и нравственности в новом государстве, межнациональных отношениях, судьбах дворянского сословия, крестьянства, духовенства. Эти темы получают дальнейшее развитие в последующем творчестве Волкова.

Повествование О. Волков сопровождает несколькими авторскими примечаниями, главным образом он комментирует для современного читателя реалии советской пенитенциарной систе-

мы и лагерную лексику. Сопровождает примечаниями об авторстве и источнике свои рассуждения о литераторах.

Несмотря на принадлежность произведения к художественно-документальной группе жанров, Волков редко включает в текст документы. При этом автор использует не непосредственный текст, а дает пересказ его содержания или приводит отдельные цитаты. Волков подробно описывает приговор Особого совещания 1937 г.: «То была “выписка из протокола” – узенькая бумажка, где слева значилось “Слушали” и было напечатано на машинке: “...такой-то, имярек, 1900 г. р., сын помещика, судимый”, а справа, под словом “Постановили”, читалось: “Заключить в исправительно-трудовой лагерь сроком на пять лет, как социально опасный элемент”. Внизу неразборчивые подписи» [8]. Из протокола второго ареста приводит лишь цитату рабочего Савкина, который отказался подписывать ложное обвинение: «Волков не только не расспрашивал о заводе, но даже остановил однажды начавшийся при нем разговор о производственных делах» [9]. Об имеющихся у него документах автор сообщает кратко: «У меня в архиве пять уже ветхих бумажонков со штампами и выцветшими печатями. Я их собрал ценой двухлетних хлопот в Москве. Это по-разному сформулированные справки трибуналов, судов, “особых совещаний” о прекращении дела по обвинению имярек в том-то, по статье такой-то, за отсутствием состава преступления» [10].

В такой же манере передает Волков и содержание писем, адресованных ему. Пересказывает наиболее значимые для развития сюжета сообщения или приводит отдельные яркие цитаты. Более подробно представляет автор записки и письма от своей лагерной возлюбленной Любы Новосильцевой, сопровождая пересказ многочисленными цитатами и прибегая к несобственно-прямой речи.

С помощью писем автор сообщает некоторые события, имеющие значение для сюжета, вкладывая рассказ о них в уста своих адресантов: «В этой записке – последней – Люба писала: “Уж лучше пусть о постигшем тебя горе ты узнаешь от меня. Да помогут тебе моя любовь и сочувствие с ним справиться. Олег, милый, бедный мой Олег, крепись: у тебя нет больше брата. Всеволод уже скоро два года как погиб на Волховском фронте...”» [11]

Эпистолярные жанры в романе выполняют несколько функций: участвуют в создании мемуарного сюжета, способствуют раскрытию внутреннего мира героев, дополняют монологическую речь повествователя, превращая ее в диалог, полемику, беседу, корректируя при этом авторскую точку зрения. Письма и цитаты из них, документы расширяют границы авторской субъективности, вводят иные точки зрения, тем самым обогащая текст с позиций широты охвата действительности и установки на объективность изображения.

Мнениям и голосам автор придает гораздо большее значение, нежели официальным бумагам. Воспоминания участников событий в произведении Волкова – весомый документ эпохи. Эту точку зрения он распространяет не только на свое сочинение, но и на воспоминания других заключенных. Например, о сочинении Аксеновой-Гинзбург пишет: «Ее воспоминания – это документ» [12]. Говоря о своей работе над мемуарами, он подчеркивает, что создает именно свидетельство эпохи, определяя свою цель так: «...правдиво рассказать о моем времени и насколько возможно объективно его оценить» [13].

Помимо писем и отсылок к документам в композиции «Погружения во тьму» присутствует вставной элемент – зарисовка под заголовком «Скорбный путь», посвященная Любе Новосильцевой. Очерк имеет датировку 1949 г. Сам автор называет это произведение просто страницы или строки. Они посвящены изображению женского этапа на Кемьской пересылке.

Описание имеет кольцевую композицию. Начинается и заканчивается пейзажными зарисовками, в которых преобладают теплые и нежные краски. Автор подчеркивает контраст между лучезарной природой и серой безликой массой заключенных с бескровными лицами, потускневшими взглядами. Создает ряд метафор и сравнений для характеристики этапа: застывающая от холода змея, мертвая процессия, серая масса, вереница привидений, автоматы с изношенными пружинами, ватные ноги кукол.

В описании колонны возникает мотив смерти. Заключенные – привидения с безжизненно повисшими руками и изношенными пружинами, они движутся, как автоматы. Над ними висит каменное молчание, сосредоточенная тишина зауспокойной службы.

Обреченность и безжизненность заключенных автор также подчеркивает с помощью контраста с конвоирами, сопровождающими этап. В толпе – уставшие люди без пола и возраста, конвой – здоровые смуглые парни. Этап идет в полном молчании, конвоиры – покрикивают и изредка щелкают для развлечения затворами. Глаза заключенных отражают все оттенки отчаяния, конвоиры жизнерадостны. Заключенные идут мягко, неслышно, медленно, конвоиры ступают пружинисто, бодро [14].

Таким образом, контраст в зарисовке реализуется на языковом и идейном уровнях. Автор использует этот прием для наибольшей экспрессивности и убедительности в изображении мироощущения и положения арестантов. Двойной контраст подчеркивает, что заключенные отринуты жизнью, они чужды всему: и природе, и советскому народу.

Отрывочность повествования, частые переходы от одного эпизода к другому характерны для поэтики «Погружения во тьму». Весь текст романа разбит на отрывки, разделенные звездочками или отступом. Каждый посвящен одному событию, одной зарисовке. Этот подход к организации текста позволяет передать специфику воспоминаний – некоторую фрагментарность повествования – и акцентировать внимание на наиболее значимых для автора деталях, событиях. Отрывочность повествования также подчеркивает часто используемое автором многоочие.

В сюжетное повествование Волков включает многочисленные пейзажные зарисовки. Природа в произведении выступает не просто фоном, на котором разворачиваются события, но и непосредственной участницей событий романа. Она воспринимается автором как живительная сила. «Окрыляли и выветривали из памяти затхлые тюремные картинки: наполненный лесными запахами воздух, солнечный свет, шелест деревьев, живая земля под ногами, первые мазки осени. И это целительное и заживляющее воздействие природы, осознанное мною впоследствии как Божественное начало жизни, я еще неопределенно, без осмысления, стал постигать именно тогда...» [15]

У Волкова встречается и мистическое толкование природы как храма Господня. Обращенная в храм поляна, где заключенные собираются на тайное богослужение, предстает местом незримого присутствия Бога. «Чудилась некая связь между этой вот горсткой затравленных, с верой и надеждой внимающих каждому слову отца Иоанна эзков и святыми и мучениками, порожденными гонениями» [16].

В. В. Умнягин, характеризуя мотивы природы в текстах бывших соловецких заключенных, отмечает, что в жизни каторжан природа имела спасительное значение. Она не только дает средства к выживанию, но и помогает сохранить душевное здоровье. Природа ассоциируется с бегством из «мертвого дома» [17].

Пейзажные зарисовки в романе призваны раскрыть особое авторское мировоззрение, благодарно принимающее действительность. Природа в его воспоминаниях не суровая пособница карателей, а утешительница и помощница угнетенных, источник духовных сил. Взаимоотношения с этой стихией выступают в романе в качестве важной составляющей внутренней жизни человека и становятся источником духовных и эстетических переживаний.

Наряду с мотивами природы в повествовании значительно место занимают мотивы света и тьмы, мертвого дома, ада и пути.

Лейтмотив произведения – образ пути. Это ведущий структурообразующий элемент повествования. Он нашел отражение в заголовке книги и названии семи из десяти глав произведения: «Начало длинного пути», «Я странствую», «В ноевом ковчеге», «В краю непуганых птиц», «На перепутье», «И возвращаются ветры на круги своя...», «По дороге декабристов» – а также в заглавии вставного эпизода о женском этапе «Скорбный путь».

По мнению А. Сафронова, названия глав свидетельствуют о том, что свою судьбу Волков воспринимает именно как путь. Конец пути у него связан с обретением новой профессии и новой цели, посвящением себя литературе [18].

Сюжет романа – также путь, жизненный путь автора, его родины и народа, который по количеству выпавших на этом пути страданий и по направленности движения от тьмы к свету может быть назван крестным путем.

Коннотация света и мрака в книге воспоминаний соловецкого узника является отражением его мировосприятия и видения судьбы России. Волков опирается на христианскую символику, связывая свет со святостью, духовностью, возрождением, а тьму – с уничтожением, угрозой, бездуховностью. Эта символика включает такие образы, как свет, огонь свечи, лампы, лучи солнца, огоньки во тьме, маяк, яркие звезды, светлый лик и потемки, мрак, ночь, темные силы.

Оппозиция света и тьмы пронизывает все произведение и формирует его художественную концепцию. Свет для автора стоит в одном ряду с понятиями правды и справедливости: «Крепки были тогда в нас эти надежды, и каждый про себя уже видел, как один за другим распахиваются ставни, не пропускавшие в Россию свет, правду, справедливость, добро...» [19] А темные образы в произведении неизменно связаны с идеологией насилия.

Концентрация жестокости и беззакония для писателя – лагерь, который тоже обретает символическое значение. Это словно другой, отделенный от остального мира остров, ад на земле. Потому в его описании преобладают темные цвета. Волков передает атмосферу этого места, называя лагерь царством дьявола, адом, помойной ямой, клоакой, смрадным загоном и чудовищ-

ным ульем. А годы своих скитаний охарактеризует в конце книги как беспросветное время. Однако палитра описания Соловков неоднозначна. С одной стороны, это остров угнетения, с другой – великая святыня, которая словно излучает свет, успокаивает: «Громада соборов Соловецкого ставропигиального монастыря как будто излучает свет» [20].

Л. Паликовская делает вывод о многозначности слова «тьма» в романе. По ее мнению, это тьма личной судьбы автора, тьма всеобщей нищеты и бесправия, взаимного недоверия и подозрительности. Доминантное в лингвистической терминологии значение – тьма как противоположность свету духовному. Паликовская замечает, что Волков предостерегает читателя, указывая на забвение общечеловеческой морали, утверждение примата материальных ценностей над духовными как истоки будущих бед [21].

Источником света в темные времена в романе становится религия: «В любви и вере виделось оружие против раздирающей людей ненависти» [22]. Е. Гладкова замечает о романе О. Волкова: «Авторский взор различает во тьме Соловецкого лагеря сияние и святыни, и подвига современных ему мучеников. Память об этом станет опорой для писателя в его нелегком пути» [23].

Для писателя погружение во тьму является одновременно и восхождением к духовному свету. Опору нравственного возрождения родины Волков видит в праведниках, мучениках. «Погружаясь во тьму жизни, – пишет Л. Н. Крупина, – а вернее – во тьму смерти, о которой поведал писатель, заражаешься силой его духа, волей автора. От страницы к странице ты, как это ни кажется невероятным, совершаешь восхождение к свету: тебе открывается смысл истинного подвижничества, жертвенности. Этот смысл для автора и дорогих его сердцу героев в любви к Богу, к людям, к жизни, какой бы трудной она не была, в стремлении сохранить в себе человека даже на самом мученическом пути, творить добро» [24].

Вспоминая о пережитом, Волков расставляет световые акценты, подкрепленные библейским контекстом. Так в произведении читается концепция: живы надежды на ожидающее Россию преображение, на царство света, но путь к этому свету лежит через тьму, через страдания, потери, через ад сталинских застенков.

Можно заключить, что жанровая природа произведения имеет синтетический характер, включает черты многих жанров как художественной, так и документальной литературы. Это обусловлено промежуточным положением «Погружения во тьму» как произведения художественно-документального и творческими целями автора – создать яркий, выразительный, но правдивый портрет эпохи. В произведении доминирует романное начало. Сложность выбранного жанра определяет и особенности композиции мемуарного романа «Погружение во тьму». Она представляет собой сложную многогранную структуру, обогащенную публицистическими и лирическими отступлениями, элементами проспекции и ретроспекции, вставными документами, примечаниями и пейзажными зарисовками. Фрагментарность, разорванность композиции передает специфику воспоминаний. Структурообразующую роль в композиции играют лейтмотивы пути, света и тьмы. Собственный жизненный путь и путь страны Волков видит в продвижении сквозь тьму к свету. Эти символы приобретают в произведении идейное значение, формируют его художественную концепцию. Таким образом, крестный путь России предстает как восхождение через ад, тьму безверия и насилия к свету, который неразрывно связан в сознании мемуариста с духовностью и религией. Так в своеобразной и сложной композиции произведения раскрывается авторская позиция, основная идея книги.

Примечания

1. *Калюжный Г. П.* Век надежд и крушений // Студенческий меридиан. 1990. № 1. С. 39.
2. *Он же.* Самостояние великоросса: об О. В. Волкове // Волков О. В. Два стольных града. М., 1994. С. 20.
3. *Сафронов А. В.* «Путь» как жанр и «путь» как судьба (Александр Солженицын и герои «лагерной» прозы // Наследие А. И. Солженицына в современном культурном пространстве России и зарубежья (к 95-летию со дня рождения писателя): сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф. / отв. ред. А. А. Решетова; Рязан. гос. ун-т имени С. А. Есенина. Рязань: Изд-во «Концепция», 2014. С. 202.
4. *Шварц Е.* Мемуары / подгот. текста, предисл. и примеч. Льва Лосева. Париж: La Presse Libre, 1982. С. 103.
5. *Волков О. В.* Погружение во тьму. М.: Братство святого апостола Иоанна Богослова, 2014. С. 271.
6. Там же. С. 8.
7. Там же. С. 11.
8. Там же. С. 284.
9. Там же. С. 152.
10. Там же. С. 528.
11. Там же. С. 447.
12. Там же. С. 317.

13. Там же. С. 478.
14. Там же. С. 493–495.
15. Там же. С. 301.
16. Там же. С. 9.
17. Умнягин В. В. Мотивы природы в текстах бывших соловецких заключенных // Ярославский педагогический вестник. 2015. № 6. С. 314–319.
18. Сафронов А. В. Указ. соч. С. 204–206.
19. Волков О. В. Указ. соч. С. 527.
20. Там же. С. 80.
21. Паликовская Л. Автопортрет с петлей на шее // Литературное обозрение. 1990. № 7. С. 50–53.
22. Волков О. В. Указ. соч. С. 9.
23. Гладкова Е. В. Символика света в изображении Соловков (Б. Ширяев и О. Волков) // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2011. № 4. С. 179.
24. Крупина Л. Н. «Я живу, чтобы свидетельствовать!» // Крупина Л. Н., Соснина Н. А. Сопричастность времени: кн. для учителя. М., 1992. С. 57.

Notes

1. Kalyuzhnyj G. P. *Vek nadezhd i krushenij* [Century of hopes and crashes] // *Studencheskij meridian* – Student Meridian. 1990, No. 1, p.39.
2. Also him. *Samostoyanie velikorossa: ob O. V. Volkove* [Self-stance of the great Russian: O. V. Volkov] // Volkov O. V. *Dva stol'nyh grada* [Two capital cities]. M. 1994. P.20.
3. Safronov A. V. «Put'» kak zhanr i «put'» kak sud'ba (Aleksandr Solzhenitsyn i geroi «lagernoj» prozy. ["Way" as a genre and "way" as destiny (Alexander Solzhenitsyn and heroes of "camp" prose)] // *Nasledie A. I. Solzhenitsyna v sovremennom kul'turnom prostranstve Rossii i zarubezh'ya (k 95-letiyu so dnya rozhdeniya pisatelya): sb. materialov Mezhdunar. nauch.-prakt. Konf.* – Legacy of A. I. Solzhenitsyn in the modern cultural space of Russia and abroad (to the 95th anniversary of the birth of the writer): proceedings of the international scientific-pract. Conf. / resp. ed. A. A. Reshetov; Ryazan State University n.a. S. A. Yesenin. Ryazan. Publishing house "Contseptsiya". 2014. P. 202.
4. SHvarc E. *Memuary* [Memoirs] / prep. text, foreword and **Notes** by Lev Losev. Paris. La Presse Libre. 1982. P. 103.
5. Volkov O. V. *Pogruzhenie vo t'mu* [Dive into the darkness]. M. Fellowship of the Holy Apostle John the Theologian. 2014. P. 271.
6. Ibid. P. 8.
7. Ibid. P. 11.
8. Ibid. P. 284.
9. Ibid. P. 152.
10. Ibid. P. 528.
11. Ibid. P. 447.
12. Ibid. P. 317.
13. Ibid. P. 478.
14. Ibid. Pp. 493-495.
15. Ibid. P. 301.
16. Ibid. P. 9.
17. Umnyagin V. V. *Motivy prirody v tekstah byvshih soloveckih zaklyuchennyh* [Motifs of nature in the texts of the former Solovki prisoners] // *Yaroslavskij pedagogicheskij vestnik* – Yaroslavl pedagogical herald. 2015, No. 6, pp. 314-319.
18. Safronov V. A. Op. cit. Pp. 204-206.
19. Volkov O. V. Op. cit. P. 527.
20. Ibid. P. 80.
21. Palikovskaya L. *Avtoportret s petlej na shee* [Self-portrait with a noose around his neck] // *Literaturnoe obozrenie* – Literary review. 1990, No. 7, pp. 50-53.
22. Volkov O. V. Op. cit. p.9.
23. Gladkova E. V. *Simvolika sveta v izobrazhenii Solovkov (B. SHiryaev i O. Volkov)* [Symbolism of light in the image of Solovki (B. Shiryayev and O. Volkov)] // *Vestnik Permskogo universiteta. Rossijskaya i zarubezhnaya filologiya* – Perm University Herald. Russian and foreign Philology. 2011, No. 4. p. 179.
24. Krupina L. N. «YA zhivu, chtoby svidetel'stvovat'!» ["I live to testify!"] // Krupina L. N., Sosnina N. A. *Sopri-chastnost' vremeni: kn. dlya uchitelya* [Involvement to time: book for teachers]. M. 1992. P. 57.

**Урок литературы в старших классах,
посвященный изучению пейзажной лирики
И. А. Бунина с опорой на фоносемантический анализ
звукобуквенных и цветовых значений**

При анализе произведений русской классической литературы выявление определенного цветового или звукового значения необходимо для целостного восприятия и понимания текста, замысла автора и глубины произведения. В статье представлен вариант урока литературы в старших классах, посвященный изучению пейзажной лирики И. А. Бунина. Основным интерес в структуре урока представляет применение методики фоносемантического анализа текстов при определении тематики, идейной основы и средств выразительности стихотворения. В качестве базы подобной работы используются звукобуквенные и цветовые соответствия, предложенные А. П. Журавлевым, а также варианты, выявляемые компьютерной программой «Звукоцвет.ру». Результатом проведенного анализа стихотворений является доказательство постоянной и прочной связи звукобуквенного и цветового значений в поэтических текстах, а также их связи с тематикой произведения, их значительного влияния на построение текста, выявление авторских замыслов.

In the analysis of works of Russian classical literature, the identification of specific colour or sound values is necessary for a holistic perception and understanding of the text, of the author's design and the work depth. This article presents an example of literature lesson in high school, dedicated to the study of I Bunin's landscape lyrics. The main interest in the lesson structure is the use of the techniques of phonosemantic analysis of texts with the determination of the subject matter, the ideological bases and means of expression of the poem. As a base such work used letter to sound and letter to colour matching, suggested by A. Zhuravlev and options revealed by the "zvukotsvet.ru" computer program. The result of the analysis of the poems is the proof of a constant and strong bond of the and color values in the poetic texts, as well as their connection with the subject of the work, their significant impact on the construction of the text, revealing the author's ideas.

Ключевые слова: урок литературы, поэзия И. А. Бунина, пейзажная лирика, анализ стихотворений, средства языковой выразительности, цветообраз, фоносемантический анализ.

Keywords: literature lesson, poetry Bunin I. A., landscape poetry, analysis of poems, linguistic means of expression, colour image, phonosemantic analysis.

Лирика И. А. Бунина обязательна для изучения на уроках литературы в старших классах. Основу уроков, посвященных поэзии Бунина, составляет анализ его стихотворений различной тематики. В связи с тем что поэзия Бунина отличается яркой «красочностью», оригинальной точностью детализировки, мы предлагаем вариант урока с использованием фоносемантического звукоцветового анализа бунинских текстов (на основе методики А. П. Журавлева) [1]. Это, на наш взгляд, способствует более глубокому пониманию поэзии И. А. Бунина, совершенствованию анализа лирических произведений, развитию новых подходов к школьному изучению стихотворных текстов.

Начать такой урок можно со вступительного сообщения и презентации учителя, посвященных жизни и творчеству И. А. Бунина.

Иван Алексеевич Бунин – выдающийся русский писатель, большую часть творческого наследия которого составляет проза, хотя на протяжении всей жизни он писал также и стихи. Начало его творчества – это рубеж XIX и XX вв., а потому Иван Алексеевич Бунин вошёл в плеяду поэтов Серебряного века: «Я всё-таки... прежде всего поэт. Поэт! А уж потом только прозаик», – говорил он [2].

И. А. Бунин не примкнул ни к одному из литературных течений. В поэзии Серебряного века его имя стоит особняком. Стихи И. А. Бунина начал писать рано, еще в восемь лет, в 17 они становятся более серьезными; и в 1887 г. он дебютирует в печати.

Поэзия Бунина своеобразна. Она больше похожа на ритмически организованную, рифмованную прозу, чем на стихи в их классическом виде. Но именно своей новизной и свежестью привлекает она читателей.

Вспомним стихотворение «Осыпаются астры в садах» (1888 г.):

*Осыпаясь астры в садах,
Стройный клён под окошком желтеет,
И холодный туман на полях
Целый день неподвижно белеет.
Ближний лес затихает, и в нём
Показались всюду просветы,
И красив он в уборе своём,
Золотистой листвою одетый.
Но под этой сквозною листвой
В этих чащах не слышно ни звука...
Осень веет тоской,
Осень веет разлукой!*

*Поброди же в последние дни
По аллее, давно молчаливой,
И с любовью и с грустью взгляни
На знакомые нивы.
В тишине деревенских ночей
И в молчанье осенней полночи
Вспомни песни, что пел соловей,
Вспомни летние ночи
И подумай, что годы идут,
Что с весной, как минует ненастье,
Нам они не вернут
Обманувшего счастья...*

«На фоне русского модернизма поэзия Бунина выделяется как хорошее старое», – писал Ю. Айхенвальд [3].

В поэзии Бунина чётко прослеживаются традиции русских лириков, его предшественников, в первую очередь Пушкина, Тютчева и Фета.

Следуя традициям Пушкина, Бунин изображает в своих стихотворениях определенную связь между человеком и природой, чаще символизирующую гармонию. Пушкин считал, что подлинная поэзия состоит в простоте, естественности реальных чувств человека, явлений природы и её настроений.

Как и Тютчева, Бунина привлекает природа в своих переходных состояниях, в столкновении стихийных, светлых и тёмных сил. Бунин тоже видит природу целостно, как живой организм, который находится в постоянном движении. Поэтов неустанно влечёт небо, потому что именно оно даёт им мимолетную, но безусловную причастность к вечному.

Стремление выразить «невыразимое» через лирический миг, передать читателю охватившее поэта настроение – одно из хрестоматийно известных свойств поэзии Фета. Эту же направленность мы видим и в поэзии Бунина. Он, как и Фет, в словах «останавливает мгновенье», старясь вместить в него весь мир в его предметном и чувственном разнообразии.

Одна из основных тем лирики Бунина – пейзаж, анализом которого мы и будем заниматься сегодня на уроке.

Далее информация об основных чертах пейзажной лирики И. А. Бунина может быть представлена в виде заранее подготовленного сообщения учащегося.

Пейзажная лирика входит в поэзию И. А. Бунина на рубеже веков и остается преобладающей во всём его творчестве. Первое стихотворение Бунина было напечатано, когда ему только исполнилось семнадцать, через четыре года вышел первый сборник стихов, но известность пришла к нему лишь через десять лет, после выхода сборника «Листопад». В 1901 г. этот сборник был отмечен Пушкинской премией Академии наук.

Пейзажная лирика Бунина сильно отличается от поэзии его современников – символистов. Не стремясь увидеть символ и определить его внеземное значение, Бунин боготворит реальную действительность. А потому стремится к живописной точности и детальности зарисовок. Именно пейзажная лирика И. А. Бунина в большей степени характеризуется обилием цветовых эффектов, а также невероятной наполненностью звуковыми эффектами. Это отчётливо проявляется, например, в строках:

*1. Осыпаются астры в садах,
Стройный клён под окошком желтеет,
И холодный туман на полях
Целый день неподвижно белеет...*
*2. Шумели листья, облетая,
Лес заводил осенний вой...*
*Каких-то серых птичек стая
Кружилась по ветру с листвою.*

Следуя принципам реалистического пейзажа XIX в., И. А. Бунин вместе с тем делает акцент на самодостаточности и независимости природы от человека. Поэт переживает одиночество человека на лоне природы и одиночество природы без человека, «блаженную тоску». Стихи Бунина – это созерцание картин природы, созданных средствами определенных деталей и ярких звуков, точных красок и полутонов. Основное настроение его пейзажной лирики – это тоска, печаль и грусть, но есть в ней какая-то «светлая», очищающая сила.

*Шумели листья, облетая,
Лес заводил осенний вой...*
*Каких-то серых птичек стая
Кружилась по ветру с листвою.*

*А я был мал, – беспечной шуткой
Смятенье их казалось мне:
Под гул и шорох пляски жуткой
Мне было весело вдвойне.*

*Хотелось вместе с вихрем шумным
Кружиться по лесу, кричать –
И каждый медный лист встречать
Восторгом радостно-безумным!*

Как уже отмечалось, И. А. Бунин любит природу в ее переходные моменты: вечер, полночь, туманное утро... Бунинский пейзаж правдив, тонок и точен. В стихах Бунина есть неповторимый лирический образ. Мы не слышим личностного «я» или «мне». По этой причине Бунина упрекали в холодности. Но это совсем не так. Бунинская поэзия полна ощущений, красок и звуков.

Остановимся на разборе и анализе одного стихотворения. При этом интересно использовать фоносемантический звукоцветовой анализ стихотворения. Разберем это на примере стихотворения «Осыпаются астры в садах», которое Бунин создал в 1888 г.

На первый план в этом произведении выходит тема осеннего увядания природы. Поэт говорит об изменениях «в садах», в полях, в лесу – во всем окружении человека:

*Осыпаются астры в садах,
Стройный клён под окошком желтеет,
И холодный туман на полях
Целый день неподвижно белеет.
Ближний лес затихает, и в нём
Показались всюду просветы,
И красив он в уборе своём,
Золотистой листвою одетый.*

Состоит это стихотворение из двух двенадцатистрочных строф. Стихотворный размер обеих – трехстопный анапест. По словам Н. Гумилева, «анапест стремителен, порывист, это стихи в движение, напряжение нечеловеческой страсти» [4]. А литературовед М. Л. Гаспаров говорит о том, что метрическая традиция связана с семантической: «Звуковая форма слова и значение слова внутренне не связаны, но когда поэт берет слово, он вместе с его значением поневоле берет и его звучание, чтобы включить его в общий строй произведения. Звуковая форма метра и содержание стихотворения органически не связаны – но когда поэт берет метр, он вместе с его звучанием поневоле берет и исторически накопленные его смысловые ассоциации, чтобы включить их в общий строй произведения» [5]. Исторически сложившимися темами трехстопного хорея тео-

ретик литературы называет темы пейзажа и быта, а также тему разлуки. И в связи с тем что, по мнению М. Л. Гаспарова, размеры с общим признаком схожи друг с другом, делаем вывод, что указанные значения есть и в трехстопном анапесте. К тому же, ссылаясь на его западноевропейское происхождение, М. Л. Гаспаров выявляет романтическую и патетическую семантику трехстопного анапеста. Этот размер использует еще В. А. Жуковский в балладе «Иванов вечер» из В. Скотта («и, с польскими наращениями, – “Будрыс и его сыновья” Пушкина из Мицкевича»). Далее эту же традицию наблюдаем в песне «Есть на Волге утес» А. А. Навроцкого и в «лирических вариациях от гражданского пафоса Надсона до романской нежности К. Р.» [6]. В целом, по указанию М. Л. Гаспарова, трехсложные размеры у русского читателя ощущаются как «протяжные», «медлительные», «заунывные» (например, у Н. А. Некрасова) [7].

В другом исследовании поэзии Бунина («Семантика анапеста в поэзии Бунина» Л. В. Павловой) находим указание, что анапестические размеры И. А. Бунин в большей степени использует в раннем, а затем в зрелом творчестве: «В эти периоды Бунин “пробует” анапест в стихотворениях различной тематики, испытывает его звучание в различных вариантах» [8]. И. А. Бунин выбирает этот размер, следуя романской традиции анапестических стихов в поэзии А. А. Фета. Павлова указывает на прочную связь анапеста с пейзажной лирикой. В стихотворении «Осыпаются астры в садах» и других, написанных в этом же периоде (конец 1880-х – начало 1900 гг.) Павлова называет основную тему «невозможности возврата былого счастья, чаще всего как следствие неразделенной любви. С этой темой связаны тема тоски и тема воспоминаний», которые образуют «единую семантическую линию» [9]. Подтверждение этому видим в стихотворении И. А. Бунина: первая строфа повествует о наступлении осени и приходящих вместе с ней разлуке и тоске:

*Осень веет тоской,
Осень веет разлукой!*

Вторая строфа построена на приеме антитезы: поэт сопоставляет осеннее молчание и осеннюю тишину с весной, летом – олицетворением жизни и молодости.

Стихотворение наполнено эпитетами (*стройный клен, холодный туман, золотистая листва, молчаливая аллея*), которые придают описываемому пейзажу жизненные черты. Перед нами предстает не только красота пожелтевшей листвы в саду, разноцветного убранства леса, но и их целостное живое взаимодействие, взаимосвязь. Эту же функцию в стихотворении выполняют глаголы настоящего времени из первой строфы: *желтеет, белеет, затихает*. Они же наполняют строки цветовой и звуковой семантикой. Во второй строфе глаголы стоят в повелительном наклонении (*поброди, взгляни, вспомни*). Бунину необходимо оживление в действиях при воспоминании о весне и лете – так он создает противопоставление картин: звонкого, шумного лета и молчаливой, тихой осени.

Характерной чертой бунинского стиля является цветоописание. Поэт играет красками и словами для их обозначения, создавая неповторимое ощущение пейзажа. В большинстве случаев выявление определенного цветового или звукового значения необходимо для целостного восприятия и понимания текста, замысла автора и глубины произведения. А при анализе произведений такого значительного поэта и прозаика, как И. А. Бунин, необходимо рассматривать указанные выше понятия в качестве ключевых.

При помощи методики, предложенной А. П. Журавлевым [10], а также программы «Звукоцвет.ру» [11] определим цветовой фон стихотворения.

В первом случае преобладают синие и зеленые цвета, во втором – средний цвет текста «темный циан» (гамма холодных густых сине-зеленых оттенков).

Сопоставляем ассоциативные ощущения и цветообраз стихотворения учащихся с полученными результатами по методике А. П. Журавлева и программы «Звукоцвет.ру».

Выявляем четкую зависимость между семантикой прилагательных *холодный, молчаливой, осенней*, а также существительного *полночи*, обладающего яркой цветовой образностью, и цветом данного стихотворения.

Стихотворение наполнено тоской лирического героя: он тоскует о невозвратимости «обманувшего счастья», которое не вернется даже с наступлением весны. Философски рассуждая о природных явлениях смены весны и лета осенью, о процессе увядания, поэт говорит о движении жизненных картин, изменениях в человеческой судьбе, которые, хотя и подобны природным, но имеют свои отличия – былое невозможно, даже после ухода «ненастья».

Таким образом, в бунинской поэзии воедино связаны цели и средства их воплощения. Предметные детали, звуки, краски, наполняющие стихотворение, не оторваны от его содержания, а, напротив, способствуют раскрытию основного замысла автора.

Дома предлагаем учащимся произвести подобный анализ стихотворения «Шумели листья, облетая...» (1901 г.) [12] и сопоставить результаты с полученными на уроке. Ответить на вопросы:

- В чем особенность бунинской прозы?
- Каково цветовое значение бунинских текстов?

На следующем уроке после проверки и разбора домашнего задания стоит подвести учащихся к следующим выводам:

1. Чтение стихотворений И. А. Бунина вызывает яркий зрительный и слуховой образ. Мы видим, как «осыпаются астры в садах», как «клён под окошком желтеет»; чувствуем восторг «радостно-безумный», радуемся «шумному вихрю» и тоскуем о невозможности возвращения «обманувшего счастья».

2. Результатом проведенного анализа стихотворений (с применением методики анализа звукобуквенных и цветовых соответствий А. П. Журавлева) является доказательство постоянной и прочной связи звукобуквенного и цветового значений в поэтических текстах, а также их связи с тематикой произведения, их значительного влияния на построение текста, выявление авторских замыслов.

3. Следуя мысли Бунина, мы понимаем, что счастье – это слияние с природой, ощущение единства с ней. Поэзия Бунина уникальна. Благодаря точному использованию цветовых, звуковых и буквенных средств, направленных на отображение главного замысла произведения, поэт учит видеть, слышать, понимать, любить мир, жизнь, родную землю, её красоту – и быть счастливым.

Примечания

1. Журавлев А. П. Фонетическое значение. Л.: ЛГУ, 1974. 160 с.
2. Бунин И. А. Стихотворения. Рассказы. Повести // Библиотека Всемирной литературы. М.: Худож. лит., 1973. Интернет-библиотека Алексея Комарова.: <http://www.ilibrary.ru/> (дата обращения: 15.11.2016)
3. Айхенвальд Ю. И. Иван Бунин // Силуэты русских писателей. М: Издание «Научное слово», 1917. 220 с.
4. Гумилев Н. Письма о русской поэзии. М.: Изд-во «Мысль», 1923. 215 с.
5. Гаспаров М. Л. Метр и смысл. Об одном механизме культурной памяти. М.: РГГУ, 1999. 297 с.
6. Там же.
7. Гаспаров М. Л. Очерк истории европейского стиха. М.: Фортуна Лимитед, 2003. 274 с.
8. Павлова Л. В. Семантика анапеста в поэзии И. А. Бунина // Известия Смоленского государственного университета. 2010. № 7. URL: <http://bubook.net/> (дата обращения: 14.12.2016)
9. Там же.
10. Журавлев А. П. Указ. соч.
11. Звуковой анализ текстов: Образовательный портал. URL: <http://zvukocvet.ru/> (дата обращения: 15.11.2016)
12. Бунин И. А. Указ. соч.

Notes

1. Zhuravlev A. P. *Foneticheskoe znachenie*. [Phonetic meaning]. L. Leningrad State University. 1974. 160 p.
2. Bunin I. A. *Stihotvoreniya. Rasskazy. Povesti* [Poems. Stories. Novels] // *iblioteka Vsemirnoj literatury* – Library of world literature. M. Khudozh. lit. 1973. The online library of Alexey Komarov: <http://www.ilibrary.ru/> (accessed: 15.11.2016)
3. *Ajhenval'd YU. I. Ivan Bunin* [Ivan Bunin] // *Siluehty russkih pisatelej* – Silhouettes of Russian writers. M. Publishing "Scientific word". 1917. 220 p.
4. Gumilev N. *Pis'ma o russkoj poehzii* [Letters about Russian poetry]. M. Publishing house "Mysl". 1923. 215 p.
5. Gasparov M. L. *Metr i smysl. Ob odnom mekhanizme kul'turnoj pamyati* [Meter and meaning. One mechanism of cultural memory]. M. RSGU. 1999. 297 p.
6. Ibid.
7. Gasparov M. L. *Ocherk istorii evropejskogo stiha* [Sketch of the history of European verse]. M. Fortuna Limited. 2003. 274 p.
8. Pavlova L. V. *Semantika anapesta v poehzii I. A. Bunina* [Semantics of anapest in poetry of Ivan Bunin] // *Izvestiya Smolenskogo gosudarstvennogo universiteta* – News of the Smolensk State University. 2010, No. 7. Available at: <http://bubook.net/> (accessed: 14.12.2016)
9. Ibid.
10. Zhuravlev A. P. Op. cit.
11. *Zvukovoj analiz tekstov: Obrazovatel'nyj portal* – Sound analysis of text: Educational portal. Available at: <http://zvukocvet.ru/> (accessed: 15.11.2016)
12. Bunin I. A. Op. cit.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

БОБЫРЕВА Наталья Николаевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры европейских языков и культур, Казанский (Приволжский) федеральный университет. 420008, г. Казань, ул. Кремлевская, 18.

E-mail: Nathalienb@yandex.ru

БОЛОТОВА Екатерина Александровна – кандидат философских наук, старший преподаватель кафедры философии, Кубанский государственный университет. 350040, г. Краснодар, ул. Ставропольская, 149.

E-mail: kbolotova@list.ru

БОРОДИНА Валерия Владимировна – аспирант кафедры истории России средних веков и нового времени, Московский государственный областной университет. 105005, г. Москва, ул. Радио, 10А.

E-mail: borodinauvv@yandex.ru

ЗЕЗЮЛЯ Ирина Николаевна – аспирант кафедры германистики и лингводидактики, Московский городской педагогический университет. 105064, г. Москва, Малый Казенный переулок, 5 б.

E-mail: irkaminskaya@yandex.ru

ИГНАТОВ Иван Александрович – кандидат филологических наук, доцент кафедры управления информационно-документационными и социально-политическими процессами, Коми республиканская академия государственной службы и управления. 167982, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, 11.

E-mail: ignatov@krag.net

КАРИМОВ Артур Равилевич – кандидат философских наук, доцент кафедры социальной философии, Казанский федеральный университет. 420008, г. Казань, ул. Кремлевская, 18.

E-mail: arrkarimov@kpfu.ru

КИСЕЛЕВА Елена Сергеевна – кандидат философских наук, ассистент кафедры философии, психологии и педагогики, Кубанский государственный медицинский университет. 350063, г. Краснодар, ул. Седина, 4.

E-mail: eleskis@mail.ru

КОЗНОВА Ольга Александровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры филологии, Старооскольский филиал Белгородского государственного национального исследовательского университета. 309502, г. Старый Оскол, м-н Солнечный, 18.

E-mail: jalo1710@rambler.ru

КОРНЫШЕВА Ирэн Робертовна – кандидат философских наук, декан социально-экономического факультета, Государственный гуманитарно-технологический университет. 142611, Московская область, г. Орехово-Зуево, ул. Зеленая, 22.

E-mail: nerikor@mail.ru

КРАВЧЕНКО Надежда Юрьевна – аспирант кафедры русского языка и методики преподавания, Институт филологии и межкультурной коммуникации, Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова. 655000, г. Абакан, ул. Ленина, 94.

E-mail: Krawchenko.Nadia@yandex.ru

МАКАРОВА Людмила Валерьевна – аспирант факультета русской филологии и документоведения, Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого. 300026, г. Тула, просп. Ленина, 125.

E-mail: mika.lu@mail.ru

НОВОСЁЛОВА Екатерина Алексеевна – ассистент кафедры русского языка для иностранных учащихся, аспирант кафедры русской литературы XX и XXI вв., Уральский федеральный университет им. Б. Н. Ельцина. 620002, г. Екатеринбург, ул. Мира, 19.

E-mail: novosyolova_e@mail.ru

ПЕЧАТНОВ Валентин Владимирович – кандидат исторических наук, доцент кафедры философии, МГИМО МИД России. 119454, г. Москва, просп. Вернадского, 76.

E-mail: vpchatnov@yandex.ru

ПОПОВА Лариса Георгиевна – доктор филологических наук, профессор кафедры германистики и лингводидактики, Московский городской педагогический университет. 105064, г. Москва, Малый Казенный переулок, 5 б.

E-mail: larageorg5@gmail.com

СТЕПАНЕНКО Никита Сергеевич – магистрант исторического факультета, Армавирский государственный педагогический университет. 352900, Краснодарский край, г. Армавир, ул. Розы Люксембург, 159.

E-mail: stepanenkonikita1993@yandex.ru

ХАПЧАЕВ Исмаил Абуевич – доктор философских наук, профессор кафедры гуманитарных, социальных, экономических и прикладных правовых дисциплин, Северо-Кавказский юридический институт Северо-Кавказской государственной гуманитарно-технологической академии. 369000, Карачаево-Черкесская Республика, г. Черкесск, ул. Космонавтов, 100.

E-mail: khasfotia@mail.ru

ХУБИЕВА Заира Альбертовна – кандидат философских наук, доцент кафедры социальных, гуманитарных, экономических, прикладных и правовых дисциплин, Северо-Кавказская государственная гуманитарно-технологическая академия. 369000, г. Черкесск, ул. Ставропольская, 36.

E-mail: zaira.kor@yandex.ru

ЧЕРВЯКОВ Алексей Аркадьевич – кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка, Вологодский государственный университет. 160000, г. Вологда, ул. Ленина, 15.

E-mail: kpskl@yandex.ru

ЮФЕРЕВА Яна Александровна – аспирант кафедры русской и зарубежной литературы и методики обучения факультета филологии и медиакоммуникаций института гуманитарных и социальных наук, Вятский государственный университет. 610000, г. Киров, ул. Московская, 36.

INFORMATION ABOUT AUTHORS

BOBYREVA Natalia Nikolaevna – candidate of philological sciences, associate professor, Department of European languages and cultures, Kazan (Volga region) Federal University. 18 Kremlevskaya str., 420008, Kazan.

E-mail: Nathalienb@yandex.ru

BOLOTOVA Ekatherina Aleksandrovna – candidate of philosophical sciences, senior lecturer of Department of philosophy, Kuban State University. 149 Stavropolskaya str., 350040, Krasnodar.

E-mail: kbolotova@list.ru

BORODINA Valeriya Vladimirovna – postgraduate student of the Department of history of the middle ages and modern times, Moscow State Regional University. 10A Radio str., 105005, Moscow.

E-mail: borodinauvv@yandex.ru

ZEZYULYA Irina Nikolaevna – postgraduate student of the Department of Germanic studies and linguistics, Moscow City Teacher Training University. 5B Malyi Kazenniy lane, 105064, Moscow.

E-mail: irkaminskaya@yandex.ru

IGNATOV Ivan Aleksandrovich – candidate of philological sciences, associate professor of the Department of management information documentation and socio-political processes, Komi Republican Academy of State Service and Management. 11 Kommunisticheskaya str., 167982, Syktyvkar.

E-mail: ignatov@krag.net

KARIMOV Artur Ravilevich – candidate of philosophical sciences, associate professor of the Department of social philosophy, Kazan Federal University. 18 Kremlevskaya str., 420008, Kazan.

E-mail: arrkarimov@kpfu.ru

KISELEVA Elena Sergeevna – candidate of philosophical sciences, assistant on the Department of philosophy, pedagogy and psychology, Kuban State Medical University. 4 Sedin str., 350063, Krasnodar.

E-mail: eleskis@mail.ru

KOZNOVA Olga Alexandrovna – candidate of philological sciences, associate professor of the Department of philology, Stary Oskol branch of Belgorod State National Research University. 18 Solnechniy sub-district, 309502, Stary Oskol.

E-mail: jalo1710@rambler.ru

KORNYSHEVA Iren Robertovna – candidate of philosophical sciences, the head of Socio-Economic Department, State University of Humanities and Technology (GGTU). 22, Zelenaya Street, Orekhovo-Zuevo, 142611.

E-mail: nerikor@mail.ru

KRAVCHENKO Nadezhda Yuryevna – postgraduate student at the Russian Language and Methods of Teaching Department of the Institute of Philology and Intercultural Communication, Khakass State University named after N. F. Katanov. 94 Lenin str., 655000 Abakan.

E-mail: Krawchenko.Nadia@yandex.ru

MAKAROVA Lyudmila Valerievna – postgraduate student of the faculty of Russian philology and documentation science, Tula State Pedagogical University n.a. L. N. Tolstoy. 125 Lenin Ave., 300026, Tula.

E-mail: mika.lu@mail.ru

NOVOSYOLOVA Ekaterina Alekseevna – assistant of the Department of Russian for foreign students, postgraduate student of the Department Russian literature of XX and XXI centuries, Ural Federal University n.a. B.N. Eltsin. 19 Mira str., 620002 Ekaterinburg.

E-mail: novosyolova_e@mail.ru

Informatin about authors

PECHATNOV Valentin Vladimirovich – candidate of historical sciences, associate professor of the Department of philosophy, MSIIR of MFA Russia. 76 Vernadskiy Ave., 119454, Moscow.
E-mail: vpechatnov@yandex.ru

POPOVA Larisa Georgievna – doctor of philological sciences, professor of the Department of Germanic studies and linguistics, Moscow City Teacher Training University. 5Б Malyi Kazenniy lane, 105064, Moscow.
E-mail: larageorg5@gmail.com

STEPANENKO Nikita Sergeevich – graduate of the faculty of history, Yerevan State Pedagogical University. 159 Rosa Luxemburg str., 352900, Krasnodar region, Armavir.
E-mail: stepanenkonikita1993@yandex.ru

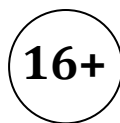
CHAPCHAEV Ismail Abuevich – doctor of philosophical sciences, professor of the Chair of humanitarian, social, economic and applied legal disciplines, North Caucasus law Institute of North-Caucasian State Humanitarian-Technological Academy. 100 Cosmonavtov str., 369000, Karachay-Cherkess Republic, Cherkessk.
E-mail: khasfotia@mail.ru

KHUBIEVA Zaira Albertovna – candidate of philosophical sciences, associate professor of social, humanitarian, economic, engineering and legal disciplines, North Caucasus State Humanitarian-Technological Academy 36 Stavropolskaya str., 369000, Cherkessk.
E-mail: zaira.kor@yandex.ru

CHERVYAKOV Alexey Arkadevich – candidate of philological sciences, associate professor, English language Department, Vologda State University 15 Lenin str., 160000, Vologda.
E-mail: kpskl@yandex.ru

YUFEREVA Yana Alexandrovna – post-graduate student of the Department of Russian and Foreign Literature and Teaching Methodology, the Faculty of Philology and Media Communication, Institute of Humanities and Social Sciences of Vyatka State University. 36 Moskovskaya str., 610000, Kirov.

Вестник Вятского государственного университета
Научный журнал № 4 (2017)

Подписано в печать 28.04.2017 г.
Дата выхода в свет 22.05.2017 г.
Формат 60x84 1/8. Гарнитура Cambria.
Печать цифровая. Усл. печ. л. 12,0. Тираж 200. Заказ № 4534.

Научное издательство Вятского государственного университета,
610000, г. Киров, ул. Московская, 36
(8332) 208-964

Отпечатано в центре полиграфических услуг
Вятского государственного университета,
610000, г. Киров, ул. Московская, 36